

ГАЛЕРЕЯ

***ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ***

№13

**Калуга
2016**

**ББК 84(2Рос=Рус)6
Г164**

Г164 **Галерея**: Литературно-художественный альманах/
Сост.: М.Бендрышева. - Калуга: Издательство «Эйдос», 2016. - 128
стр.

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Бендрышева М., идея, составление, 2016
© Добролюбова М., оформление, 2016

*Иногда человеческая жизнь
становится такой же хрупкой, как
пушинки одуванчика.
Но мы можем её защитить.
Вместе...*

Благотворительный фонд помощи хосписам и тяжелобольным людям «Вместе» ставит своей целью помощь, в том числе и паллиативную, взрослым и детям с онкологическими и гематологическими заболеваниями, людям с различными заболеваниями в субтерминальной стадии, тяжелым лежачим больным, а также хосписам и отделениям сестринского ухода.

Зарегистрированный 9 августа 2011 года для того, чтобы помогать самым незащищенным больным, тем, кого уже нельзя вылечить, фонд за три года оказал помощь 612 детям и взрослым.

Сегодня на попечении фонда находятся 124 взрослых с онкологией и гематологическими заболеваниями, а также 19 детей, 5 из которых – в вегетативном состоянии.

В своей работе фонд «Вместе» руководствуется мнением: «Нельзя вылечить, но можно помочь». Фонд помогает своим подопечным средствами ухода, специализированным питанием, средствами на медикаменты и реабилитацию. С пациентами работают психологи, массажисты, сиделки, волонтеры.

Одной из самых важных миссий фонда является строительство хосписа на территории Калужской области – доброго и теплого дома для неизлечимых больных. Эту идею фонда поддерживает губернатор области Анатолий Артамонов. Строительство Первого калужского хосписа на 30 мест для взрослых и на 12 детских планируется начать в бору близ областного центра.

**Мы объединились вместе, чтобы поддержать
больных и их близких в тяжелые минуты жизни.
Вместе мы сможем помочь.**

**Помочь фонду в его заботах о больных взрослых и
детях можете и вы!**

Отправить смс на номер 4647 вида: ВМЕСТЕ+(сумма платежа), например, ВМЕСТЕ+100. Абонент должен будет подтвердить платеж кодом на бесплатный короткий номер (следовать инструкциям), они автоматом придут в смс.

Счет фонда «ВМЕСТЕ»:

ИНН 4027990137, КПП 402701001

р/с 40703810122240003976

Калужское ОСБ №8608, г.Калуга

к/с 30101810100000000612

БИК 042908612

Назначение платежа: Добровольное пожертвование
на Уставные цели

Карта фонда в Сбербанке: 639002229001807328

Qіwі: 89109123939, 89109147780.

ОБЗОРНАЯ ЭКСКУРСИЯ

Не бойтесь так называемых «несчастливых» цифр – да и вообще ничего не бойтесь!

Лучше возьмите и полистайте наш новый альманах под знаменательным номером 13.

Альманах «Галерея» выходит уже семь лет, и мы всегда стараемся, чтобы на его страницах появлялись работы новых авторов, а не только постоянных членов литклуба «Галерея», так что и на этот раз – встречайте! – новые имена. Также в нынешнем номере мы исполнили своё давнее желание и в разделе «Персональная выставка» напечатали совсем юных литераторов, ещё школьников, в том числе поэтов из детского православного поэтического клуба «Назарет» при Калужской православной гимназии, которым руководит наш «галереец» Валерий Иванов.

В главном же разделе «Основная экспозиция» – по обыкновению нашлось место и стихам, и рассказам, и прозаическим миниатюрам, и эссе, и пьесе.

Также напоминаем, что у литклуба «Галерея» есть сайт, где накопилась масса информации: <http://galera.usoz.ru/>.

А сейчас желаем приятного прочтения!

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

Владимир СКРИПКИН, рассказы.....	8
Маргарита БЕНДРЬШЕВА, стихи.....	18
Людмила ФИЛАТОВА, рассказы.....	22
Александр ЗОРЬКИН, стихи.....	35
Вячеслав БОТУК, рассказ.....	38
Валерий ИВАНОВ, стихи.....	44
Александр ХМЕЛЕВСКИЙ, пьеса.....	47
Ирина СУЛИМОВА, стихи.....	64
Салават АСФАГУЛЛИН, рассказы.....	68
Анастасия ДОНСКИХ, стихи.....	72
Наталья ЭЙКИНА, главы из цикла воспоминаний.....	75
Татьяна ЕФАНОВА, стихи.....	86
Жанна БАБИНА, рассказ, стихи.....	89
Татьяна САВКИНА, рассказы.....	92
Сергей БАРУТ-ФИШЕР, юмористические рассказы.....	94
Лидия ЧЕБОТАРЁВА, стихи, эссе.....	97
Валентина КАРПОВА, рассказ.....	100
Дарья ЧЕРНОУСОВА, стихи.....	104
Мария БОТУК, рассказ.....	107
Елена КУШАКОВА, рассказы.....	111

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА

Галина БАРХАТОВА, эссе.....	116
Майя БОНДАРЬ, стихи.....	119
Эля КОТЕЛЬНИКОВА, стихи.....	121
Александра ЖАРКИНА, стихи.....	123
Диана НОВИКОВА, стихи.....	125
Ангелина АЗАРОВА, стихи.....	127
Мария РАТНИКОВА, стихи.....	128

ОСНОВНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

Владимир СКРИПКИН

КНИГА

Началась эта история давно, когда ещё не было мобильных и компьютеров, а неподъёмные телевизоры чёрно-белого изображения стояли на отдельных массивных тумбах, занимая изрядное пространство, и показывали только одну программу.

В классе, где учился Вадим, классным руководителем был Георгий Иванович, преподаватель русского языка и литературы. Вадим хорошо помнил, как ещё в восьмом классе за первое сочинение Георгий Иванович поставил ему большую жирную единицу и написал целую страницу комментариев к ней. Все замечания были конкретными и деловыми. Георгий Иванович вообще не терпел пустой болтовни и пользовался у учеников непререкаемым авторитетом.

Вадим хорошо усвоил его урок, и оценки за сочинения больше никогда не опускались ниже четвёрки. Окончив школу, Вадим потолкался по различным вузам, а поступил на физико-математический факультет местного института. Встретившийся в троллейбусе Георгий Иванович, не одобрил его выбора. «Вадим, ты – гуманитарий по натуре, и идти нужно было на филологический факультет», – наскоро выговаривал он, уже выходя на остановке.

Через несколько лет Вадим закончил ещё и МВТУ им.Н.Э.Баумана, и, вернувшись в родной город для дальнейшей работы, зашёл к учителю. Георгий Иванович по-прежнему не одобрял его настойчивого желания стать квалифицированным инженером. «Ты пойми, тебе нужно писать!» «Но о чём?!» «Обо всём, что видишь вокруг!» «А сюжеты?» «Сюжеты со временем придут сами».

Успешно работая в оборонной промышленности, Вадим и сам не заметил, как стал понемногу сотрудничать с газетами. Постепенно его материалы начали обретать необходимый профессионализм, и он оказался членом Союза журналистов России. Работая над очередным очерком, он получил неожиданное предложение написать книгу. Дело было совершенно новым, заманчивым и интересным. Поколебавшись несколько дней, которые взял на обдумывание, Вадим согласился.

Конечно, она оказалась скорее сборником очерков, очень уж похожих на газетные, но «лиха беда начало!» Последующие книги были тоже целевого направления, определяемого скорее заказчиком, и только для себя он писал небольшие рассказы, которых со временем набралось изрядное количество. Это по-

настоящему была работа «для души». Их охотно печатали газеты и литературные альманахи, но пристроить отдельным изданием удалось только в четвёртую книгу в качестве независимой второй части.

Читатели одобрительно встретили новинку Вадима, они буквально за каждым эпизодом видели своих знакомых и узнавали родные места. Он действительно писал её для своих земляков, хотя конкретных персонажей там не было.

После выхода этой книги его единогласно приняли в Российский союз профессиональных литераторов, который выдвинул её на литературную премию. К тому времени уже прошло более десяти лет, как скончался Георгий Иванович. Он ещё при жизни знал о журналистских успехах своего ученика, но книги, к сожалению, так и не дождался. Поэтому Вадим решил про себя: «Если получу литературную премию, то один из томиков тщательно заклею в целлофан и закопаю на могиле учителя, пусть читает. В конце-концов, это была его идея».

Поздней осенью он стал лауреатом литературной премии имени Леонида Леонова. Земля уже подмёрзла, и он решил отложить свою затею до весны. В начале лета с сумкой, в которой лежали заклеенный томик его книги и мастерок, Вадим отправился на городское кладбище.

Оно встретило его своей неповторимой тишиной. Вы обращали внимание, что на кладбище никто и никогда не кричит, не суетится, не спешит? Даже непоседливые дети каким-то своим внутренним чувством безошибочно ощущают, что здесь не место для беготни, и послушно следуют за взрослыми, старательно соблюдая на лице соответствующее случаю выражение.

Шелест листьев вековых деревьев чем-то напоминал неторопливый разговор редких прохожих, которые шли по этой земле, с теми, кто уже лежал в ней. О чём они говорили? Вряд ли кто-нибудь сумел бы ответить на этот вопрос.

Кладбище оказалось неожиданно разросшимся, и он потратил немало времени в поисках могилы учителя. Оказывается, с тех пор незаметно пролетело целых пятнадцать лет! За это время в памяти сохранился только район захоронения, и он упорно разыскивал заветную могилу, прочёсывая его туда и сюда.

Попался однофамилец, но это был не тот. Вадим решил на ещё один, последний заход и взмолился: «Господи, ну помоги мне найти, я же знаю, где он находится!» И почти у самого забора вдруг наткнулся на знакомый портрет размером с большую ладонь. Он был таким же, как тогда в школе – строгим и в очках. «Как же мы его боялись и любили!» – вспоминал Вадим, примеряясь, где бы лучше закопать книгу.

Ещё дома он, загодя, сделал на книге такую надпись: «Дорогой Учитель! Ты был прав во всём! Автор». После почти часовых усилий книгу удалось, наконец, закопать так, что её было

совсем не видно, и место её захоронения нисколько не меняло сложившегося привычного ландшафта могилы. Он ещё немного посидел, отдыхая, а потом отправился обратно, с удовольствием вспоминая по дороге школьные годы. Вадим всегда сочувствовал тем, кто думал о школьных годах без удовольствия: как можно вспоминать равнодушно или вовсе не вспоминать лучшее время своей жизни, когда у человека всё происходит впервые?

Уже ближайшей ночью Георгий Иванович приснился ему. Сон был настолько яркий и убедителен, что казался настоящей реальностью. Учитель тихонько вошёл в комнату и осторожно присел на краешек постели. Вадиму показалось, что если он только протянет ладонь, то сможет дотронуться до Георгия Ивановича, но что-то неизменно удерживало его от этого шага.

«Книга твоя мне понравилась, но есть непростительные промахи, которые ты не должен был допускать». «Какие, Георгий Иванович? Я ведь её неоднократно перечитал и ничего не заметил». «Вот смотри, уже прямо на шестой странице у тебя написано: «Революционный каток смёл многие памятники...» Каток – не метла, он не может «смести», у него совсем другое назначение». Даже во сне Вадиму показалось, что у него зарделись щёки от смущения, как же он этого мог не заметить? Ему стало стыдно, как в доброе старое время, когда учитель вычитывал за ошибки или разгильдяйство.

Книгу они разбирали несколько ночей, пока не добрались до последней, двести двадцатой страницы. Критика хороша, когда она доброжелательна, и направлена на улучшение, а это Вадим почувствовал сразу. Потом они говорили ещё о многом, включая замыслы будущих книг. «Обкатать» сюжет с таким специалистом, да ещё полным желанием помочь тебе, разве это не счастье для любого автора?

Георгий Иванович приходил не каждую ночь, но даже когда его не было, Вадима не покидала уверенность, что он всё равно придёт. Это было прекрасное время! Вадиму работалось, как никогда. Сложнейший роман, основанный на документальном материале и дававшийся ему с таким трудом, внезапно начал выстраиваться в последовательную цепочку эпизодов, которые, цепляясь друг за друга, неожиданно превратились в необходимую сюжетную линию.

Незаметно пришла златоглавая осень. Несколько дней подряд Георгий Иванович не приходил, но вместо привычной уверенности в сердце Вадима стало закрадываться какое-то необъяснимое беспокойство. Он начал плохо спать, чего за ним не наблюдалось ранее, и чтобы разом снять все проблемы, решил опять сходить на кладбище к могиле Георгия Ивановича.

На этот раз могилу он нашёл безо всякого труда. Внешне казалось, что здесь ничего не изменилось, если не считать

опавшую листву с соседних деревьев. Внезапно ему в голову пришла одна мысль, и он, взяв в руку мастерок, начал откапывать то место, где была зарыта книга. Её там не было! Он стал копать в других местах, постепенно перерывая всю могилу, но книги не было нигде!

Кому могла понадобиться книга, адресованная совсем другому человеку, Вадим никак не мог понять, но факт оставался фактом: необъяснимое связующее звено, которое возникло между ним и учителем, кем-то было вероломно нарушено и прервано то хрупкое общение, которое установилась между ними за прошедшие месяцы.

На следующий день он отнёс туда и закопал свою другую книгу, но результата не получилось никакого – видимо, Учителю нужна была только та, которую они так досконально разбирали вместе, а она была теперь неизвестно где, в чужих и совсем недружеских руках.

Больше он на кладбище не ходил, и Учитель не приходил к нему во сне, но всё наработанное за время их непродолжительного общения, здорово помогло ему в будущем. Вспоминая эти встречи с неизменно большим теплом, Вадим всегда повторял про себя: «Спасибо тебе, Учитель!»

ИНЬ И ЯНЬ

эссе

Большинство легенд о взаимоотношениях мужчин и женщин создано мужчинами, поэтому они редко содержат в себе объективные вещи, а чаще всего прикриты флёром легенд, созданных затем, чтобы ярче представить в них роль мужчины.

Возьмём самую распространённую. Кто из мужчин не похвалялся в кругу «своих», как он выбирал себе невесту, жену, подругу, любовницу... Как красочно было всё расписано, а ведь по сути-то – вздор! Кого они хотят обмануть?

По большей части мужчины только предлагают себя и, чаще всего, не одной женщине, а потом ожидают: кто из них откликнется на этот зов? Так кто кого выбирает? Сложнее ситуация, если его призыв вдруг услышит сразу несколько женщин. Он и здесь предпочтет не делать выбор, а попытается установить контакт со всеми, и только время покажет в дальнейшем, кто из них был действительно предназначен ему Богом.

Но это опять не более, чем высокие слова, а на деле? Именно женщины проверяют, насколько им подходит мужчина, а потом уж делают свой выбор. Он может не подойти ни одной из них, тогда ему снова предстоит «искать свою половину», только кто кого будет искать и выбирать?

С философской точки зрения женщина является охранительницей и носительницей высокого качества будущих поколений, поэтому именно она решает, кто действительно

достоин стать отцом её ребенка, а мужчина носитель только количественной стороны. Его задача – сохранение вида, и чем больше, тем лучше! Здесь уж не до качества. Отсюда – их неистребимая склонность к полигамии.

Всё сказанное никоим образом не должно влиять на взаимоотношения конкретных людей в реальных условиях. Эти обстоятельства просто нужно иметь в виду, чтобы изначально не строить хрустальных замков, или наоборот – не наломать дров.

Другой, не меньший вздор, это рассуждение о выдающемся уме мужчин. Даже поговорки выдумали себе подходящие: «Волос долог – ум короток» и множество других подобного рода. Умственные способности – абсолютно не гендерное понятие. Можно привести сколько угодно примеров, когда «могучий интеллект» мужа создается исключительно усилиями его жены. А сколько умных мужчин женились на откровенных дурочках, принимая это качество за наивность, и где же был их хваленый ум?!

Из этой же оперы – знаменитая «мужская логика». В чем её самая характерная особенность, так это – откровенная прямолинейность. Не мудрствуя, в принципе, мужчина так и мыслит, поэтому так легко уличить его в элементарной лжи, если это кому-нибудь понадобится. Возможно, у женщин действительно нет логики в этом самом мужском понимании, потому что она им просто не нужна.

Женщины обладают невероятной врождённой силой интуиции, предчувствуя исход событий от самого момента их зарождения. В подсознании женщин таинственным образом хранится веками накопленный опыт предков. Каким-то, пока неизвестным науке способом, они отыскивают в своём подсознании похожий случай и поступают так, как поступал кто-то тогда, может быть тысячу лет назад. Конечно, иногда бывают и ошибки, но кто от них застрахован?

«Послушай совета женщины и сделай наоборот». Нетрудно догадаться, кто сочинил и запустил в оборот эту нелепую байку. А кому она принесла реальный успех? Кто-нибудь вёл такую статистику? Никто не вёл, потому что её просто нет. Совет женщины нужно выслушивать обязательно, а прислушаться к нему – тем более! Нам вообще стоит поучиться дипломатии у женщин. Когда она говорит, что хотела бы посоветоваться с мужем, это значит, что ей нужно выиграть время или вообще нет желания участвовать в этом деле, но как великолепно звучит!

Мужчины очень любят козырять примерами: сколько фамилий известных мужчин и женщин помнит история. Статистика действительно в пользу мужчин. Но давайте, положив руку на сердце, ответим только на один вопрос: а кто создал этим мужчинам необходимые условия, чтобы они могли войти в историю? Только один всемирно известный ученый нашёл в себе мужество признать, что большей частью своих успехов он был обязан жене!

В последнее время в околонаучных сферах и даже в СМИ стали периодически появляться прогнозы о предстоящем конце света. Обычно их, так или иначе, привязывают к нумерологии, астрологии или другим, ещё более нелепым псевдонаукам.

Что же было на самом деле? Настоящий прогресс человечества и его формирование как «хомо сапиенс» происходили как раз в период матриархата. Поэтому, если быть логичными и твёрдо придерживаться диалектики, то мы должны будем сначала вернуться к матриархату, достигнув там невиданного прогресса, а потом уже строить предположения о «конце света». Только произойдёт это не так скоро, если не вмешается в процесс какая-нибудь горячая мужская голова.

Кстати, определённые следы поступательного движения к матриархату можно увидеть уже сегодня, если внимательно присмотреться к медленному, но верному движению женщин к вершинам власти во многих странах. Об их давнем главенстве внутри большинства отдельно взятых семейств уже и говорить не приходится.

Современные женщины активно готовят себя к матриархату, даже не подозревая об этом. Они ходят в тренажёрные залы, совершенствуя тело. Они получают высшие образования и, часто, не одно, совершенствуя разум. А кто наполняет зрительные залы, посещает библиотеки, ходит на встречи с интересными людьми? Опять же – женщины. Они-то хорошо понимают необходимость духовного развития!

А что мужчины? Они болеют за футбол и другие соревнования, обычно, лёжа на диване. Они редко и мало читают, предпочитая рыбалку или бессмысленную охоту. Для них – кофе, сигареты, алкоголь – гораздо предпочтительнее настоящего спорта и развития духовной сферы. Да зачем она им, когда всё и так хорошо!?

А есть ли вообще смысл мужчинам и женщинам соревноваться, имея совершенно разные предназначения? Они созданы, чтобы дополнять, помогать и поддерживать друг друга. В их гармоничном единении – гарантия будущего человечества, его прогресса и выживания, как вида.

Главная роль женщины заключается в продолжении, развитии и совершенствовании рода человеческого, потому что она – мать! В этом её историческая миссия, которую всё равно никогда не заменит ни один мужчина!

ВАСЯНЯ

Кто придумал ему это дурацкое имя, он уже не мог вспомнить. Иногда казалось, что его так звали всю, в общем-то, не слишком продолжительную жизнь. Он даже подозревал, что коллеги по администрации за глаза его тоже называют Васяней.

Даже когда они сокращённо называли его Вась-Вась, это было всё-таки гораздо лучше, чем этот нелепый Васяня. И только посетители, робко подходя к большому письменному столу, почтительно величали ведущего специалиста Василием Васильевичем, что ему очень льстило и нравилось.

Именно при них он всячески старался выглядеть по-настоящему государственным человеком – внезапно задумывался, смотрел куда-то в пространство и периодически тяжело вздыхал, как усталая лошадь на подъёме, тянущая непосильный груз. По его мнению, это должно было внушать трепет и уважение к его непосильным государственным трудам.

От природы он был неглупым человеком, а потому в глубине души прекрасно сознавал, что является совершенно ненужным и даже лишним винтиком в этой огромной бюрократической машине, которая, честно говоря, мешала жить всем, кто не работал в этом великолепном здании, построенном ещё в прошлом веке. Зато чиновникам там было тепло и уютно. Государство не обижало их ни зарплатами, ни пенсиями. Если бы ещё они между собой не вели себя, как скорпионы в банке, то их жизнь вообще была бы прекрасной и удивительной.

Ни один бизнесмен в городе не мог начать своего дела, если на его заявлении не было согласующей Васяниной подписи. Сам-то он прекрасно понимал, что если бы вообще ничего не подписывал, дело могло идти гораздо скорее и эффективнее. Но таков был порядок, который установили задолго до того, как Васяня уселся за свой внушительный чиновничий стол.

Посетители, подавленные государственным величием Васяни, краснели, погели, мучительно вспоминая, что нужно ответить молодому, но строгому чиновнику на самые неожиданные, а порой, и нелепые вопросы. Один на радостях, что его мучения закончились, даже достал из кейса бутылку дорогого коньяка и украдкой сунул её Васяне.

Вась-вась тогда долго думал: «С кем бы её распить?» Но, так и не решив, принёс бутылку домой. Жена была рада подарку, а Васяне, между прочим, заметила: «Лучше бы он дал тебе деньгами». Эта мысль давно бередила Васянину душу, и, наконец, он отправился посоветоваться к другу своего покойного отца, который и пристроил Васяню на это тёплое местечко. Посторонних в это учреждение не принимали вообще.

Опытный чиновник внимательно выслушал его и спросил: «Так чего ты хочешь?» «Понимаете, я уже почти три года хожу в ведущих специалистах, а у главного-то зарплата повыше». «Чудак-человек, а ты зайди к начальнику с конвертом». «И сколько туда положить?». «Это ты сам подумай». «Да где ж мне взять такие деньги?» – оторопел сообразительный Васяня. «На этот вопрос отвечаю не буду. Я и так слишком много наговорил тебе такого, за что твой покойный папаша-инженер мне бы и руки не подал».

Очередной посетитель сразу не понравился художавому Васяне, с первого взгляда. Живот у него свисал через ремень, а

потоки нетрудового пота то и дело омывали его покатым лобом питекантропа. «Оставьте заявление. Я его должен внимательно рассмотреть, изучить и посоветоваться с руководством» – холодно отчеканил Васяня, окидывая взглядом своего возможно очень далёкого пращура. «И сколько это займёт времени?» «Месяца два-три». «Так у меня через две недели уже товар поступит!» – умоляюще засипел тот. Васяня только картинно развёл руками.

«А ускорить это никак нельзя?» – заискивающей скороговоркой пролепетал ожиревший труженик перепродаж. «Можно. Всё можно», – великодушно согласился Васяня, отправив взгляд в далёкое пространство над головой собеседника, взмокшего в очередной раз от непривычной и напряжённой работы мысли. «Сколько?» – сглатывая слюну, нерешительно спросил он. «Десять» – быстро ответил Васяня, не отрывая глаз от весьма удалённого и столь же неведомого таинственного пространства. «Я завтра утром принесу». «Только оформите всё – в папочку, как и положено деловым документам». «Я понял, понял, я всё понял, сделаю в наилучшем виде», – затараторил человекообразный, неуклюже плетящийся к спасительной двери.

На следующий день, сразу после обеда, Васяня вежливо постучал в дверь кабинета начальника. «Пётр Иванович, прошу прощения, я тут вот принёс отчёт за прошлый месяц и около вашего кабинета нашёл какой-то конверт. Я подумал, может, вы его обронили?» «Ну-ка покажи». Пётр Иванович открыл конверт и намётанным глазом безошибочно определил сумму. «Надо же, точно, мой. А я уж думал, что потерял его с концами. А что ты хотел-то?»

«Да вот, отчёт принёс» «Ну отчёт подождёт, что ещё?» «Пётр Иванович, я уже три года сижу в ведущих специалистах, с работой как бы справляюсь, а вот продвижения нет и нет...». «Ты в коридорах смотри внимательнее под ноги, если будешь каждый месяц находить потерянные конверты, то глядишь, месяца через три станешь главным... – и Петр Иванович довольно хмыкнул. – Что ещё?» «Всё понял, спасибо» – растворился в воздухе Васяня, быстрее, чем Пётр Иванович успел перевести дух.

Через три месяца Васяня, к удивлению всех, стал главным специалистом. В его походке, жестах и даже взгляде появилось ещё больше значительности и важности. Специфическая квалификация Васяни росла прямо на глазах. С одного мимолетного взгляда он научился определять, кто из посетителей «сколько стоит».

Его жена уже ходила в заветной норковой шубке, и аккуратненько намекала мужу о том, что дочери через год понадобится квартира в Москве, она заканчивала школу, и собиралась поступать в институт. Визиты Васяни к начальнику стали постоянными и неизменно всё более и более результативными.

Когда его коллеги узнали о назначении Васяни заместителем начальника отдела, им уже стало не до шуток. Даже за глаза они

называли его теперь только Василием Васильевичем. Каждый норовил уступить ему дорогу в коридоре или открыть перед ним нужную дверь. Впрочем, нужные двери он теперь открывал куда успешнее их, а некоторые – даже ногой!

В периоды долгожданных отпусков начальника, он с удовольствием занимал уже его место. Дело было не только в просторном кабинете и письменном столе размером с футбольное поле. Здесь открывались совсем другие возможности, да и начальнику после зарубежных курортов денег требовалось всё больше и больше. И Васяня старался изо всех сил. Вскоре в деловых кругах города о нём заговорили как о человеке, который может всё.

Однажды, в такое вот лакомое время, к нему вошли муж с женой. По виду – типичные бизнесмены средней руки. Они хотели арендовать под магазин давно пустующее помещение в центре города, бывшее в муниципальной собственности. Площади, хотя и были большими, но незавидными и требовали серьёзного ремонта. Ему и так спасибо сказало бы руководство, если бы он сумел их хоть кому-нибудь пристроить.

Но у Васяни был свой, особый интерес, а потому беседу он начал издалека. «Вы знаете, эти площади уже сданы в аренду. «Как так, когда?» – заволовалась жена. «Буквально пару дней назад». «Но ваш коллега заверил нас, что они абсолютно свободны!» «Эти вопросы решаю только я, и никто другой», – значительно произнёс Васяня, чуть-чуть выделяя голосом собственное «я».

«Но мы уже...» Муж решительно сжал жене руку и взял инициативу на себя: «Что-нибудь можно сделать в сложившемся положении?» – спросил он Васяню. «Безвыходных положений не бывает. Со временем мы сможем вам подыскать что-нибудь подходящее» – слегка усмехнулся Васяня, вальяжно развалившись в кресле. «Мне нужно не «что-нибудь», а именно это помещение», – продолжал гнуть своё муж.

«Вы поймите меня правильно, это не мой каприз, а потребует привлечение значительного количества сотрудников, которые будут заниматься, как бы это сказать, не свойственной им работой» – терпеливо объяснял Васяня, но подспудно его опытный нос уже улавливал опасный запах жареного... Нет бы – прислушаться, но... «Сколько это будет стоить?» – внезапно спросил муж. Когда Василий Васильевич написал число на листке отрывного блокнота, муж и жена тяжело вздохнули, переглянулись, тихонько посовещались и предложили принести всё завтра.

Остаток дня Васяни прошёл на небывалом душевном подъеме. Такие деньги зримо приближали квартиру дочери в Москве, хотя и за кольцевой дорогой. А главное – ему было чем встретить дорогого начальника. И вообще, жизнь сразу заиграла всеми красками радуги.

На следующий день супруги явились почти к началу рабочего дня. Никаких конвертов у них, конечно, не было. Они, как и договаривались, передали ему папку с документами и требуемой суммой, подколотой в полиэтиленовом пакете в месте швива. «Завтра Ваш вопрос будет решён!» – уверенно успокоил их Васяня, выпроваживая за дверь.

Но не успел он пересчитать вожделенную сумму, как дверь в кабинет внезапно распахнулась, и в него вошли сразу несколько человек. «Позвольте! – возмущённо закричал Васяня. – Кто вы такие?» Но, сразу же оценив ситуацию, почти завизжал: «Это не моё! Мне это подбросили! Я собирался их догнать и всё вернуть!». «И для этого тщательно пересчитывали?» – спросил один из вошедших, сунув под нос Васяне хорошо знакомую книжечку в кожаной обложке с золотым двуглавым орлом, а другой, молча, протянул ордер на обыск, подписанный областным прокурором.

В числе многочисленных вошедших, были и его скромные посетители – якобы муж с женой. Значительно переглянувшись с вошедшими, они тихонько вышли из кабинета, их работа на этом была закончена. И только тут Васяня с ужасом осознал всю пропасть совершённой ошибки... «Ведь чуял же!» – запоздало подумал он и чуть не застонал от обиды. А потом побледнел и обессиленно упал в кресло, окончательно потеряв дар речи. После пересчёта банкнот, составления акта и подписи понятых, на руках у Васяни холодно защёлкнулись наручники...

Вернувшийся из отпуска загорелый и помолодевший начальник был до глубины души возмущён происшедшим в его отсутствие. Он провел срочное собрание коллектива отдела, на котором кипел от негодования и праведного гнева. Пётр Иванович безжалостно клеймил позором поступок «паршивой овцы», из-за которой теперь могут плохо подумать обо всём коллективе. Его пламенная и вдохновенная речь заставляла сотрудников то бледнеть, то краснеть, но не просыхать от липкого пота.

А тем временем, где-то там, в глубине зала, пока ещё никем не замеченный, уже сидел новый, очередной «васяня», который, конечно, не верил ни одному слову начальника, но и ни минуты не сомневался, что уж он-то такой нелепой ошибки как Василий Васильевич никогда не совершил бы...

Маргарита БЕНДРЫШЕВА

СНЕЖНЫЙ ЛЕПЕТ

Что ни говори, а всё едино:
Фразы – не надёжнее снежинок,
Выдохнешь – и нет, как не бывало.
Сколько я за праздник повторяла:
«Чтоб вам жить успешно и здорово!»
Заговором стань, простое слово!
SMS, открытки, пожеланья,
Обернитесь властью заклинанья!
Но из года в год одно и то же:
Ничего-то речь моя не может.
Как бы тосты не произносила,
Меркнут, не выказывая силы.
Нет, словам людей судьба не внемлет,
Снежный лепет падает на землю.

ВЕСЫ

Всё, что было у липы в наличии – вон,
На весах её гибких ветвей.
И уже не хватает ни старых ворон,
Ни новёхоньких гирь-снегирей,

Чтобы взвесить мороза серебряный груз,
Ну куда его столько ещё?
Но погода не знает ни меры, ни уз...
Поднимай же, взвалив на плечо!

Выноси, сколько можешь, пешком ли, бегом;
Не до счёта: мороз выше крыш.
Человек – это грузчик, и ноша его –
Время жизни...

Ну что ж ты стоишь?

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Дождь разукрасил
узкой фрамуги стекло
в редкий горошек.

Летнее счастье –
сердцу легко и тепло.
Бег босоножек.

Мелкие лужи
солнце осушит платком
шёлковым, жёлтым.

Старые груши
сад усыпают дичком:
сколько цвело-то!

Губы сердечком.
Томные флоксы в уста
пчёлы целуют.

Бабочки шепчут,
как ты, от жизни устав,
ищешь другую...

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Яблоня слишком щедра,
Но плоды её обыкновенны.
Разве дождям да ветрам
Пообдёргать их с веток согбенных...

Сладок её урожай
Только бабочкам, мухам да осам.
Яблоня, еле дыша,
Утомлённо, покорно, серьёзно

Трудную думу никак
Для себя разрешить не умеет:
Яблоки это пустяк
Или труд её всё же ценнее?

ТРОЛЛЕЙБУС

У троллейбуса такая уловка:
Ждёшь его, как обещание Рая,
А попробуй лишь, уйди с остановки,
Всех троллейбусных богов проклиная,

Вот тогда он и объявится тотчас,
Будто исподволь следил за тобою,
И помчится без тебя, что есть мочи,
И обгонит с торжествующим воем.

Остановка человеческой жизни,
Скоро счастье – твой троллейбус – тут будет?
Егозят неугомонные мысли:
Не податься ли и вовсе отсюда?

Но стоишь, боясь, что тронешься только,
Сразу счастье – мимо, как в теореме,
И никто не возместит неустойку...
Что ж, терпение сильнее, чем время.

КВАРТИРНИК

*Друзьям по квартирникам
Наташи Эйкиной*

Квартирник... В доме, где тепло.
Пусть проникает за стекло
Надменный взгляд зимы – не страшно!
И суть не в жаре батарей,
И греет даже не глинтвейн,
А мир – душевный и домашний.

Союз испытанных сердец
Сметлив и сложен, как оркестр,
И теснота его – просторна.
Вино стихов, речей вода;
Здесь так отрадно иногда
На лицах видеть отсвет горний!

Квартирник... Вновь живой стезжок
Соединяет скользкий шёлк
Разрозненных, летящих судеб.
Средь недомолвок и разлук
Спасителен простой наш круг,
А Бог за дружбу не осудит.

МНОГОТОЧИЯ

Многоточия – монетками из рук...
Что за щедрость – недомолвками сорить,
Если бьётся, откровенен и упруг,
Полный голос, истомившийся внутри?

А слова уже царапают гортань,
Запекают докрасна упрямый рот,
Но никто, пугаясь собственных же тайн,
Ничего большого не произнесёт.

Многоточия – нелепый урожай.
Так о чём же мы по сути? Звук немой...
Снова речь, которой некуда бежать,
Снова долгий разговор с самим собой.

ДИРИЖАБЛЬ

Что это там: фонари или линия ярких заклёпок?
Низко и тихо проходит над городом ночь-дирижабль.
Днище по-рыбы округлое, длинное; облачный хлопок
мягко разводит безглазую мордою... Может, не жаль
будет ночному неспешному чудищу лестницу сбросить?
Мне до чудес настоящих добраться бы, ждущих меня
в том, облюбованном сказочном будущем...

Таймер на восемь.

Старые хлопоты в интерпретации нового дня.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Повседневность – вода.
Так чиста, так проста,
Что душа, ею полная, кажется лужей.
Руку вниз – вот оно,
Недалёкое дно,
Руку... локоть... по шею... по голову... глубже...

А на дне – не достать! –
Угадать, примечтать –
Зреет жемчуг в похожих на камни ракушках.
Повседневность – вода,
Донырнёшь ли когда
До жемчужных секретов, запрятанных в душу?

Людмила ФИЛАТОВА

ЗАПАХ МОРЯ

Они медленно спускались от клуба к уже затуманившейся реке.

– Ты не бойся, мы просто – чуть подальше... Там, у излучины, такие соловьи! – сломив ветку цветущей черёмухи, он покрутил её в ладони, но так и не отдал.

– Даже здесь слышно, – улыбнулась она, потянувшись за веткой. Пахучие белые лепестки тут же осыпали ей рукава и грудь.

От телогрейки нового знакомого пахло прелой древесиной, табаком и ещё чем-то... пожалуй, давно знакомым, настолько, что даже в ушах зашумело:

– Шшшах... Шшшах... Да это же – морем пахнет! – ахнула про себя Наташа, – йодистой горечью, подсыхающими водорослями, раздавленными на берегу ракушками... Может, он рыбак в отпуске?... Фу, опять чего-то напридумывала...

От клуба послышался топот и визг. С силой хлопнула входная дверь и опять распахнулась, выбросив на дорогу перекошенный квадрат света. Ещё громче взвыла музыка. Наташа невольно обернулась.

– Жалеешь, что с танцев ушли? – хмыкнул Михаил.

– Уже нет. Видишь, что там...

В свои семнадцать она ни разу не была на танцах, если не считать институтских вечеров, где, с сочувствием поглядывая друг на друга, прыгали одни девчонки. А парни, если и забредали, то только подвыпившей компанией с девицами с «Лампочки». Но их тут же выгонял сторож или директор. Тоска... А в городской парк её, конечно же, не пускали.

– Я – Михаил. А ты?..

– Наташа, Надина двоюродная сестра, из города.

– Заметно.

– Что заметно?

– У нас такие не водятся.

– Какие?

– Ну, не знаю... Другие, что ли.

Она заинтересованно заглянула ему в лицо. Михаил помедлил, но всё же продолжил, как ей показалось, невпопад:

– Вода в реке сейчас... чистая, прозрачная, как первый лёд. Черёмуховые холода... Ну, что, совсем замёрзла? Курочка у тебя – ничего, но как бумага. – Он вдруг неловко обнял её за плечи. Ладонь его была горячей и всё не могла найти себе места.

– Да, никакая... – согласилась она, решив не вырываться, – надо же, в телогрейке, а зубы чистит. Вон, какие белые! Может, и

книжки читает... А говорили, что деревенские, все – дураки или алкаши, или и то и другое вместе.

– Здесь ручей... – подхватив Наташу на руки, он осторожно захлюпал по журчащей воде.

То ли его близость, то ли медовая пряность черёмухи всё сильнее кружили голову. И опять, правда, совсем коротко на неё пахло всё тем же йодистым, морским...

– Мерещится... – опять усмехнулась она и легонько отстранилась, – у этого Мишки точно тельняшка под ватником! Скажи, а ты море любишь?– наконец, не выдержала она.

– Любил бы... Да не достать.

Она, будто сочувствуя, уткнулась ему носом в предплечье. Сама Наташа любила море до одури, каждый год к нему ездила, благо бабушка на берегу жила. Серебристые тополя. Подсолнухи. Виноградники. Белые хатки с олеандрами на верандах... А море?! Тут даже слов нет. Живое. Сильное... Захватит. Утацит. Кувырнёт! И прямо к небу – на упругой пенной ладони...

Скатишься, поднырнешь под волну, а оно опять тебя – на самый гребень! И целует – в щеки, в лоб, в глаза... Особенно в шторм. Плавать в такую погоду было вообще её дурной блажью. Спасатели бегали по берегу, как поджаренные... Ведь ни вплавь, ни на лодке в этот ад не сунешься. А она – и совалась, и выползала, иногда почти в километре от пляжа, чуть живая... Вот именно в такие минуты, лёжа щекой на выброшенных на берег бурых, сбившихся в клубки водорослях, отползти подальше у неё уже не было сил, Наташа и ощущала этот, неизвестно откуда взявшийся здесь, запах – удовлетворённой пьянящей усталости, сладковатого тления, почти смерти... Но не страшной, а завораживающей... Ведь – не совсем, а так... А оттуда, с моря, всё ещё тянулась за ней случайно упустившая любимую игрушку упругая рука тёмно синей крутой волны:

– Ну, куда же ты? Куда...

Они уже с полчаса шли в гору, где над розовым облаком зацветающих сиреней белела высокая полуразрушенная колокольня.

– Ни купола у бедной... – оперлась на его руку Наташа, – ни креста... Мы туда идём?

– Туда потом. Сначала на берег, костёр жечь. Тебе согреться надо.

– И только?..

– Не шути так... У слов цена есть.

– Ишь, какой... Читаешь много?..

Они надолго замолчали.

Ей вдруг припомнился весь нынешний день, такой неожиданный и оттого безалаберно радостный. Как чуть не в семь утра появилась в дверях Надька с охапкой черёмухи, и как они

потом долго уговаривали отца отпустить Наташу в деревню, хоть на субботу. Потом – носатый автобусик, мелькающие посёлки и перелески и, наконец, вспыхнувшая под полдненным солнцем неширокая река, то там, то здесь перекрываемая мерцающим на ветру ивняком.

У приземистой Надькиной избы, на кольях бывшего плетня, были развешены постиранные детские курточки. Здесь их и встретили, с ходу запрыгивая на сестру, Надины младшие братишки. Из-за сарая, слегка покачиваясь, выплыла и Катерина, с размаху обняла Наташу мокрыми руками и долго вертела её, разглядывая – на кого похожа?

– Наша кровь, мелентьевская... А так до сих пор и не видались. Не жалует твой отец бедных родственничков!

– Неправда, он и вас с Надей, и деревню всё время вспоминает: пруд, леса окрестные – Галовы... Вороны... Просто работает много. Это все – ваши? – погладила она по голове младшенького.

– А ты как думала? – широко улыбнулась Катерина, – дети, это – счастье. А мужики... Замуж выйдете, сами узнаете. Ну их, иродов этих...

К обеду малышня заштопанной гнилой намёткой наловила рыбы в заросшем, когда-то барском пруду.

– Удочкой на такую ораву не настегашь... – утирая тину со щёк и бровей, деловито поучал Сашок, тот, что постарше.

Потом с обуглившейся сковородки весело тягали подрумяненных, задравших хвосты карасиков. Для младшего Сеньки тщательно выбирали хребты и косточки, которые тут же растаскивали по двору два пятнистых соседских кота.

– Вкуснотиша... Как у вас тут здорово! – не переставала восхищаться Наташа, – жаль, что раньше не приезжала... Теперь – хоть вы к нам! Недалеко ведь.

Только к вечеру, раскидав основные дела, Надька вдруг вспомнила:

– Наташ, суббота ведь! Танцы.

Ярко освещённые окна клуба. Неправдоподобно большой месяц над трубой. Курящие на ступеньках парни. Заинтересованные взгляды...

Отцу нравилось её наряжать, студентка, как-никак... А теперь ещё и косы распустила, в первый раз: светлые, волнистые... Юбка бирюзового венгерского платья – на ладонь выше колен, по последней моде. Блестящая лиловая курточка из болоньи, замшевые полусапожки.

– Ишь, какая фря! – восхищённо выдохнул кто-то на входе.

Когда в клубе, наконец, включили сиплый раздрыганный магнитофон, Надька, как назло, куда-то запропастилась, и Наташа, будто спасаясь – уж больно много взглядов было на неё устремлено

– прямоком кинулась к высокому темноволосому парню в поношенной телогрейке.

– Волосы длинные, как у хиппи, а прикид... Одни кирзовые сапоги чего стоят! И это – на танцах! Грушницкий местный... А что? Глаза – сама скорбь. Подбородок, как бритвой обрезанный. Даже баки имеются...

Он, полуопершись на косяк входной двери, уже поглядывал в темноту, собираясь уходить.

– Белый танец – совсем, совсем белый... – Наташа почти испуганно потянула его за рукав.

Помедлив, он всё же перешагнул порог и довольно сносно затоптался под музыку.

– Люблю танцевать, – положив ему руки на плечи, неуверенно улыбнулась она, – а вы?

На них начали поглядывать и почему-то пересмеиваться. Ухмылочки были ещё те...

– Интересно, почему?

Он сразу как-то осел или ссутулился, но вдруг, яростно скрипнув зубами, почти вытолкнул Наташу за дверь:

– Погуляем?..

– Что-то не так?

– Нет, просто завидуют, черти. Идём?

– Только недалеко... – оторопело согласилась она. Уходить ей совсем не хотелось. – А как же Надежда?.. Она ведь искать будет!

– Усвистела твоя Надька, с Егором. Любовь у них, а это дело – такое...

– Но вы... Вы ведь отведёте меня потом?

– Конечно. Могу и сейчас, если боишься.

– Ничего я не боюсь. У меня папа военный. Я даже драться умею.

– Покажешь?

Она сделала ему подножку сзади, слегка упершись локтем в кадык:

– Брык! И всё.

– Зауважал... – усмехнулся Михаил. А с виду – цветочек...

– Какой?

– Не знаю, белый, наверно... Кувшинка или жасмин...

Шагах в двадцати от обрыва он усадил Наташу на берёзовый кругляш, уже застеленный кем-то отсыревшей газетой, и отдал свою телогрейку:

– Сиди, соловьёв слушай... А я за дровами.

– Насиженное местечко... Он всех сюда водит?.. Или это общедеревенский «люкс»?

Голова всё ещё кружилась, хотя черёмухи поблизости уже не было. Но соловьи... Если, конечно, это были они... Один – прямо над головой, и ещё два – там, в кустах белой сирени, уже

начали творить с её сердцем что-то невообразимое. Они будто рвали его на мелкие вибрирующие кусочки, сладко ноющие то ли от радости, то ли от боли... Казалось, в тончайших инструментах их горлышек перекачивались, ударяя друг о друга хрустальные бусинки, сменяя более звонкие – цветные стёклышки калейдоскопа. Но звук был не холодным, как у бьющегося стекла, а тёплым, захлёбывающимся от радости.

– Здесь можно из-за одних соловьёв остаться... – вгляделась она в темноту. – Хотя, отец тоже их слушал...

Наконец, Михаил раздул небольшой костёр. Но грело только спереди, поддурманивая колени. Он присел рядом и уже увереннее обнял. Странно... Но с ним, будто собачка на верёвочке, вернулся и запах моря.

– Колдовство какое-то... – нервно передёрнулась она.

Наташа ещё ни разу не целовалась. Пытались некоторые, но было противно – после шуточек и ухмылок. Хотелось – всерьёз.

– А сейчас... Неужели?..

Она и сама не поняла, как потянулась к нему, и как Михаил, полуобернувшись, наконец, коснулся её губ своими: жёсткими, шершавыми, будто деревянными. Дыхание его показалось ей неприятным...

– Курил, наверное, там, в орешнике, дрянь какую-нибудь... Что же я делаю?.. Зачем?! – мысленно ругала она себя.

Но тут он опять припал к её рту теперь уже властным, необузданным мужским поцелуем. Казалось, он умирал вместе с ним. И одновременно она чувствовала, что если сейчас оттолкнуть его, он умрёт ещё раньше. Ей и самой стало не по себе. Что-то в ней будто подтаяло... Ноги отнялись. А сознание, словно в противовес, болезненно напряглось и прояснилось. Вырываться уже не было сил, и она решила хоть как-то успокоить его, ласково поглаживая по уху и тёплому влажному затылку.

– Ну, что ты? Ну, что?.. Я же не ухожу. Я с тобой!

– Прости, – наконец, опомнился он, постепенно ослабляя хватку. – Я не должен был – вот так...

– Ничего... – опустив глаза, она дрожащими пальцами потянула на себя угол уже затлевающего ватника. – Я поняла, ты ведь тоже... Ещё никогда...

– Всё равно, я дурак. Прости!

Она, дотянувшись, чмокнула его в щеку. – Пойдём лучше, куда шли. Не надо больше.

Бросив на землю ватник, он с ожесточением затоптал тлеющее пятно, уже добравшееся до рукава:

– Так и сгореть можно...

Колокольня, когда они взобрались по шаткой замшелой лестнице, оказалась более разрушенной, чем казалось снизу. На

самом верху из неё, видимо взрывом, вынесло небольшую, метра в полтора, квадратную стенку.

– То ли – наши... То ли – немцы... – у Михаила заметно дёрнулась скула.

– История... – вздохнула Наташа, пытаясь подтянуться на локтях.

– Поменьше бы такой истории... – посадил её Михаил, и следом вскарабкался сам.

Стоять на такой высоте, даже вдвоём, было страшновато. Но красота открывалась такая... Здесь, у самых ног – серебристая дорожка размытых облаков и искристого тумана. А там, выше, на туго натянутом синем бархате – мириады звёзд и звёздочек, казалось, еле слышно звенящих, совсем как зуммеры...

– Слышишь, они нас приветствуют... – потянулась к обрыву Наташа. – Страна говорящих звёзд... Страх вдруг прошёл, сменившись небывалым пьянящим восторгом, и она, схватившись за металлические скобы по краям пролома, рывком свесилась над клубящейся фосфоресцирующей бездной. – Лечу...

– Обхватив её напряжённо стиснутые кулачки своими повлажневшими от испуга ладонями, он едва успел выдохнуть:

– Ну, ты даёшь...

– Дурачок, я просто – лечу... А ты боишься.

– Ах, так! Полусогнув руки в локтях, он осторожно свесился над ней, для верности зажав её щиколотки своими кирзачами. Облачная дорожка уже рассеялась, и под ними теперь зияла тёмная зовущая бездна, от которой тревожно потягивало нездешним холодом.

Потом, спустившись на землю, они снова целовались, но теперь уже по-другому, будто венчанные своей полётной тайной: доверчиво, нежно, будто приноравливаясь...

Неожиданно подкравшийся рассвет напомнил о себе холодной росой и гомоном уже предутренних птиц. И тут вдруг со стороны деревни раскатисто донеслось:

– Наташа... – и ещё громче, уже с надрывом, – Наташа!

– Отец! – ошалело вскинулась она, приподнявшись на коленях. Именно он, как рыбёшку, всегда держал её на невидимой леске, пытаясь уберечь от всех и вся, да и от самой жизни. Стоило ей ощутить лёгкое подёргивание, и Наташа уже знала – отец волнуется, а вот уже и злится... Сколько весёлых студенческих застолий было прервано именно так, причём на самом интересном месте... – Неужели, он всё-таки приехал?... Ведь не собирался!

Наташа больно боднула Михаила, и вовремя, он уже окончательно потерял голову:

– Ну, хватит! Хватит же! За мной приехали... Ты что, совсем?... – вскочила она, оправив платье, и ласточкой кинулась под гору.

Папина «Волга» действительно белела внизу.

– Ты где была? – яростно затряс её отец, – я уже час жду! Надежда объявилась, а тебя всё нет... Никогда больше не пуцу, слышишь?!

– Мы разминулись. Я пошла за другими девочками, а они, оказывается, из Митенок...

– Хорошо поёшь... – отец внимательно оглядел её и, видимо, сделав благоприятные для будущего разбирательства выводы, всё же возмущённо рыкнул:

– В машину, гулёна... Вещи я собрал.

– Интересно, как он догадался, что ещё ничего не было?.. – подумала Наташа, молчком забираясь на заднее сиденье, на переднее – было ещё страшновато...

...Прошло три года. Она окончила институт и с помощью отца осталась по распределению в городе. Как-то, в канун ноябрьских, Наташа наткнулась на Надежду, приехавшую отовариться к праздникам и сходу накинулась на неё с расспросами:

– Как ваши? Как Михаил?.. – ведь в деревню её больше не пускали, даже переписываться запретили.

– Господи... – ахнула та, – я ведь тебя так и не предупредила... Отец у твоего Мишки пил безбожно, до кабаньего визгу... Мать по соседям пряталась, а малец, упрётся было, и ни с места, характерный был. Вот за этот характер батя ему почки и отбил, а может ещё что. Мочиться малец начал. Лечили потом, да всё зря. Таким и остался. Его даже в армию не взяли. Девки от него нос воротили, да и ребята доставали. Вот, в пастухи и подался. Там – хоть сухой, хоть мокрый... Одного не могу понять, как его тогда на танцы занесло? Судьба, видать.

– Ну, и как он теперь? Вылечили?

– Так ты и этого не знаешь?.. Он ведь, как ты уехала, на другую же ночь с колокольни скинулся! Может, правда, и не сам, уж больно далеко лежал, словно перенёс кто... Но менты районные, да и наши – решили, что сам. Хотели за церковной оградкой похоронить, да потом мать пожалели, убивалась очень. Видно, не захотел уже, как раньше... После тебя. Судьба.

ИГЛА

Возвращаясь с ночного дежурства, Наталья Ивановна Горина опять встретила сына, но не на лавочке у подъезда, где он обычно её поджидал, а чуть ближе, на обочине дороги, у переполненных мусорных бачков.

– Покачиваясь на нетвёрдых ногах, он деловито выискивал в мусоре картонные коробки: видно, не на что было опохмелиться...

Вадим пил уже десять лет. Сначала Наталья боролась, потом ей захотелось умереть... А теперь уже стало всё равно, окаменела как-то. Все эти кодирования ничего не давали, только вытаскивали последние деньги... После них всегда было только хуже: он из пьяницы превращался в зверя.

– Видимо, нельзя с человеческой душой что-то делать, не мы ей хозяева, – каждый раз приходило ей в голову. Но всё повторялось. И раз, и два...

Маленькая двушка Натальи, когда Вадим приползал в неё после очередного срыва, превращалась в настоящий ад. Но не пускать его она не могла, вдруг замёрзнет или в милицию заберут и забьют там до смерти. Менты такое терпеть не будут! Это только матери под силу... Вот и держала она квартиру постоянно открытой. Он приходил. Мать уходила, куда угодно – к подругам, на вокзал, в дальний скверик...

Возвращалась, когда утихомиривался. Иногда он отсутствовал неделями. Тогда она отдыхала. Но боялась. Вдруг сейчас позвонят, что уже... Или – принесут... И всё время мозг сверлил всё тот же вопрос:

– За что? За что мне это?.. Чего такого страшного я натворила?!

– За что... – пытался хоть как-то успокоить её старенький сосед-философ, – сейчас объясню. Одно поколение сменяется другим. Соты первого освобождаются, выбрасывая из ячеек отработанный материал: учёных, гениев, убийц, простых работяг или алкоголиков, как в вашем случае... Но на смену им тут же приходят новые. Ведь все ячейки опять должны быть заполнены. Так почему вы считаете, что клеточку алкоголика должен заполнить чей-то сын, а не ваш? На каком основании?.. Чем вы лучше?..

Но какое ей было дело до этих премудростей...

– Лучше б я сама спилась, клеточку эту дурацкую заполнила – тяжело вздыхала она, – может, его б и не коснулось...

Вот и сейчас, непонятно как держась на слабых полусогнутых ногах, её чадо, неловко взмахнув корявыми руками, полуобернувшись, красноглазо уставилось на неё почти не видящим взглядом...

– Ма... Ты, только не злись... Дай чего-нибудь поесть, а? Я такой голодный...

– На выпивку-то нашёл... А хлебушек мать подай! – по привычке пеняет ему Наталья, – иди уж... Сейчас, что-нибудь приготовлю.

Она быстрым шагом пересекает двор, стараясь не встретиться с кем-нибудь из соседей, и мышкой ныряет в свой подъезд. Сын, спотыкаясь, тащится следом.

– Хоть бы не упал! А то тащи его потом...

Уже дома, разбивая яйца над сковородкой, она вдруг... нет, ещё не осознаёт, а просто уже знает, почему именно сегодня ей так плохо... Так ещё не было. Словно кто-то безжалостной ледяной рукой стиснул её и так изболевшее сердце. И, видимо, от этой боли, как от толчка, внутри неё, скорее всего, в эпицентре этой самой боли, вдруг открылась яркая живая картинка... Оттуда... Из той давней поездки в «Зелёный мыс»...

Раскалённый пляж. Ряд мусорных бачков. И обмякшая, будто варёная, фигурка четырёхлетнего Вадика, роющегося в мусоре. Тонкие ножки, висящие чуть не до колен покрасневшие ручки, такой же, как теперь, невидящий взгляд исподлобья. Те же воспалённые, в красную сеточку, глаза... Будто обвиняющие или предупреждающие о чём-то...

Картинка на миг вспыхнула, и погасла. Но её надо было непременно вернуть! Казалось, кто-то велел ей это...

Она отнесла сыну яичницу, забралась на свой детский диванчик, легла на спину, и воспоминания просто взорвались перед ней разноцветными стёклышками калейдоскопа...

Там, в прокуренном закутке Вадима, ещё громко доскребала по сковороде визгливая алюминиевая ложка...

А здесь... Нет, даже не здесь, а внутри своего большого сердца, Наталья уже видела то давнишнее лето. Зелёный мыс. Обрывистые скалы, увешанные лианами, обнажённую девушку у водопада, позирующую суетливому усатому фотографу, белесые стволы эвкалиптов, подпирающие низкое ярко синее небо, пропахшие лимонными завязями палисадники, верандчатые домишки с крутыми лесенками на крышу, и везде – вьющиеся розы: алые, малиновые, бордовые...

У той горы, где синяя прохлада...

У той горы, где капель перезвон.

К тебе спускались гроздья винограда

Зелёным градом, градом на балкон... – неслось почти из каждого открытого окна.

И было солнце утреннее сонным.

И тени вниз летели со скалы...

И было это время невесомым,

И были эти сны не тяжелы, – слышалось и с недавно причалившего белого прогулочного катера.

А вот и сама она, сбегаящая со второго этажа по лёгким виадукам внешней деревянной лестницы. Подол белого полупрозрачного платья вьётся вокруг тонких загорелых лодыжек, речитативом отстукивают каблучки серебряных босоножек... А оттуда, снизу, подняв головы, на неё с нескрываемым восхищением во все глаза смотрят играющие в нарды пожилые аджарцы. А

там... чуть правее, возле увитой виноградом беседки, – он, её Вадька, в жёлтых шортиках и оранжевой кепке с полосатым помпончиком... Маленький, любимый...

– Сейчас, сейчас, дорогой! Уже идём...

И они шли, куда глаза глядят, куда хотелось, вбирая глазами и лёгкими этот новый, пока ещё неведомый мир, праздный и радостный...

Почему радостный? Да просто это было лето её цветения! Большинство растений цветут раз в год, а человек, скорее всего – раз в жизни. Вот она и цвела! Словно лучилась молодой здоровой красотой... На неё оглядывались даже женщины. А мужчины, не сдержав восхищённого удивления, даже присвистывали... Вадик ревниво поглядывал на них, и ещё крепче стискивал мамину руку.

Как-то гуляя с сыном, Наталья заглянула в маленькую пекарню. Уж больно аппетитный рогалик величиной со скрюченный батон был выставлен в витрине. Едва она протянула свою пятидесяти рублёвку, как маленький толстенький пекарь уже довольно солидного возраста, схватив Наталью за запястья, буквально потащил её через прилавок, выпучив глаза и яростно брызгая слюной:

– Бросай своих туристов, переезжай ко мне! Сколько ты у себя получаешь? Я тебе твой оклад – в день платить буду!

Хорошо, Вадька повис у неё на ногах и заорал как резанный... Только это и помогло. Правда, денег жалко было... Выпавшая купюра осталась там, за прилавком. Потом, дня через три, они с Вадькой опять прогулялись мимо этой пекарни, но теперь уже с опаской, по противоположной стороне улицы. Их хитрость удалась. Пекарь выбежал, отдал деньги и даже извинился. Но Вадька его всё равно не простил. Выбросил в урну сунутый им рогалик. Мужчина...

Много чего в ту поездку было. Наталья с невольной улыбкой вспомнила их комичные хождения в кино.

Она подсаживала сына к окошку кассы, и он спрашивал:

– А кино про войнушку или про любовь?

– Сегодня – про любовь, – отвечала кассирша, – завтра будет про войнушку!

– Тогда не пойду, – наотрез отказывался он.

– Так нельзя, ты мамку свою любишь?

– Люблю.

– Тогда пожалей её! Ей так хочется – про любовь... Вон, она у тебя какая красивая!

– Ну, ладно, – наконец, соглашался он.

И вот они уже сидят в прохладном высоком кинозале с большими квадратными колоннами вдоль стен. Здесь, внизу, сидят отдыхающие, в основном женщины. А там, наверху, на балкончиках – местные мужчины, пришедшие сюда, конечно же, не кино посмотреть...

Их упорные поблескивающие взгляды пугают Наталью и одновременно волнуют. Но вскоре сюжет фильма увлекает, и она уже неотрывно смотрит на экран.

Вадька, прыгнув с её колен, бежит в первый ряд, на низенькую детскую скамеечку. Он всегда сидит там, с маминого места ему не видно.

Когда фильм заканчивается, Наталья забирает его, уже спящего, неловко одеревенелого... Несёт, завалив на плечо, и ласково оглаживает, будто расправляя и успокаивая все онемевшие косточки. Ближе к дому он открывает глаза и, глядя на очередного провожатого, сердито ворчит:

– Опять прицепился! Вчера один. Сегодня – другой... Уходи! Ты нам не нужен! Мы с мамой сейчас молоко с печеньем пить будем...

– Наталья оборачивается и с улыбкой говорит незнакомцу:

– Вам, и вправду, лучше уйти! Видите, какой у меня защитник?..

– Вижу... – прячет глаза тот, и делает шаг в сторону, в тёмные тревожные кущи.

В кино они ходят через день. А остальные дни – на танцы.

Наталья надевает длинное лиловое платье с незабудками, а Вадик – белый костюмчик, и берёт с собой спичечный коробок для светлячков.

Мама танцует. А он, бегая вокруг скамеек с отдыхающими, быстро наполняет коробок, иногда поглядывая на танцплощадку.

У них с мамой договор. Больше одного танца ни с кем не танцевать. Этот здоровенный дядька в светлых штанах, кажется, уже третий раз её приглашает... Вадик бросает коробок и бегом мчится к матери, дёргает её за подол и, пытаясь заглянуть в её уже незнакомые глаза, кричит сквозь дребезжащую музыку:

– Мам, мы ведь договаривались! Всё папе расскажу...

И гордый тем, что мама его слушается, быстро уводит её домой.

Всю ночь шумит море. Оглушительно пахнут розы. Свиристят цикады. Мама, широко распахнув тёмные, беспокойные как это ночное море, глаза, ещё долго смотрит в потолок. А Вадька уже сладко посапывает, с мокрой печенькой под щекой.

Как-то соседка по комнате пригласила Наталью на концерт в санаторий для военных вертолётчиков, работающих в особо опасных условиях Афгана. После концерта их пошли провожать сразу трое. Хорошими ребятами оказались. Потом частенько, оказавшись на одном пляже, они учили мальчишек плавать: у соседки тоже был мальчик, на год постарше Вадьки. Особенно Наталье понравилось, что эти вертолётчики не пытались клеиться.

– Зачем? – говорили они. – Здесь женщин такого сорта больше чем достаточно. Нам их даже в номера разрешают приводить и в столовой кормить. А вы – другое дело. Семью

напоминаете. Хорошие русские бабы, и пацанята у вас хорошие. Вот если бы вы своих мужиков побросали, мы бы на вас женились, зуб даём!

– Втроём на двух? – не выдержала соседка.

Как потом оказалось, мужа у неё не было. Но вскоре ребят подлечили и выписали.

– Скоро вам новых падунцов пришлют, – успокаивали они на прощанье, – наши там часто бьются. У многих жёны не выдерживают, драпают. Так что мы почти все холостые...

– Дяденька, а почему вас Штопором зовут... – лукаво поблёскивая глазёнками, донимали самого плотного мальчишки.

– А потому... – отвечал он, смачно откусывая от здорового ломтя спелой дыни, – что я летаю, летаю... – вертел он перед их носами мокрой от сладкого сока ладонью, – а потом – в штопор! Бух... И опять сюда.

– Скорей бы! – мечтательно вздыхал Вадька.

– Господи, дурачок совсем... – сокрушалась Наталья.

Вскоре уехала и соседка, мальчик у неё перекупался и простыл. Три дня Наталья с сыном просидели на пляже одни. А на четвёртый поодаль обосновалась группка волейболистов. Наталью пригласили покидать мячик...

И вот она уже в центре внимания сильных загорелых мужчин. Откровенные взгляды. Резкие пассы. Прыжки. Броски. Кувырки и падения, при попытке взять трудный мяч. Потом разгорячённые, все в песке, они бегут в лазурную прохладную воду, галдят, дурачатся...

Вадька, в белой панамке, сидит под зонтиком на одеяле и жуёт яблоко.

И опять – летающий мяч... Намеренно нескромные касания. Когда меж столькох мужчин – одна женщина, идёт уже двойная игра... И это понимают обе стороны. Напряжение постепенно нарастает...

И тут мяч улетает к мусорным бачкам, сгрудившимся в низинке. Наталье до него ближе всех, и она бегом устремляется под гору. Наклоняется и вдруг видит своего Вадьку – без панамки, босиком... Он стоит у этих грязных бачков, полубоком, поставив ступни на ребро, и что-то пытается достать из мусора, кажется недоодеенное кем-то мороженое или бутылку из-под лимонада.

– Наверное, пить хочет... – в ужасе осознаёт она, – совсем про него забыла... Сколько же я играла? Час... Два... Или больше? Ужас, какой!

Вадька оборачивается, устремляя на Наталью мутные, почти бордовые глаза. Взгляд исподлобья, ещё обиженный, но уже и отрешённый, мол, кого тут дожидаться?.. Ручки мотаются как плети. Плечики обгорели до красноты. Его слегка пошатывает...

Вина и жалость тяжело обрушиваются на Наталью. Она выбивает ногой мяч, и схватив на руки сына, бегом несёт его под зонт, заворачивает в мокрую простыню, даёт попить. Но чувство вины не проходит, оно словно потряхивает её изнутри, всё время напоминая о себе. Не проходило оно и потом, весь остаток отпуска, и даже по дороге домой...

И вот когда аукнулось... Та же страшная картинка. Только через тридцать лет. Как иглой сквозь время прошло, соединив давнее и настоящее, может лишь затем, чтобы, наконец, дать ответ на тот самый злосчастный вопрос – за что?

– Неужели только... за это?.. Хотя... – скрипнув пружинами, Наталья сползает с дивана и идёт поглядеть на сына.

– Может, плохо ему?... Или уже спит?

Но Вадима, её Вадьки, уже нет. Только входная дверь опять настезь. И её изредка мотает подъездным сквозняком. Туда-сюда...

Александр ЗОРЬКИН

ПРИГЛАШЕНИЕ НА РЫБАЛКУ

КАРАСИНЫЙ ПРУД

На вид проблема даже проще волоса.
А вот решить – непросто. И весьма!
То ли нехватка мозгового тонуса,
То ли опять удача обошла.

Решенье ищешь
в древних загогулинах;
В пещерных схронах, где по горло слизь;
А на вулкане, как персте прокуренном,
Таращишься в обугленную высь.

Потом – в тайфун. Потом, с таёжной пристани,
Заглянешь в лунный голубой сосуд...
А может быть всмотреться стоит пристальней
В знакомый с детства,
милый с детства пруд?

А может быть для мозгового тонуса
Рецепт в собранье карасиных троп?
Рецепт,
чью суть и на страницах Космоса
Не смог прочесть учёный телескоп.

САШКА

1.
Чтоб в болоте и карп? Но он есть! И клюет, между прочим.
Ну, а Сашке плевать! Руку вздел в «пионерский привет»!
Вечно пьяный, как бомж, но не бомж, мой напарник бормочет:
– Я – в артисты могу! Повезло бы слегка – и в момент.

В Подзавалье – восторг. В Петербурге – восторг...
И – на «Запад».
Я, калужских кровей, новоявленный миру Дедал.
Мне малиновый фрак благодарные зрители дарят.
Расцветает салют...

Размечтался рыбак, не видал,

Как леса у него с тонким визгом волну распорола.
И провисла. Сашок ошалел. Я к нему:

– Ну, и как?

Говоришь ерунда? Эх, артист погорелых гастролей.
Это – карп. Это – карп! Карп тебе не малиновый фрак!

2.

Через день – я один. А погода – не дождь и не ведро
Свирепеет комар. Но карпятя «идут» хорошо.
Где же Сашка? Поди, снова пьяный лежит, как колода.
Сашки нет, но зато хмурый парень ко мне подошёл:

– Мы тут рядом сидим. Вон под той, под орешинной длинной.
Карп у нас «не пошёл». Выпивали.

Подсел мужичок

И понёс про театр, про какой-то пиджак, про малину.
Он ушёл. Ну, а мы прилегли отдохнуть, на часок.

А проснулись уже под вороний испуганный гомон.
Глядь – а спиннингов нет! Вместо спиннингов комли коряг...
Что сказать пареньку? Я задумался – вор-то не пойман.
Стал накрапывать дождь.

Вот тебе и малиновый фрак!..

3.

А ещё через день в Подзавалье кошмарные страсти.
Сашка «выдал» банкет, на реке, для случайной шпаны.
Он кричал –

я артист, мне малиновый фрак подавайте!

И упал в водоём. Ну, а зрители тоже пьяны.

Я проститься пришёл. Сашка был безобидным и робким.
Но откуда банкет – этот чисто купецкий разор?
Черги пили коньяк – денег не было и на похлёбку!
Но винить не могу. Как известно, не пойман – не вор.

А во что обряжать? Не в трусах же – в могильные «сочи»?
Только рыжая пыль заметалась по рыжим шкапам.
Кто-то вынес костюм. Он, костюмчик, конечно, не очень...
Он, конечно, не фрак,

но с малиновой ниткой по швам.

КЕПКА

Я в новой кепке, в модной «восьмиклинке».
Но велика – сползает на глаза.
И жалко снять – в болоте кочки липки.
Стою, как есть.
Клёв? Только мелюзга.

Болото, гнус и кепка – надоело!
А клёв всегда! когда его не ждёшь.
Леса – ко дну,
потом рванулась влево.
Потом – на круг, ещё...
Карась хорош!

За кругом круг – карась в родимой хате.
И целится на островной мысок.
А если леску там коряга схватит?
А мне обзор вновь застил козырёк!

Долой его, а с ним все восемь клиньев.
А леска снова дёрнулась ко дну,
К коряжным пальцам, к самой мёртвой тине.
Леса звенит. Не дать ей слабину!

Не дать!.. Но как? В болоте кочки липки.
Качнулся и...
И, как в кошмарном сне,
Желточный блеск моей строптивой рыбки
Уже в подводной мёртвой пятерне.

Рванул с досады. И,
о, это чудо!
Карась освободился от коряг,
И будто позолоченное блюдо
Перевалился прямо в мой подсак.

Стою, курю. Такие «лапти» редки!
Стою, курю. «Бурлит» в садке карась.
А кепка где? А утонула кепка.
И что с того?
Рыбалка удалась!

Вячеслав БОТУК

КРЫЛЬЯ АНГЕЛА

В небольшой районный городок средней полосы России в конце весны приехала маленькая семья, мать и сын. Мальчика звали Володя Боков. Местные мальчишки стали приглядываться к новичку и решать, стоит ли с ним иметь дело. Они узнали, что ему семь лет и он должен осенью пойти в первый класс. Володя не выглядел на свой возраст, ну лет на шесть, не более. Пушистые белые, длинные волосы, словно пух одуванчика, обрамляли его лицо с огромными круглыми голубыми глазами. Длинная худенькая шейка переходила в хрупкое небольшое тело с тонкими руками и ногами. Он редко улыбался и почти всегда ходил задумавшись, погружённый в свои сокровенные мысли. Витёк Макин, атаман местных пацанят, решив проверить вновь прибывшего на «вшивость», подошёл через несколько дней к нему со своим корешком Женькой Юдиным в узком переулке.

– Эй, малец, нечего здесь ходить без моего разрешения! Усёк?! А, если не усёк, то я тебе это втолкую попонятнее!

Володя, будто очнувшись, поднял глаза на задире.

– Хорошо! Мне всё равно, я могу ходить и другой дорогой.

Опять в задумчивости опустив голову, мальчик обошёл неприятелей, а Витька, победно подбоченившись «фертом», презрительно смотрел ему вслед. Глядя на пушистую голову мальчика, на его тоненькую «стебельковую» фигурку, все вокруг стали за глаза называть его Одуванчиком, а особо вредные сверстники добавляли ещё слово «божий». Но Вовик на них не обижался, он просто не обращал на это внимания. Он любил одиноко бродить по живописным окрестностям вокруг городка, собирать красивые камешки, листья, цветы... Куда он их девал?

Кто из нас в детстве не делал «секретики»? Да-да, те самые! Наверняка каждый хоть однажды в потайном, укромном уголке двора, сада или парка выкапывал ямку, на дно которой укладывались всевозможные разноцветные сокровища: осколки цветных стёклышек, конфетные фантики, лепестки цветов, высушенные трупики «золотых» жучков... Вся эта красота закрывалась сверху куском оконного стекла и хорошо замаскировывалась пучком травы, песком или листьями. Было интересно и трогательно проверить свой «секретик» через какое-то время, как будто ты и в самом деле отыскал клад. А ещё многие любили играть в поиск чужих «секретиков». Кто-то, кто был хулиганистее и вреднее, разорял чужие «сокровищницы», а некоторые просто меняли начинку ямки на другую, свою. Так вот, Одуванчик во множестве делал повсюду свои «секретики». Кроме

обычных для всех «ингредиентов», он обязательно добавлял к своему кладу ещё одну составляющую, только свою. И стекло он клал не плотно на ямку, а прокладывал между ним и землёй небольшие камешки или щепки, чтобы был зазор. А уж маскировал он их так, что даже подглядывавшие за ним мальчишки, ничего не могли найти на том месте, как ни старались...

Лето, как всегда, пролетело мгновенно! В первый осенний день детвора в новенькой школьной форме с букетами разноцветных астр и гладиолусов собиралась на школьном дворе. Принаряженный и торжественный Володя Боков стоял в первом ряду со всеми первоклашками. После торжественной линейки их развели по классам. Как говорится, по закону подлости Одуванчик попал в один класс с Витькой Макиным. Но внешне это никак не проявилось на Володином лице. Как всегда, в первый день ребятам рассматривали своих новых одноклассников. Многие из них сразу же обратили внимание на русоволосую девочку, которая при переключке откликнулась на имя Маши Лисициной. Её милую головку украшал такой огромный белый бант, что казалось, дунет сильный ветер и унесёт её вместе с этим бантом.

Разумеется, Макин тоже обратил внимание на это нежное создание и тут же решил начать оказывать ей «знаки внимания». Какие это знаки, конечно, догадаться не трудно. На первой же перемене он чувствительно дёрнул девочку за роскошную светлую косу. Потом «ухажёр» сделал ей подножку. Короче говоря, к концу уроков Машины чудные голубые глаза были красны от слёз. Она надеялась, что после уроков Витька от неё отстанет. Но очень скоро она поняла, что это не так. Когда до Машиного дома оставалось пройти пару кварталов, из ближайшего проулка выскочил её сегодняшний мучитель с двумя своими приятелями. Они быстро окружили девочку. Маша обречённо прижалась спиной к забору и, как щитом загородилась своим портфельчиком. С торжествующей ухмылкой Макин шагнул к ней... И вдруг произошло что-то непонятное. Все три обидчика, словно подхваченные ураганом, разлетелись в разные стороны. Больше всех досталось Витьке, он с такой силой приложился своей наглой физиономией к забору, что у него из носа тут же закапала кровь. Вытерев кровь рукавом, девчачий обидчик изумлённо обернулся. Перед Машей, закрывая её спиной, стоял... Одуванчик! Изумление на лице Макина мгновенно сменилось гневом. Но тут он посмотрел в глаза Машиного защитника и замер на месте, как будто наткнувшись во второй раз на забор, только невидимый. Голубые и мечтательные глаза Володи сейчас излучали серо-стальной блеск. Всё его хрупкое тело вдруг превратилось в железный прут.

По Витькиной спине, от затылка к пяткам потёк противный пронизывающий холодок. Он молча повернулся, и быстро зашагал прочь от места своего несостоявшегося триумфа, поспешно догоняемый двумя не менее обескураженными приятелями.

– Ничего не бойся, Машенька! Он больше никогда не будет тебя обижать!

Мальчик бережно взял её за руку, и они медленно пошли к дому...

С тех пор Маша и Володя стали неразлучны. Они часто любили гулять по самым красивым уголкам окрестностей. Маше было интересно слушать своего необыкновенного друга, ведь он так много знал и очень увлекательно обо всём рассказывал. Самой любимой темой Одуванчика были бабочки. О них он мог говорить без конца и с неизменным восхищением. Маша узнала, что в мире существует такое огромное количество видов этих прекрасных созданий, что трудно даже мысленно представить. Они могут быть огромного размера, а могут быть крошечными, едва различимыми. Расцветки одних бабочек настолько невероятны и прекрасны, что трудно поверить в их реальное существование. Другие же незаметны и невзрачны, но всё равно, восхищают своей нежной и невесомой хрупкостью. А ещё они теперь вместе делали в разных укромных местах «секретки». Они отличались таким разнообразием и красотой, что Машенька долго любовалась на них, прежде чем спрятать от посторонних глаз. Перед тем, как уйти от очередного своего «клада», Володя просил.

– Маша, пожалуйста, отойди и не смотри!

– А что ты хочешь ещё положить?!

– Ну, это мой секрет в «секретке»! Не обижайся! Хорошо?!

Он становился на минуту задумчив, а потом добавлял.

– Когда-нибудь... Ты об этом узнаешь.

Прошёл их первый учебный год, наступило тёплое и радостное лето школьных каникул. Как же было хорошо тем летом! Как всегда, оно пролетело тёплым и ласковым ветерком. Дети подросли и окрепли. Машенька загорела и ещё больше похорошела, а Володя вытянулся и раздался в плечах. Ну и конечно, они ещё больше сдружились, ведь все летние дни, с утра до вечера они были вместе. Их самым любимым местом прогулок был старый заброшенный парк на высоком покатом берегу реки Студи. Многие объясняли такое её название наличием множества прибрежных родников, которые стекали в реку. От этого вода в ней даже в самые жаркие дни была очень холодной. Дети очень любили этот старый парк и скамью на краю речного откоса, с которой открывался чудесный вид до самого горизонта. После первых осенних каникул, все стали с нетерпением ждать наступления зимы и Нового года. И вот выпал первый снег, нет, не выпал, а повалил густыми и лёгкими хлопьями. Это было настолько сказочно, что многие прохожие останавливались и зачарованно смотрели, как всё вокруг одевается в пушистую шубу. Незадолго до новогодних праздников и каникул ударили такие сильные морозы, что учеников младших классов решено было отпустить отдохнуть досрочно. Но кто же будет сидеть дома, когда на улице такая красота, хоть и начинается сразу, как выйдешь из дома, щипать нос и щёки. Как здорово с разбегу плюхнуться на

снежную перину, сразу утонув в ней; промчатся на коньках по звонкому речному льду; слететь с крутой горки на санках, визжа от счастья! Главным удовольствием у Маши и Володи было катание с вершины их любимого речного откоса к Стыни. Каждое утро, подхватив санки, они бежали к парку, предвкушая весёлое развлечение, которое не могло надоест никогда.

Однажды, они как всегда по уже накатанной саночной колее устремились вниз с горы. Маша съезжала первой. Одуванчик только оттолкнулся от верхнего гребня откоса, чтобы устремиться следом за подружкой, а она уже вылетела на лёд реки. В этот раз её санки помчались дальше, чем обычно. Оказавшись уже почти у самого речного берега, мальчик вдруг увидел, как Машины санки остановились и послышался громкий треск. Девочка, вскинув в испуге руки, стала быстро проваливаться в полынью, которая была до этого скрыта снежным ковром, лежавшим на тонкой ледяной плёнке. Володя мгновенно придя в себя, закричал.

– Маша, держись! Я иду к тебе!

Огромные от ужаса глаза девочки смотрели с мольбой на него.

– Вовка, помоги!..

Он лёг на лёд и осторожно пополз к полынье.

– Я сейчас, ты только держись за край!..

Острая кромка полыньи резала руки и обкрашивалась. Маша теряла силы, мокрая одежда неумолимо тянула вниз. Когда до тонущей девочки оставался примерно метр, лёд под телом Володи затрещал. Вначале тихо, чуть слышно, но через несколько секунд всё громче и громче. Он ненадолго замер, а потом быстро стал разматывать со своей шеи красный вязаный шарф.

– Маша, хватайся, попробую тебя тащить! Ближе не подобраться, лёд провалится!

И он... провалился, когда девочка, схватив мёртвой хваткой конец шарфа, не потянулась осторожно, а судорожно и резко дёрнула его к себе. Теперь в дымящемся окошке воды барахтались оба. Девочка сопротивлялась смерти уже совсем слабо, отдавая последние силы. Тогда Одуванчик стал наваливаться грудью на край полыньи, кроша его в сторону берега. Лёд стал прочнее. Тогда он подплыл к подружке и, подтащив её, уже почти бесчувственную к прочной кромке, стал выталкивать на лёд. Не сразу, но это ему удалось.

– Маша, отползай к берегу... быстрее!..

Еле-еле шевеля руками и ногами, девочка немного отодвинулась от полыньи. В руке у неё мёртвой хваткой был зажат Володин шарф.

– Попробуй кинуть мне конец!..

Конец шарфа у него в руках, но в этих руках нет уже силы.

– Попробуй потянуть, у меня уже нет сил!..

Но тянуть было некому. Маша, потеряв сознание, уткнулась лицом в снег. Очнувшись она от далёкого крика.

– Держитесь! Я сейчас, только держитесь!..

Сквозь туман в глазах девочка увидела бегущего к ним рыбака, а последнее, что отпечаталось в её вновь уходящем сознании, был кончик красного шарфа, который быстро уходил под лёд...

Неделю девочка металась в жару с жесточайшим двусторонним воспалением лёгких, не в силах очнуться. Когда кризис миновал, и она пришла в себя, то, едва шевеля запёкшимися, потрескавшимися губами, спросила.

– Где... Одуванчик?..

Её мама, только что облегчённо вздохнувшая и радующаяся, что дочке полегчало, вновь помрачнела, с трудом сдерживая слёзы.

– Володи... больше... нет!..

– Мамочка, что ты такое говоришь?! Как нет?!

– Его спасти не смогли! Его даже... не нашли!

– Так он меня спас, а сам...

Снова Маша очнулась только глубокой ночью. Лунный свет, пробившись через щель в занавесках падал на что-то сверкающее в углу.

– Что там так блестит?!.. Ой, это кажется ёлка! Интересно Новый год уже пришёл или ещё нет?!..

– Новый год уже прошёл, Машенька, сегодня сочельник, а завтра Рождество!

Девочка смотрела и не верила глазам – на её кровати в ногах сидел... Одуванчик и улыбался ей своей ласковой задумчивой улыбкой.

– Я пришёл сказать тебе, чтобы ты не казнилась! Мы с тобой ещё обязательно увидимся и это будет... волшебно! А поможет нам вот это.

На его протянутой ладони лежала... куколка бабочки! Маша протянула навстречу свою руку, но... схватила только воздух. А Одуванчик стал стремительно «растворяться» в полумраке комнаты.

– Обязательно!.. Только жди и верь!..

Словно прозвенел колокольчик на ёлке...

К весне Машенька окончательно поправилась и даже смогла нагнать в школе то, что пропустила из-за болезни. Только теперь никто не слышал её смеха и не видел, как она улыбается. Девочка стала часто ходить одна, задумчиво бродя по окрестностям, по их любимым местам. Сквозь прошлогоднюю бурю листву дружно пробивалась юная изумрудная травка, желтели глазки первоцветов, птицы на все лады радовались солнышку и теплу. Только казалось, что всего этого Маша не видит и не слышит. Вдруг что-то звонко хрустнуло под её ногой. Присев, девочка увидела лопнувшее стекло «секретика». Медленно перебирая поблёкшие и размокшие за осень и зиму «сокровища», она наткнулась на какие-то непонятные коричневые чешуйки, похожие на ореховую шелуху. Перебирая их на ладони пальцем, Маша неожиданно догадалась.

– Это же осколки от панциря «куколки»! Так вот что ещё клал в «секретки» Одуванчик!

Прозрачные тёплые слезинки цепочкой заскользили по бледным щекам.

Вот и лето, каникулы... Только радости – никакой. Даже ещё хуже. Школа хоть немного отвлекала от тоски и грусти.

Прекрасное солнечное летнее утро. Девочка, задумавшись, сидит на их любимой с Володей скамейке над речным откосом. Из задумчивости её выводит большая красивая бабочка, которая легчайшим дуновением крыльев повеяла ей в лицо. Сев рядом с Машей на скамью, бабочка грациозно двигала своими крылышками. Девочка неподвижно застыла, боясь спугнуть это чудо. Но тут к ним неожиданно подлетела ещё одна крылатая красавица, потом ещё одна, и через несколько минут вокруг скамьи кружилась уже их небольшая стайка. Девочка в немом восхищении любовалась цветным порхающим хороводом! Через некоторое время она заметила интересную особенность, бабочек было семь. Но удивляло не их число, а расцветка. Да, форма крыльев и рисунок узоров у них был разный, но вот цвет под этими узорами... Маша с возрастающим удивлением обнаружила, что бабочки были семи цветов радуги. Поражённая этим открытием, девочка, кажется, забыла дышать. Бабочки кружились перед нею в каком-то чудесном танце, постепенно отлетая вдаль. И в этой дали Машенька вдруг увидела небольшое прозрачное облачко, которое вспыхивало разноцветными искорками в солнечных лучах. Это видение быстро приблизилось. И вот уже тысячи бабочек всевозможных форм и расцветок метелью закружились над скамейкой. В восторженном оцепенении девочка не сводила глаз с этого подарка природы.

Словно устав кружиться, вся невероятная стая дружно опустилась на склон откоса. А над головой Маши снова замелькали семь бабочек. Как бы приглашая её за собой, они медленно стали слетать вниз по левому краю. Девочка осторожно спускалась, не сводя глаз с пёстро-живого ковра, покрывавшего весь склон. И вот она внизу. Какая же сказочная красота расстилалась перед нею!.. Но что это?! Маша даже потёрла глаза. Ковёр из бабочек превратился в огромный цветной рисунок. И этот рисунок был живым и дышащим портретом... Одуванчика!.. Бабочки, шевеля крыльями, передвигали лапки и... Володя улыбнулся. Девочка стояла, словно окаменев, слёзы любви и восторга солнечными искорками горели на её щеках...

Кто говорит, что у ангелов не может быть крыльев бабочки?!..

Валерий ИВАНОВ

МЛАДШЕНЬКАЯ (быль)

Посв. матери

Находил в ней своё и, похоже, по этим причинам
К старшей дочери он по-отцовски был менее строг.
Во смущенье души стала младшая Ангельским чином,
Да вот только война всё связала в один узелок.

Кто теперь запретит старшей шмыгнуть за дверь на закате?
Мамка поздно домой, измотавшись, проспит до утра,
Пусть на младшую всё, быть в тени и донашивать платья,
Если батьке на фронт письма старшая пишет сестра.

Вот посылка пришла, с призывного ещё добиралась,
В ней одежда его, по хозяйской привычке простой,
В той одежде письмо и секрет старшей дочери в радость –
Невесть как и зачем чашка чайная с алой звездой.

Стала чашечка та старшей в гордость и то ненадолго,
После младшей в ладонь утешением кротким легла,
Целый день та звезда созерцалась в комодке на полке,
Чтоб потом перед сном детских губ прикоснуться могла.

В редкий случай тот день ближе к вечеру выпал семейным,
Скудный ужин втроем, дождь стучит по ступенькам крыльца,
Мать и старшая дочь то о чём-то шептались, то пели,
Ну а младшая дочь любовалась на чашку отца.

То не дочка кричит, а душа твоя бедная, Яков,
На пределе земном чашка треснула в детской руке,
Сообщил, что убит, и померкла звезда Зодиака,
Только маме моей до сих пор светит там вдалеке...

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Песок и ветер – жёлтая константа,
Бесстрашие Начала и Конца –
Есмь Альфа и Омега от Творца,
Есмь два нерукотворных бриллианта
В очах Ветхозаветного Тельца.

Разорван путь безумных караванов,
Тот, шёлковый и пряный, по кускам.
Языческая смертная тоска
Во чреве дюн в талмудах и коранах,
Под тоннами зыбучего песка.

Песок и ветер пали на колени,
А вместе с ними сорок солнц и лун,
Телец Ветхозаветный в царстве дюн
В поклоне Агнцу в трепетном смиренье,
Константе Жизни в Жертвенный Канун.

В пустыне бесконечных словоблудий,
Где каждая песчинка на весы,
Где так бесценна капелька слезы,
Вы вразумитесь, временные люди –
И вот вам в Дар песочные часы.

ДЕКАБРЬ 2015

Объявлена рабочая суббота,
Все друженько не вышли на работу,
Три месяца зарплаты ни шиша,
На что живут, питаются, не знаю,
Я тоже за бесплатно охраняю,
Не возмутись, пропащая душа.

Подтруниваю – это помогает,
Гуляй, рванинка, свечка догорает,
Среди упавших – некуда упасть.
Он до сих пор рыбачит, Достоевский,
Две тысячи пятнадцатые лески,
Плотва и щука, окунь и карась.

Старик и бабка шарят по сусекам,
На Новый Год, хотя бы ради смеха,
Ведь наскребут, поди, на колобок.
Непостижим в нас русский этот стержень,
У моря дед реально безмятежен,
Ведь золотая рыбка – это БОГ!

ПОКРОВ НА РВУ

Посв. братьям Александру и Владимиру

Под созвездием Рыбы небесной
Акушерка троих приняла,
Март облёк оболочкой телесной
Нас троих, но не знали мы, честно,
Ту, Которая рядом была.

Мать земная кому же не свята?
В муках Евам рожать суждено,
Но скажите мне правду, ребята,
Кто снаружи родильной палаты
С горней нежностью смотрит в окно?

Кто ж так долго и так терпеливо
Трёх мальчишек до церкви вела?
Время падшее, время отлива,
Век двадцатый – сырая могила,
Только нас она взять не смогла.

Старший брат мой, в крещении первый,
Средний брат мой, в крещенье второй,
Начудили мы, братья, без меры,
Но, похоже, та капелька веры
На иконе спасала слезой.

Скоро мама уйдёт, попросившись,
Она сделала всё, что смогла,
Ну а мы не смогли, это данность,
И слеза на иконе осталась,
Выжигая земное дотла.

Александр ХМЕЛЕВСКИЙ

ПРОЕЗДОМ В КАЛУГЕ

(Эпизод из жизни актёра Щепкина)
(по идее Евгения Борисовича Арсеньева)

Действующие лица:

Михаил Семёнович Щепкин, 58 лет, актёр.

(Держится барственно, говорит медленно и со значением)

Виссарион Григорьевич Белинский, 35 лет, литератор.

(Робкий, тихий, застенчивый. Говорит с некоторым заискиванием и чиновничьим. Решительным становится, только отстаивая свои взгляды)

Николай Михайлович Смирнов, 39 лет, калужский губернатор.

(Корректный, холодно-вежливый, сознающий своё высокое положение. Говорит немного покровительственно)

Александра Осиповна Смирнова (Россет), 37 лет, жена Смирнова.

(Своенравна, капризна. Любит знаменитых и известных людей)

Иван Сергеевич Аксаков, 23 года, товарищ (т.е. заместитель) председателя уголовной палаты.

(Всегда – серьёзный, корректный, сдержанный)

Матюшка, слуга Аксакова

Голос за кулисами

Время действия – вторая половина мая 1846 года

Картина 1. Гостиница «Киев» в Калуге

Абсолютно пустая сцена. Мужские голоса за кулисами

Голос Щепкина. Эй, любезный!

Голос слуги. Ваша милость?

Голос Щепкина. Снеси, любезный, мой багаж в третий номер. А это тебе за труды.

Голос слуги. Благодарствуйте, ваша милость.

Голос Белинского. И мои вещи во второй номер. И поторопись, любезный. А это тебе за хлопоты.

Голос слуги. Слушаюсь, ваша милость. Благодарствуйте, ваша милость.

Щепкин и Белинский появляются на сцене.

Щепкин. Наконец-то добрались. Калуга – первая моя большая остановка.

Белинский. Здесь есть театр?

Щепкин. Да. И сюда на гастроли меня пригласила Александра Осиповна Смирнова, жена местного губернатора.

Белинский. Слышал о ней от кого-то.

Щепкин. Первый раз я увидел её года полтора назад в салоне князя Одоевского. Женщина интересная – красива, умна, но *(после паузы)* уж очень увлекающаяся.

Белинский. Как многие дамы высшего света.

Щепкин *(зевая)*. Как говорит один мой персонаж, пора и храповицкого читать.

Белинский. Совершенно верно, Михаила Семёныч. Пора и отдохнуть.

Щепкин. Завтра у меня трудный день. Вечером спектакль «Ревизор» по пьесе Гоголя.

Белинский. Насколько я помню, премьера состоялась почти десять лет назад.

Щепкин. Как будто вчера это было *(Задумывается)*. И публика была высшего тона – вельможи, действительные и статские советники. Смех, конечно, был – комедия всё же, – но холодный, презрительный. Роль Городничего мне тогда, пожалуй, удалась, хотя... *(Задумывается)*

Белинский. Удалась, без сомнений, Михаила Семёныч.

Щепкин. И всё равно. Выходишь с волнением – как в первый раз.

Белинский. Так и должно быть. Актёр вы замечательный.

Щепкин *(смеётся)*. Вашими устами да мёд пить, мой дорогой Виссарион.

Белинский. Да ведь мнение это не только моё, а ещё и...

Щепкин *(перебивает)*. Хватит похвал, друг мой. Время позднее, пора и отдохнуть. Покойной ночи.

Белинский. Покойной ночи, Михаила Семёныч.

Расходятся в разные стороны.

Картина 2. Чай у Аксакова

Гостиная. Стол, накрытый скатертью, по обе стороны два стула. На столе сложенная газета.

Аксаков *(в халате, садится к столу, берёт газету и разворачивает)*. Светские новости. Всё это суета сует. Да и в мире ничего особого не происходит *(Зевает, медленно складывает газету, кладет её на край стола)*. Самое интересное сейчас –

гастроли в Калуге Щепкина. Это что-то необыкновенное! *(Пауза)*. Матюшка! Где ты там есть? Матюшка!

Матюшка *(в дверях)*. Слушаю, барин.

Аксаков. Тебя не дозовёшься. Я жду гостя, сейчас же ставь самовар.

Матюшка. Сию минуту *(Убегает)*.

Аксаков *(обращаясь к зрителям)*. Смотреть, как играет роль великий артист – это чистейшая услада души. На сцене хорош Каратыгин, ещё лучше Мочалов, но их превзошёл намного Щепкин. Вот истинный талант, игрой которого не устаёшь восхищаться.

Щепкин *(за кулисами)*. Любезный, доложи барину, что пришёл артист Щепкин и просит его принять.

Матюшка *(выходит из-за кулис)*. Артист Цапкин пришёл и...

Аксаков. Проси, проси *(Идёт навстречу гостю)*.

Щепкин *(выходит из-за кулис, улыбается)*. Цапкиным меня ещё не называли. Здравствуйте, дорогой Иван Сергеич.

Аксаков. Очень рад вас видеть, Михайла Семёныч! Какая радость, что вы в Калуге.

Щепкин. В Калуге я не случайно, а по приглашению жены калужского губернатора.

Аксаков. Александры Осиповны? Это замечательно. Прощу к столу *(Кричит)*. Матюшка, погоропись!

Матюшка *(убегает с самоваром)*. Несу! Несу! *(Ставит самовар на стол и убегает; возвращается с подносом, на котором – чашки с блюдцами и блюдо с печеньем)*.

Аксаков *(делает приглашающий жест, наливает чашки, садится)* Утро, считаю, надо начинать с чаепития. Угощайтесь, Михайла Семёныч.

Щепкин. Благодарствую, Иван Сергеич. Давно вы в Калуге? И нравится ли вам здесь?

Аксаков. Приехал чуть более полугода и служу чиновником – товарищем председателя уголовной палаты. Нравится ли? Калуга – обычный губернский город и мало чем отличается, например, от Астрахани, где я прожил около года. Скучно, да и общаться особо не с кем. Особенно трудно было в первые дни, когда я только прибыл *(Чуть задумывается, декламирует)*:

И будто в ссылке, дни мои

Проходят вяло и досадно,

Так утомительно нещадно

Без песен, дружбы и любви!

Щепкин. И всё-таки. Как вам здесь живется и служится? Появились здесь у вас приятные знакомства?

Аксаков *(после паузы)*. Сам город чистый, мощёный. Здания можно найти прекрасные и виды чудесные. А вот общество...

Щепкин. Надо полагать, в каждом провинциальном городе общество неповторимо и своеобразно.

Аксаков. Вы не совсем правы. Общество как везде – приёмы, балы, карты. Мне это не интересно. Первое время я бывал на балах, но это быстро наскучило.

Щепкин. Но ведь есть же какие-то интересные люди? Или нет?

Аксаков. Есть, конечно. Это, например, Александра Осиповна, жена губернатора. Она умна, интересна, но, как всякая светская дама, капризна и несколько поверхностна. И ещё в одном доме я бываю – в доме Унковских. Здесь я душевно отдыхаю: интересные разговоры, музыка и никаких карт.

Щепкин. Вот и хорошо.

Аксаков. А вы, Михайла Семёныч, оказывается, приехали не один, хотя я не сразу это понял.

Щепкин. Не один, а с Белинским. Вы, вероятно, с ним знакомы. Я взял его с собой на юг – по его просьбе. У него чашотка и, как ни жаль, запущенная.

Аксаков. Я его видел в театре, на вашем первом спектакле. Едва его узнал. Жуткий вид.

Щепкин. Болезнь никого не красит.

Аксаков. Да, конечно (*Задумчиво уйдя в себя*). Белинский умён и талантлив, и вся его жизнь, вся его деятельность прошли не в пошлых интересах. Он мне противен, но надо быть беспристрастным. Он часто менял свои убеждения, но всегда действовал по увлечению или для достижения цели, в пользу которой был уверен.

Щепкин. А вы, Иван Сергеич, судя по этим вашим словам, чрезвычайно не любите Белинского.

Аксаков. Очень не люблю. Но почему бы мне с ним не поговорить? Он – личность незаурядная.

Щепкин. Вам, конечно, виднее. Мне – после вашего угощения – так и хочется рассказать вам забавную историю.

Аксаков. Послушаю с удовольствием.

Щепкин. Барин, узнав, что его слуга никогда не был в театре, отпустил его туда, а на другой день спросил:

– Ну как понравился театр?

– Очень понравился, – отвечал слуга.

– А что же тебе больше всего понравилось?

– Да всё! Тепло, светло, люстра пребогатейшая, так и горит, народу много, в ложах знатные господа и барыни, музыка играет. Праздник, да и только.

– Ну а как тебе понравились актёры и комедия?

– Да, признаться, когда занавес поднялся, и актёры стали промеж себя разговаривать, я их и слушать не стал.

Аксаков (*сдержанно смеётся*). Занятная история.

Щепкин. Мне пора. Благодарствую за угощение.

Аксаков. Всегда рад вас видеть, Михайла Семёныч. Матюшка, проводи барина.

Матюшка (*за кулисами*) Покорнейше прошу, барин.

Картина 3. Вечер у губернатора

Гостиная в доме губернатора. Диван, стулья, два столика с газетами и журналами. Входят губернатор, Смирнова, Аксаков, Щепкин и Белинский. Рассаживаются произвольно. Белинский всё время покашливает.

Губернатор (*продолжая, видимо, ранее начатый разговор*) Как, однако, зло вы судите о литературе, господин Белинский.

Белинский. Иначе, ваше превосходительство, и нельзя. Все видят достоинства произведения, но только критик может заметить недостатки.

Губернатор (*сомневаясь*). Только критик?

Белинский (*заискивающе*). Именно так, ваше превосходительство.

Аксаков. А кто по вашему, господин Белинский, мнению сейчас лучший в русской литературе?

Белинский. Из ныне здравствующих – Гоголь. Это вне всякого сомнения.

Смирнова. Но вы ругаете его в своем журнале. И довольно часто.

Белинский. Только для пользы дела. Ещё можно назвать графа Владимира Соллогуба. Его повести «История двух калаш», «Аптекарьша» и «Тарантас» – очень хороши. Если Соллогуб откажется от чиновничьей карьеры и посвятит себя литературе целиком, он вполне может соперничать с Гоголем. Пока же Гоголь – лучший!

Смирнова. Раз Гоголь лучший, то и ругать его не за что. Помните, как кончается первый том «Мёртвых душ»?

Белинский. Да, конечно.

Смирнова (*с чувством*). Эх, тройка! Кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла родиться... Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади... (*Прикладывает руку ко лбу*). Ммм... Как там дальше?

Аксаков (*подсказывает – продолжает*). Русь! Куда же несёшься ты?

Смирнова (*прерывает его*). Да-да. Чудным звоном заливается колокольчик, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух. Летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Щепкин. Великолепно. Просто великолепно (*Хлопает в ладоши*).

Смирнова. Разве это не красиво. Что тут можно ругать?

Белинский. Даже слишком красиво. А вы, многоуважаемая Александра Осиповна, никогда не задумывались, кто же по Руси на этой птице-тройке едет?

Смирнова (*несколько растерявшись*). Ясно кто. Чичиков.

Белинский. Совершенно верно. А Чичиков – думаю, никто не будет спорить – мошенник. То есть Гоголь вольно или невольно очень красиво, прямо-таки на редкость красиво воспевает мошенника, проходимца, который чувствует себя в России хозяином, который становится олицетворением русского бытия.

Аксаков. Довольно неожиданное суждение, но отказать в логике вам нельзя.

Щепкин. Безобразие жизни никакой красотой не замаскируешь.

Аксаков. Я слышал, господин Белинский, что вы ушли из журнала. Это так?

Белинский. Да. Я ушёл из «Отечественных записок». Решил съездить на юг, чтобы хотя бы немного поправить здоровье. Совсем я разболелся. Петербург своей промозглостью убивает меня.

Щепкин. И вдвоём нам весело ехать.

Аксаков. В добрый час. А вот «Отечественные записки» без господина Белинского будут не те, совсем-совсем не те.

Белинский. Ваши слова для меня очень значимы, господин Аксаков.

Аксаков. Я согласен с вами, что в России Гоголь – лучший из писателей, а...

Белинский. Я рад, что хоть в чём-то у нас есть согласие. Простите, что перебил. Продолжайте.

Аксаков. А в Европе кто, по вашему мнению, лучший?

Белинский. За европейской литературой я почти не следил. Работа отнимала всё время. Хотя некоторые авторы внимание останавливали.

Аксаков. Любопытно. Какие же?

Белинский. За последние годы заинтересовала, даже восхитила Жорж Занд. Она не только писательница. Она явилась вдохновенной провозвестницей, защитницей прав женщин.

Губернатор (*сниходительно, с иронией*). Занятно вы говорите, как будто статью пишете в журнале.

Белинский. Жорж Занд решительно Иоанна д'Арк нашего времени. Звезда спасения и пророчица великого будущего.

Аксаков (*иронично*). Какие восторженные дифирамбы.

Смирнова. Что вы имеете в виду, господин Белинский?

Аксаков. А я, кажется, понял. Но стоит ли об этом говорить?

Белинский. Во Франции брак перестал быть для женщины рабством. Там брак – это договор, скрепляемый судебским чиновником, а не церковью. Именно Жорж Занд своими романами и своей борьбой за право женщин добилась равноправия женщин с мужчинами.

Смирнова (*закипая от гнева*). Да что вы такое говорите, господин Белинский?!

Белинский (*увлечённо*). Во Франции с любовницами живут как с жёнами, и общество уважает любовниц наравне с жёнами.

Смирнова (*срываясь на крик*). Да как вы смеете такое говорить! Браки заключаются на небесах, и они священны. Только святая церковь может их освящать. А любовницы – это святотатство, это разврат!

Белинский. Да я же говорю не об этом.

Смирнова. А ваша любимая пророчица Жорж Занд проповедует разврат и низость. И сами вы – еретик.

Белинский. Но женщины должны быть равноправны так же, как и мужчины, в том числе и в браке...

Смирнова (*по-прежнему не слушая его*). А у вашей Жорж Занд сердце обыкновенной плебейки. Наверняка у неё есть любовники. Какая гадость!

Губернатор. Ма шер, успокойтесь. Вам вредно волноваться.

Смирнова (*возмущённо*). Подумать только – провозвестница!!! С любовницами живут как с жёнами! Революция какая-то... А вы сами-то, господин Белинский, кем будете при таких речах? Ниспровергатель? Революционер?

Аксаков (*Щепкину и Белинскому, тихо*). Нам нужно немедля уходить, господа. (*Он, Щепкин и Белинский встают и быстро отходят к кулисам*).

Губернатор. Успокойтесь, ма шер, успокойтесь (*Осторожно берёт её за руку*). Подумайте о своём здоровье.

Аксаков. Ваше превосходительство, Александра Осиповна. Благодарим вас и желаем покойной ночи.

Щепкин и Белинский кланяются.

Губернатор (*машет рукой в знак того, чтобы они быстрее уходили*). Покойной ночи, господа. Тишка, проводи гостей.

Аксаков, Щепкин и Белинский быстро уходят.

Голос за кулисами. Прошу покорнейше за мной, господа хорошие.

Картина 4. Гостиница «Киев»

Фойе гостиницы. Пусто. Появляются Щепкин и Белинский.

Белинский. Вот мы и добрались до нашего стойбища.

Щепкин (*шутливо*). Благополучно спаслись от праведного гнева госпожи губернаторши.

Белинский. Да. Дёрнула меня нелёгкая за язык.

Щепкин. Мы с вами, мой дорогой Виссарион, вышли из низов, и репутацию свою мы заработали тяжким и честным трудом.

Белинский. Абсолютно верно, Михайла Семёныч.

Щепкин. И вот к нам уже относятся благосклонно. Высокородные господа нас приглашают – заметьте, учтиво приглашают – разделить с ними их домашнюю трапезу. Губернатор смотрит на нас снисходительно, госпожа губернаторша благоволит. Нас устаивают разговором. Разве можно это не оценить?

Белинский. Вы совершенно правы, Михайла Семёныч.

Щепкин. И разговор был интересным – о Гоголе, о Соллогубе! И вдруг вы, мой дорогой Виссарион, ни с того, ни с сего перескочили на Жорж Занд, проповедующую равноправие. Как это вы сказали? С любовницами...

Белинский. Во Франции с любовницами живут как с жёнами, и общество уважает любовниц наравне с жёнами.

Щепкин. Не знаю как во Франции, а в России это звучит совершенно дико.

Белинский (*задумчиво, с некоторым раскаянием*). Зря я распинался о равноправии перед госпожой губернаторшей. Сможет ли она уяснить смысл равноправия?

Щепкин. Вы лучше скажите мне, мой дорогой Виссарион, Жорж Занд богата?

Белинский. Насколько я знаю, да. В Париже у неё дом, а на юге Франции – имение.

Щепкин. Теперь всё понятно. Ей вполне позволительно рассуждать о равноправии. В худшем случае это сочтут за прихоть богатенькой барыни. Нам же с вами, мой дорогой Виссарион, надо избегать подобных рискованных разговоров. Своей репутацией надо дорожить.

Белинский. Совершенно верно, Михайла Семёныч. Зачем дразнить гусей? Мы люди бедные.

Щепкин. Мне говорили, госпожа губернаторша добра и отходчива. Но в следующий раз будьте осторожны (*Зевает*). Покойной ночи.

Белинский. Покойной ночи.

Расходятся в разные стороны.

Картина 5. Обед у губернатора

Обстановка третьей картины. Из-за кулис выходят губернатор и его жена (салятся рядом), затем – Аксаков, Щепкин и Белинский (салятся на некотором расстоянии и от четы Смирновых, и от друга).

Щепкин. А вареники были просто замечательными. Пальчики оближешь.

Смирнова. Наш повар – француз – по воскресеньям всегда готовит что-нибудь вкусенькое.

Щепкин. Не часто мне приходится пробовать французские лакомства. Не часто.

Смирнова. Михаила Семёнович, а вы встречались с Пушкиным?

Губернатор (*полуснисходительно-полувысокомерно*). Моя жена, достопочтенный Михаил Семёнович, встречалась на балах в Петербурге с камергером Пушкиным и была им весьма восхищена. Весьма!

Смирнова. Да-да. Он просто душка, шутил и был весел как обезьянка!

Белинский (*в сторону*). Обезьянка!

Щепкин (*неторопливо, со значением*). Я не только встречался с Александром Сергеевичем Пушкиным. Не только. Однажды – десять лет назад – он подарил мне альбом и на первой его странице собственноручно написал заглавие «Записки актёра Щепкина» и далее начало: «Я родился в Курской губернии, в селе Красном, что на речке Пенке».

Смирнова (*хлопает в ладоши, экзальтированно*). Пенка! Пеночка! Прелестно. Как замечательно, как интересно!!!

Губернатор (*равнодушно*). И вы, достопочтенный Михаил Семёнович, продолжаете их писать?

Щепкин (*с улыбкой*). Да, ваше превосходительство. Пишу, хотя и понемногу. Свободного времени у меня маловато: роли, репетиции, спектакли, поездки на гастроли. Но всё-таки пишу. Как я могу обмануть надежды великого человека?

Смирнова. Да-да! Замечательно!

Щепкин (*медленно, задумчиво*). Недавно... С полгода, что ли, назад?.. я побывал в тесном кружке старых литераторов. Мне было интересно их слушать и смотреть. Один из них – Панаев...

Белинский. Который? Иван Иванович или?..

Щепкин. Иван Иванович. Так вот он рассказывал, что он и его друзья в начале тридцатых годов были в восторге от поэзии Пушкина. Особенно от его «Поэта и черни». Как там? Ммм... Не могу вспомнить...

Белинский. Я помню эти строки (*Читает с вдохновением*).

Не для житейского волненья,

Не для корысти, не для битв,

Мы рождены для вдохновенья,

Для звуков сладких и молитв... (*Его прерывает сильный приступ кашля*).

Аксаков. И ещё есть у Пушкина (*Встаёт, становится в позу, декламирует*):

Поэт! Не дорожи любовью народной,

Восторженных похвал пройдёт минутный шум;

Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:

Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм (*Садится*).

Смирнова (*хлопает в ладоши*). Bravo! Как замечательно, как хорошо! Bravo!!!

Аксаков. Пушкин – истинно народный поэт. И он первым внёс правду в русскую поэзию.

Белинский (*кашлянув*). Совершенно верно, Иван Сергеевич. В этом я с вами вполне согласен.

Аксаков (*с иронией*). Рад, Виссарион Григорьевич, что хоть в этом наши точки зрения совпали.

Губернатор (*вставая*) Господа...

Смирнова. Мон шер, вы нас покидаете?

Губернатор. Мне очень жаль, господа. Служба – не дружба. Завтра – понедельник, и мне... Прошу прощения, господа (*Уходит*).

Смирнова (*весело*). Гости дорогие, продолжайте. Михайла Семёныч, а что вы ещё знаете о Пушкине? Рассказывайте, рассказывайте. Это так интересно.

Щепкин. Рассказать? Если хотите. Один забавный случай. Гостил как-то Пушкин у графа... Не будем называть его имени. Граф удобно полёживал на диване, а дети его играли на полу. Пушкин на них любовался. И тут граф попросил его сказать что-нибудь экспромтом. Пушкин, нимало не задумываясь, сказал (очень быстро, но чётко): «Детина полоумный на диване лежит». Граф возмутился: «Забываетесь!». Пушкин засмеялся и пояснил: «Ничуть. Вы просто не поняли. Я ведь сказал (опять быстро, но чётко): дети на полу, умный на диване лежит».

Пауза. Все молчат и думают.

Аксаков. Просто великолепно.

Белинский. Вот что значит чувство слова. Изменена только одна буква (*повторяет чётко, медленно и раздельно*): Де-ти-на-по-ло-ум-ный на диване лежит. Буква «о» меняется на букву «у».

Смирнова. Браво, Пушкин!

Аксаков. Вроде просто, но это простота гениальности. Не правда ли, господин Белинский?

Белинский. Совершеннейшая правда, господин Аксаков.

Аксаков. Вот видите. И опять вы со мной соглашаетесь.

Белинский. Да, конечно. Но есть же и другие поэты, вполне достойные восхищения.

Аксаков. Да неужели? Это какие же? Просветите нас.

Белинский. Да вот хотя бы... Николай Некрасов. Раньше я думал, что он только хороший сотрудник журнала, а потом услышал его стихи (*Восторженно*). И какие стихи! Например, «В дороге»... Или нет. Лучше «Родина». Написано вот только что (*Встаёт, читает*).

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства.
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,

Где суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где некогда бывал помещиком и я.
Разве эти стихи хуже пушкинских?

Смирнова. Фи! Пошлость!

Аксаков. Складно и даже интересно. Но настоящая поэзия никогда не должна касаться ничего сугубо приземлённого, тем более грязного.

Белинский. Но в этих стихах сама жизнь...

Аксаков. А поэзия должна воспарять к небесам!

Белинский. Поэзия, воспаряющая к небесам...

Щепкин. Господа! (*Поднимает руки, призывая к молчанию*). Господа! Не надо дискуссий. Не ссорьтесь. Лучше вспомните Пушкина. Его «Евгения Онегина». Помните, как у него написано о Москве? (*Декламирует*).

Москва... как много в этом звуке

Для сердца русского слилось!

Как много в нём отозвалось!

И далее – описание въезда в Москву:

Уже столбы заставы

Белеют; вот уже по Тверской

Возок несётся чрез ухабы.

Смирнова (*продолжает*):

Мелькают мимо будки, бабы,

Мальчишки, лавки, фонари,

Дворцы, сады, монастыри...

Аксаков (*продолжает*):

Бухарцы, сани, огороды,

Купцы, лачужки, мужики,

Бульвары, башни, казаки...

Белинский (*продолжает*):

Аптеки, магазины моды,

Балконы, львы на воротах

И стаи галок на крестах.

Щепкин (*добродушно*). Вот видите, как хорошо получилось. И Пушкин не был чужд жизни обыкновенной, упоминая и лачужки, и мужиков, даже галок. О чём спорить?

Смирнова. Действительно, о чём? Иван Сергеич, я давно не слышала ваших стихов. Пожалуйста, почитайте что-нибудь.

Аксаков. Я, конечно же, не Пушкин...

Смирнова. Не скромничайте, Иван Сергеич. У вас прелестные стихи. Пожалуйста.

Аксаков. А будет ли это интересно другим? (*Смотрит на Белинского*).

Белинский. Мне всегда интересно послушать стихи.

Аксаков. Ну что ж (*Задумывается, затем читает*):

Мы все страдаем и тоскуем,

С утра до вечера толкуем

И ждём счастливейшей поры.
Мы негодуем, мы пророчим... (*Замолкает на мгновение*).
Нет. Нет. Это ещё не совсем готово. Лучше другое...

В чаду тщеславных искушений,
Как душу ты не сторожи,
В ней мало чистых побуждений,
В ней мало правды, много лжи!
Так мало в нас любви и веры,
Так мало в сердце теплоты
Так мы умны, умны без меры,
Так мы боимся простоты!

Щепкин (*хлопает в ладоши – чуть-чуть и бесшумно*).
Браво, Иван Сергеевич.

Смирнова. Как хорошо. А вам, господин Белинский, понравилось?

Белинский. Понравилось. И даже очень. Но всё же я остаюсь при своём мнении.

Аксаков. Это само собой.

Щепкин. Расскажу я вам, если хотите, одну историю

Смирнова. Очень хотим.

Щепкин. Она немного похожа на притчу. Я знаю деревню, где все искины носили лапти. Один мужичок отправился на заработки в город, а вернулся он уже в сапогах. И тут весь деревенский мир закричал хором: сапоги – мотовство, разврат! Не будем носить сапогов! Наши деды ходили в лаптях, а были не глупее нас! Чем же кончилось? Через год вся деревня стала ходить в сапогах (*Пауза*). Споры о поэзии и вообще о литературе бесплодны. Ведь Пушкин не всегда воспарял к облакам. Только будущее покажет, кто был прав. Подождём. (*Поднимается*). Пора и честь знать. Завтра у меня сложная роль на сцене, надо набраться сил.

Смирнова. А что за спектакль?

Щепкин. «Матрос», драматический водевиль Соважа и Делюрье. Буду рад вас видеть в театре. Приходите.

Смирнова. Непременно.

Щепкин целует руку Смирновой. Белинский и Аксаков кланяются. Все уходят.

Смирнова Тишка, проводи гостей.

Голос за кулисами. Господа хорошие, прошу покорнейше за мной.

Картина 6. Чай у Аксакова

Обстановка второй картины

Аксаков (*выходит из-за кулис, одет по-деловому*). Через час

на службу. Как же мне надоела эта чиновничья ляпка. Чего бы не дал бы, чтобы целиком отдаться поэзии (*Выходит на середину сцены*).

Благие в жизни времена,
На долю каждого даются,
Когда душа его сильна
Добра взлелеять семена,
Когда мечты роями выются;
И чутко сердце к красоте...

Матюшка (*вбегает с самоваром*). Барин, пожалуйста самоварчик.

Аксаков. Сбил, негодник. Неси чашки на двух человек. Когда появится гость, пропускай без доклада.

Матюшка. Слушаюсь, барин (*Убегает и тут же возвращается с подносом, где лежит печенье на блюде и стоят две чашки на блюдцах*). А гость уже идёт (*Убегает*).

Щепкин (*входя*). Доброе утро, Иван Сергеич.

Аксаков. Очень рад вас видеть, Михайла Семёныч. Прошу к столу. Угощайтесь (*Наливает чай в чашки*).

Щепкин. Благодарствую, Иван Сергеич (*Садится к столу*).

Сегодня я в последний раз пью у вас чай, днём нанесу визит Александре Осиповне, а вечером – последний спектакль в Калуге. Завтра утром – снова дорога.

Аксаков. Понравилась вам Калуга, Михайла Семёныч?

Щепкин. Город приятный.

Аксаков. Я был вчера на вашем спектакле «Матрос». Сыграли вы просто великолепно. Роль вам явно удалась.

Щепкин. Благодарствую за добрые слова. Это одна из моих любимых ролей. И вчера у меня был бенефис. Должен же я что-то зарабатывать.

Аксаков. Конечно. Без денег в наше время никуда.

Щепкин. Не будет хлеба насущного – не будет и всего остального. Такова жизнь.

Аксаков. И спектакль ваш тоже о жизни. Сюжет обычный, он постоянно обыгрывается в художественной литературе, но при этом он никогда не устаревает.

Щепкин. Это-то и привлекает.

Аксаков (*вспоминая спектакль*). История обыкновеннейшая. Матрос Симон после войны возвращается к родному очагу. Но войдя в дом, он узнаёт, что жена его вышла замуж за его друга. Его не узнают ни жена, ни дочь, ни соседи. Его приглашают к столу и за завтраком рассказывают, что Симон, то есть он сам, героически погиб на войне. Перед ним выбор...

Щепкин. Жуткий выбор!

Аксаков. ...уйти неузнанным или открыть своё имя, но этим признанием разрушить вполне счастливую жизнь. Во время долгого застолья матрос, маскируя душевную борьбу, часто просит...

Щепкин. Вина! Ещё вина!

Аксаков. И делает выбор: уходит неузнанным. Совершенно потрясающий спектакль.

Щепкин. Старая, но вечно новая история.

Аксаков. Я, пожалуй, посмотрел бы его ещё раз.

Щепкин. Мне пора, Иван Сергеич. Благодарствую за угощение, за беседу, за лестный отзыв. Приходите вечером на мой последний в Калуге спектакль.

Аксаков. Непременно.

Щепкин. Мой поклон вашему брату Константину. Пусть свою драму «Освобождение Москвы в 1612 году» скорей заканчивает. Может, и для меня какая ролька в ней найдётся. И вашему батюшке Сергею Тимофеевичу мой поклон. Буду рад увидеть вас в театре (*Кланяется, уходит*).

Аксаков. Матюшка, проводи гостя.

Матюшка (*за кулисами*). Барин, покорнейше прошу за мной.

Картина 7. Обед у губернатора

Обстановка третьей картины. Из-за кулис выходят Смирнова, Щепкин и Белинский; рассаживаются произвольно.

Щепкин. Сегодня вечером в Калуге мой последний, седьмой по счёту спектакль – «Женитьба» Гоголя. Гастроли начались Гоголем и им же и закончатся.

Смирнова. А кого вы там играете, Михайла Семёныч?

Щепкин. Кочкарёва.

Смирнова. Помню. Этот Кочкарёв хочет во что бы то ни стало женить Подколесина, да всё понапрасну.

Щепкин (*с улыбкой*). Хотите я покажу вам кусочек монолога Кочкарёва?

Смирнова. Очень.

Белинский. Просим.

Щепкин (*встаёт, отходит*). Ммм... Ну не олух ли я, не глуп ли я? Из чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что он мне? Родня, что ли? И что я ему такое: нянька, тётка, свекруха, кума, что ли? Из какого же дьявола, из чего, из чего я хлопочу о нём, не даю себе покою, нелёгкая прибрала бы его совсем? А просто чёрт знает из чего! Поди ты спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает! (*Кланяется, садится*).

Смирнова (*хлопает в ладоши*). Bravo, bravo, Михайла Семёныч.

Белинский. Bravo. В этих словах – весь характер Кочкарёва.

Щепкин. Да. Он – деятельный бездельник.

Белинский. Конечно. Он добрый, хотя и пустой малый, но при этом ещё и нахал, и разбитная голова. Роль очень оригинальная.

Смирнова. Во вчерашнем спектакле, Михайла Семёныч, вы мне очень понравились. И какая трогательная история. Просто за сердце берёт.

Щепкин. Роль матроса Симона – одна из моих любимых. Первый раз я её сыграл одиннадцать лет назад. И история действительно трогательная.

Белинский. И трогательная, и очень трагичная. Сердце сжимается, когда Симон, не узнавший ни женой, ни дочерью, чтобы сохранить их покой и счастье, вынужден снова их покинуть, становясь до конца жизни бездомным бродягой. Его последние слова, полные отчаяния, прямо-таки врезаются в душу: «Безумец...»

Щепкин (*прерывая Белинского, декламирует*). Безумец! Ты забыл, что время, как шквал, рвёт жизни паруса!

Белинский. Великолепно!

Смирнова. Михайла Семёныч, а куда вы после Калуги отправитесь?

Щепкин. Сначала в Воронеж. Не знаю только – будут там представления, не будут? А после этого – на юг России. Харьков, Одесса, Николаев, Херсон...

Смирнова. Места все знакомые.

Щепкин. И закончатся гастроли, думаю, в Крыму – в Симферополе и Севастополе. Вернёмся в Москву к концу осени. И я надеюсь заработать немного денег, а мой дорогой Виссарион обязательно наберётся здоровья.

Смирнова (*задумчиво*). Я ведь провела детство и раннюю юность на юге России. В Малороссии. Там есть такое местечко – Грамаклея.

Щепкин. Вы там давно не были?

Смирнова. Очень давно.

Белинский (*сочувственно*). Соскучились, Александра Осиповна...

Щепкин. Вероятно, там уже всё другое. Всё меняется быстро.

Смирнова. Самым замечательным в Грамаклее была ничем невозмутимая тишина, когда в деревне умолкал лай собак. Сизый лёгкий дым бурьяна подымался с земли. Крестьяне вечеряли галушками и пшённой кашей или мамалыгой. Синий бархатный воздух, казалось, пробирался в растворённое окно и его можно было будто осязать. На уснувшую природу задумчиво смотрели звёзды с небесной высоты.

Белинский. Очень живописно.

Смирнова. Хаты там отапливали кизяком, а кухни топили бурьяном.

Щепкин. Бурьяном? Любопытно.

Смирнова. Ботаники считают, что бурьян состоит из многих пахучих трав. Это – полынь, цикорий, коровяк, лесная ворсянка, болиголов, тысячелистник, мать-и-мачеха, алтей, пустырник, мелколестник, камфора, чертополох.

Белинский (*восхищённо*). Удивительно. Как всё это можно запомнить...

Смирнова. Трава в степи выше человеческого роста, и была вся усеяна подснежниками и гиацинтами. Это только весной, но производило потрясающее впечатление.

Щепкин. Жизнь в деревне, на природе – самая здоровая. С кем же вы там жили, Александра Осиповна?

Смирнова. С бабушкой Екатериной Евсеевной Лорер, урождённой княжной Цициановой. В семь часов утра бабушка пила кофий, а обедала она в час. На обед были борщ или щи, жареная телятина, да такая отменная, какой не найдёшь в городе, а затем вареники с ежевикой. В постные дни сладкое блюдо составляли шуляки, вкусные необыкновенно. После обеда бабушка отдыхала, а в четыре часа подавали кофий и арбуз или дыню. Вечером же за ужином у бабушки был кулеш, галушки и манная каша, на вкус просто замечательная.

Щепкин. Вы, Александра Осиповна, очень вкусно рассказываете.

Смирнова (*грустно*). Как же давно это было.

Щепкин. Всё проходит. Вот и меня уже с нетерпением ждёт сцена.

Белинский (*кланяется*). Мне было очень приятно с вами познакомиться, многоуважаемая Александра Осиповна.

Щепкин (*целует руку Смирновой*). Благодарствую за тёплый прием. Мой поклон его превосходительству. Буду рад вас видеть на моём спектакле.

Белинский и Щепкин уходят.

Смирнова. Тишка, проводи гостей.

Голос за кулисами. Прошу покорнейше пожаловать за мной, господа хорошие.

Картина 8. Гостиница (отъезд)

Пустая сцена. Щепкин и Белинский выходят с разных сторон.

Щепкин. Вещи уложены, и пора ехать, мой дорогой Виссарион. Сегодня мы в Калуге уже двенадцатый день. Как вам понравилась Калуга и её жители?

Белинский. Эти дни для меня будут памятными. Госпожа губернаторша показалась мне очень интересной.

Щепкин. И вы на неё произвели весьма хорошее впечатление. Так сказал Аксаков.

Белинский. Очень приятно слышать. Кстати, и Аксаков мне

понравился. Славный юноша. Славянофил, а так хорош, словно никогда и не был славянофилом.

Щепкин. И у меня от гастролей в Калуге остались благоприятные впечатления. Интересно, что напишет местная газета о моих спектаклях?

Белинский. Напишет, что они были незабываемыми и что память о великом артисте никогда не изгладится в сердцах вечно благодарных зрителей.

Щепкин (смеётся). Вашими устами да мёд пить, мой дорогой Виссарион. Поехали! Нас ждёт Воронеж, а затем – Малороссия!

Уходят вместе в одну сторону.

Конец

От автора.

Данная пьеса была весной 2015 года предложена для постановки Экспериментальному театру под руководством Анатолия Сотника – при условии, что роль Смирновой (Россет) будет играть только Ирина Сулимова.

Ирина СУЛИМОВА

НАШЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

Говорят – нам пора на покой,
Молодым уступая дорогу.
Стала наша работа судьбой,
И пока погодим мы немного.
Да к тому же «братъ знамя из рук
Не торопится племя младое»...
Нас учили – не отступать,
Не сдавая границы без боя.
Нас учили с рассветом вставать,
Любоваться зарёй на востоке.
Нас учили, что Родина – мать,
И что в родине – наши истоки.
Нас встречают на клумбах цветы
И улыбками – малые дети.
Только как же мы можем уйти,
Если снова за всё мы в ответе?
И мы делаем тысячи дел,
Подчиняясь суровому «Надо!»
Нашу жизнь не в чем нам упрекнуть –
Это лучшая наша награда!

В СВЕТЛУЮ СЕДМИЦУ

Я только учусь...

Колокольные звоны слышу я отовсюду.
Я немного причастна к православному чуду.
Я так мало умею, знаю только названья...
Колокольные звоны – и любовь, и признание.

Это – лестница к небу.
Каждый в выборе волен –
Кто вдохнул полной грудью
Тех ветров с колоколен,

Кто увидел внизу
Город, ждущий спасенья.
Колокольные звоны –
Наших душ воскресенье.

* * *

*Если взглянуть в лицо человека – можно увидеть птицу.
Брови – это каркас распростёртых крыльев, нос – это
хвост птицы. А голова уходит в наш лоб. Это моя
фантазия или действительно у каждого на лице запечатлена
птица? Это ещё кто-нибудь замечал?*

*Владимир Пайчадзе.
16 декабря 2012г.*

Расплескалась сущность в глазах
В обрамленьи твоих ресниц,
А на лицах лежат, как печать,
Отражения гордых птиц.
Крылья – брови, в изломе – полёт.
Так и жизни скользят под откос,
Разбивая мысли об лёд
Под агрессию белых звёзд,
Где теряют смелость орлы,
Обретая облик химер.
Снова пишет кровью перо,
Пробиваясь через барьер.
Недосвитых и брошенных гнёзд
Что-то много опять в судьбе...
Но какой же, скажи, Алконост
Затаился в твоей голове?
Если ищет упрямо крыло
Путь в озёрные камыши,
И легла на твоё чело
Отпечатком
птица души?

* * *

Памяти Владимира Ферапонтова

Вновь встаёт над Калугой и нами
Погребальный холодный закат.
Оставляя печальные храмы,
Колокольные звоны молчат...

Отстучали сердца барабанов.
Разрывает виски тишина!
Время рока, бунтарства и планов
Перечёркивает седина...

Пусть останется вечною память
И молитва за Вас у икон.
Нам теперь проповедывать людям,
Рассыпая малиновый звон...

* * *

Вот уж третья зима красит снегом заборы,
Засыпает пригоршнями рваный металл...
Ополченцы Донбасса редко носят погоны,
Иногда понимая, как же каждый устал.

Не впервые сугробы бредили гранатами,
Засыпало их небо свинцовой пургой.
Ополченцы Донбасса снова стали солдатами,
Защищая от ворогов край наш родной.

Разорённые сёла и кварталы в руинах,
И убитых на тысячи траурный счёт...
Ополченцы Донбасса поклялись над могилами,
Что никто до победы из них не уйдёт.

Новый Год принесёт смех, огни золотые,
И надежду на счастье, как во все времена...
Ополченцы Донбасса, оставайтесь живыми!
И пускай же закончится эта война!

Ополченцы Донбасса, вы останьтесь живые!
И пускай же закончится эта война!

«ФРЕЗИ ГРАНТ»

Я бегу по волнам
Над пучиной невзгод и ошибок –
Бесконечен мой бег,
Что отмечен на карте земной,
То за тающим солнцем –
Порывом солёного ветра,
То в свинцовом тумане –
Миражами волны голубой.

Я бегу по волнам,
А на них невозможно споткнуться.
Я спешу к горизонту,
За которым, наверное, край.
С роковою волной
Мне пока суждено разминуться.
Моё зыбкое море –
Проводник в тот неведомый рай.

Я бегу по волнам,
Мне бы только успеть до заката
Отыскать острова,
На которых любовь и покой.
До сих пор не пойму,
В чём же всё-таки я виновата:
В обречённости этой
Окружённой быть горькой водой?

Я бегу по волнам,
А на них невозможно споткнуться.
Я спешу к горизонту,
За которым, наверное, край.
С роковою волной
Мне пока суждено разминуться.
Моё зыбкое море –
Проводник в тот неведомый рай.

Салават АСФАТУЛЛИН

СТАРЫЙ КУРАИСТ

В ресторане веселье было в самом разгаре. Патлатые парни в обтягивающих джинсах с девицами, отличающимися от них только вырезами на кофточках, извивались и прыгали под бешеные ритмы поп-музыки. Разношёрстные музыканты в небрежных позах и певица в сверкающем блёстками платье с разрезом до бёдер всё навинчивали и навинчивали темп. И когда, казалось, начали плясать даже столики, резко оборвали музыку.

Танцующая публика, застыв от неожиданности, ошалело поглядывала на музыкантов, ожидая продолжения. Но увидев, что те спокойно сворачивают электроинструменты, обмахиваясь и вытирая пот, нехотя побрела по своим местам. Поднялся обычный для таких случаев шум, звон бокалов, смех, восклицания и тосты. От табачного дыма зал погрузился в какую-то синеватую дымку и лица сидящих за крайними столиками смазывались в смутные пятна.

Как-то незаметно среди этого гама из служебных дверей появился пожилой мужчина с морщинистым обветренным лицом, в строгом чёрном костюме с накинутым на плечи старинным национальным башкирским халатом. Тяжёлой походкой натруженного человека подошёл к эстраде и, с трудом взобравшись на неё, негромко объявил что-то в микрофон. Особым образом приложил к губам курай, и...

...казалось, веками скопившаяся скорбь башкирского народа вылилась в этой древней мелодии. Тягучие, протяжные звуки проникали в мельчайшие поры души. Слушая, хотелось плакать.

Но оглохшие от железного звона электрогитар и барабанов посетители ничего не замечая и не слушая, вели какие-то свои разговоры, шумно пили, порываясь петь песни.

А старый кураист стоял на сцене, моргая воспалёнными веками и чего-то ждал. Потом, кряхтя спустился со сцены и, понуриив плечи, с поникшей головой побрёл в маленькую служебку.

РАЗВОД

Это наконец-то, должно было случиться.

Прошли упоительные годы рождения первого ребёнка, получения квартиры, её обстановки, первого ремонта и прочего милого семейного обустройства.

Началась эта длинная история поздней, хмурой осенью.

Марат подхватил воспаление лёгких. Не зная этого, десять дней ходил на работу, пока сердобольные сослуживицы, слыша его частый кашель, не заставили пойти и провериться. Сколько напрасной паники сеют они, наши добрые сослуживицы, сколько пустых разговоров образуют. Но всё-таки иногда попадают в точку. И эти попадания оправдывают треть их ошибок и пустословия. Так и на этот раз.

Увлечённый работой, Марат пошёл на флюорографию только для того, чтобы отвязаться от надоевших разговоров и малость успокоить свои только зарождающиеся сомнения. Каково же было его удивление, когда пожилая медсестра, вся в белом, сказала: «У вас правосторонняя бронхопневмония. Придётся месяц полежать в больнице».

На девятом этаже областной больницы было тихо и покойно. Все заботы, только вчера казавшиеся важнейшими, остались за бортом лесочка, окружающего эту тихую заводь. Осталась одна единственная боль, не заслоняющаяся даже болезнью.

Боль эта началась давно, с того вечера, когда жена заявила: «Я подала заявление на развод!» и показала иск. Марат любил её, любил сына, и такое заявление повергло его в состояние глубокой депрессии. Но прошёл месяц, другой, третий, его никуда не вызывали, никто их не разводил.

Всякое ожидание хуже своего наказания. Марат испил это полной чашей. По истечении полугода он задал вопрос, когда же их, наконец, начнут разводить. В ответ услышал: «А я и не подавала в суд».

Душа – это постоянный костёр, у кого больше, у кого меньше. Но бывают случаи, когда и у тех, и у других всё перегорает – остаётся одна зола. То же произошло с нашим Маратом. Полгода мрачных мыслей, переживаний, и всё это оказалось блефом?! С этого дня он понял, что разлюбил. Горечь, только горечь осталась в душе.

Но как много бытовых мелочей влияет на наши радикальные решения, как много высоких мыслей грубо приземляется недостатком материальным. В данном случае всё упёрлось, как это часто бывает, в жильё. Жили они в однокомнатной квартире в доме для малосемейных. Разменять её в условиях города-миллионника нечего было и думать.

Потянулись ещё три серых, беспросветных года. Марат старался: дома – обходил скандалы, на работе – влезал во все дела, защищая интересы своей организации. Как и для каждого настоящего мужчины, работа была для него – всё. Всё остальное – производное от неё. В конце концов, на службе поняли это и дали ему двухкомнатную квартиру в самом экологически чистом районе Уфы. Он сделал ремонт, перевёз вещи, а через три дня улетел к другу. Далек и навсегда. Улетел с одним дипломатом.

В тот январский день в Уфе пошёл дождь...

РЕШЕНИЕ

Поздним вечером он очнулся от беспамятного сна. С тяжёлой, похмельной головой. Покачиваясь, добрёл до умывальника и, не имея ни малейшего желания искать где-то стакан, напился прямо из-под крана. Так же покачиваясь, побрёл обратно, плюхнулся на кровать, с удовлетворением сомкнул веки и приготовился забыться. Но что-то тревожило, какое-то беспокойное чувство не давало уснуть, а он, ещё не вполне протрезвевший, никак не мог понять причину раздражителя. И вдруг, всё всплыло: «Ба, ведь сегодня пятница, а я не пошёл на работу. Да, ... дела не блестящие. Прогул, скандал, разбирательство на месткоме и в конечном итоге – позорное увольнение...

Как же это случилось? Память, как заржавевшие шестерёнки, с трудом подавала информацию: был мой день рождения, мы созвонились – вся старая гвардия: Шура, Юра и я. Запаслись пузырями, завалились в общагу. Отмечали весело, в чисто мужской компании. Достали гитару. Юра с чувством пел романсы Вертинского. Не хватило. Сбежали ещё. Пели уже Высоцкого. Потом неумный в питье Шура настоял ещё на одном походе в винный. Я уже не хотел пить и не пошёл. Они шумно ввалились обратно, и пьянка покатила дальше. Юра порывался пойти по девочкам. Шура его удержал. Кажется, потом они всё же куда-то ходили вдвоём, но проснулись около 11 утра в моей комнате. Во рту – как в конюшне, лица – посмотришь в зеркало, плюнуть хочется, голова – в сплошном тумане.

Неумный Шура опять всех благовал насчёт выпивки. Ему-то хорошо – он в отпуске, Юра – в отгулах после трассы. Помню, сопротивлялся, хотел, хоть и с опозданием, но пойти на работу. Но не поняли, не поддержали благой порыв, быстро организовали ходку в магазин и чуть не насильно влили порядочную дозу спиртного. Опять отрубился.

Да, хреново... Что теперь будет? Какой позор... И работу жаль, и квартиры теперь не видать... Тоскливо... Будет теперь «кумушкам» на работе повод для охов, ахов и пережевывания косточек на месяц вперёд, а там и партбюро не заставит себя ждать. Как же быть?

Мрачные раздумья прервал громкий стук и голос вахтёрши. Тяжело поднявшись, старчески шаркая тапочками по полу, весь взлохмаченный, он приоткрыл дверь. И мгновенно вся кровь ударила ему в голову: за дверью, рядом с вахтёршей стояла кадровичка – зам. секретаря парторганизации управления, в котором он работал.

Возмездие, о котором он тоскливо думал в течение трёх часов, пришло. Сотрудница, внимательно его оглядев, спросила: «Что с вами, Альберт Маратович? Вы не были сегодня на работе». Буркнув: «Болен», он захлопнул дверь перед самым носом изумлённой посетительницы. Захлопнул от мучительного стыда и злости на себя.

Вечер и ночь прошли в кошмаре мрачных, жалищих дум. Под утро пришёл к мысли: назвался большим, пути назад нет – надо добывать подтверждение. Едва дождавшись восьми утра, ринулся по старым студенческим связям. Но только под вечер разыскал приятеля медика, весёлого шалопая Рустика. Тот был из вымирающей породы постоянно весёлых людей. Везде у него были связи, все знали, что он большой шалопай, но прощали за лёгкость, за фиксатую улыбку. Его и из института исключали, и раз даже под следствием побывал. Но ненадолго исчезая, он появлялся снова с золотистой улыбкой, кучей свежих анекдотов и постоянной готовностью знакомиться с девушками где угодно и в любое время суток. Особый восторг в молодых женских сердцах вызывало его умение прилично петь, подыгрывая себе на пианино.

Рустик сделал ему справку за час, сделал чисто и тут же потребовал магарыч. При мысли о новой пьянке Альберту стало дурно. Но Рустик есть Рустик, от него отвязаться практически невозможно. Эта выпивка походила больше на поминки, несмотря на всё умение Рустика заражать окружающих своим весельем. Еле-еле выпроводив Рустика к Зойке, его нынешней подруге, Альберт улёгся.

В воскресенье мрачные мысли пошли и глубже, и шире. Вспомнились всё беспросветные пьянки на трассе за годы после института, всплыл и мучительный вопрос о смысле жизни. Тяжело, но приходило сознание, что так жить дальше нельзя.

«Всё! Надо завязывать, пора жениться, завести детей. Да и некрасиво заставлять Аделину идти на второй аборт. Хватит! Иду делать предложение!»

Быстро съездив на рынок за цветами и раздобыв у знакомых бутылку шампанского, Альберт с волнением и громким стуком сердца в груди зашёл в комнату Аделины. Встав на одно колено, произнёс:

– Я долго думал, мучился. И теперь прошу, Адель, твоей руки, предлагая взамен свою руку и сердце.

Соседки Аделины так и застыли от торжественности момента. Адель тоже опешила, и после некоторого молчания ответила:

– Мне надо подумать...

– Думай, Адель, думай, но очень прошу, по возможности поскорее, а то спать не смогу столько дней, сколько думать будешь.

Вид у него был действительно измученный, и после нескольких горячих просьб, ему велено было прийти за ответом завтра утром.

Рано утром в понедельник, с замиранием в сердце Альберт тихо постучал в знакомую дверь. Там ждали, дверь мгновенно открылась, в проёме стояла уже одетая Адель. Альберт кинулся к ней, обнял и услышал сказанное шёпотом на ухо:

– Я согласна...

Анастасия ДОНСКИХ

* * *

В час, когда печаль крылом
Осенит твоё чело
И зеркальное стекло разлетится льдом,
Да не тем, что до поры
Не рождённые миры
Укрывает и дарит
Влагой жизни дом –
Льдом иным, что нерушим,
Что скуёт родник души
И безмолвьем оглушит,
Выстудив слова,
Не ищи благих примет:
Помни, что печаль – Адвент,
Ставень, за которым свет
Тайны Рождества.

* * *

В переплёты рам оконных,
В витражи пустых аллей
Льётся вымытый до звона
Свет осенних янтарей.

Острый очерк кровли старой
Дамбой небосвод рассёк,
Но – по руслам тротуаров,
По камням – бежит поток,

Половодьем света смело
По округе разлитой,
Мир гравюры чёрно-белый
Претворяя в золотой!..

Так, едва качаясь дланью
Листопада дней и лет
Солнце даже увяданье
Вновь преобразит в рассвет.

ЛАЭРТ

Мой клинок наточен и отравлен,
Немезида шепчет: «Не жалеи!»
Скоро вновь расправит крылья траур
Над твердыней датских королей,

Скоро в вихре бешеного scerzo
Отходную грянет вороньё...
Только не моё ли стынет сердце,
Чуя роковое остриё?

Женский крик... passado... выпад влево...
(На челе Гертруды смертный снег!)
Принц мой! Враг мой! Видишь ли тень девы,
Между нами вставшую навек?

Новый выпад... кровь!.. touchet... passado...
(Болью запылала голова!)
Две луны назад тебя звал братом,
А сегодня – должен... убивать?

Что ж я не в ладу с собой как будто?
Кто-нибудь! Остановите бой!
О, Гораций, дай мне – на минуту! –
Обменяться жизнями с тобой!

ДЕЗДЕМОНА

Рано под косой падёт мой цвет,
Но поверь – не о себе жалею:
Где найдёшь ты лилию белее
И лампаду, чей ровнее свет?

Если в мире смертных нет цены
Перлу, порождённому пучиной,
Перла не дороже ли единый
Миг неисследимой глубины?..

Тщетно отражения ловить
Тем, кто не постиг речей бессловных!
Страсть – распятые. Но... Казнить любовью
Может лишь не знающий любви!

* * *

Взгляни: дрожит в колодце ноября
Последний лист, доверчиво раскрывший
Ладонь, ушедшим летом весь горя,
Как будто удержать его решивший!

Но тщетно. Уж задёрнула метель
Окно колодца паутинной тканью.
...Лист, канувший в осеннюю купель,
Вновь прорастёт звездой Обетованья...

* * *

Прорубь зорь уж подёрнулась
Дымкою ледостава –
Так вчерашняя поросль
Отгоревшей и ржавой

Позолотой истёртою
Осыпается в росы.
Бархат летний, распоротый,
Не согреет уж осень!

Только в зелень окрашены
Сосен вечные вехи,
Да в бору заплутавшее
Беспечальное эхо

Вновь звенит литаниями
На сентябрьской лютне,
Как враждуем наивно мы
И безжалостно любим,

Чтоб качелями прянуло
Небосводу навстречу
Золотисто-багряное
Листопадное вече...

Зёрна золота, россыпью
Опадая в рассветы,
Встанут новою порослью
Незакатного лета.

Наталья ЭЙКИНА

ГЛАВЫ ИЗ ЦИКЛА «БЛОК-НОТКИ МОЕГО СЧАСТЬЯ»

*Человек человеку радость.
Серафим Саровский*

Мне дороги эти листочки воспоминаний из моей жизни. Я не пишу их для истории, т.к. они сами складываются в историю моей жизни – эти листки моего дневника. Надеюсь, что мои воспоминания будут нужны моему сыну.

Пишу по большей степени для того, чтобы самой не забыть воспоминания о хороших людях. История времени, в котором живёшь, складывается не только из больших исторических событий, таких, как Олимпиада-2014 года в Сочи, но и из конкретных биографий людей, живущих в это же время. Через их отношение к событиям вырисовывается облик этого времени. В моих воспоминаниях мало отношения к современности, больше взаимоотношений, да и то вскользь и по касательной.

Воспоминания о Жене Белоусове...

«Слова только мешают понимать друг друга».

Славный город Курск. Сколько незабываемых имён связано с этим городом. Вот и мы – поп-группа «МД» – перешли из Хабаровской филармонии в Курскую. Осели, и начался, как нам тогда казалось, путь на столичную эстраду. Было это в 1984-85гг. Александр Шкуратов, наш музыкальный руководитель, написал ещё для «Нежности» (так назывался наш коллектив прежде) свою авторскую программу: и стихи, и музыку. Он был великолепным музыкантом и композитором. У него в гостиничном номере мы слушали Эл Джеро, группу «Земля, ветер, огонь». В общем, он привил нам любовь к джаз-року и объяснил для нас, девчонок, что мы на сцене прежде всего музыканты, а потом уже симпатичные девушки. Ещё он довел до нашего ума мысль о том, что нужно нам самим вкладывать получаемые деньги в покупку хороших инструментов, качественную аппаратуру. И тогда я общими усилиями купила первый свой однопольный синтезатор MOOG ROGIU за 2 400 рублей (в это время моя мама получала зарплату 70-80 рублей), почти столько же стоил тогда отечественный автомобиль. Галка, моя подруга, приобрела американскую бас-гитару REKENBEKER, на зависть всем мужчинам! Мы стали «крутыми»! У гитаристки Татьяны начались

личные отношения с Александром, позднее они стали супругами, и у них впереди ещё будет много музыкальных проектов. А сейчас в Курске мы сидели и репетировали Сашины песни, в надежде на их запись и на работу в Курской филармонии.

*«А как это – приручить? – спросил Маленький принц.
– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: привязывать к себе».*

К нам туда приходили в гости разные местные музыканты. Некоторые играли в ресторане, некоторые учёбу в музыкальном училище совмещали с работой в ресторане. Всех, конечно, не вспомню, но вот молодого симпатичного парнишку, чуть моложе нас с Галей, помню очень хорошо. С ним связаны разные истории: и смешные, и курьёзные, и чисто музыкальные, и задушевные тоже. Его звали Женей Белоусовым. Он учился в музыкальном училище и играл на бас-гитаре в ресторане. Я и Галя особенно с ним подружились. Он очень трогательно помогал носить из гостиницы в филармонию кофр с Галиной бас-гитарой и чемоданчик с моим синтезатором (чемоданчик белый в крапинку, неприметный такой). В общем, всё было интересно, ведь мы были молодые, красивые и интересы в музыке нас объединяли.

«Приручи меня, пожалуйста, – попросил Лис».

Репетиции шли своим чередом, общение с курскими музыкантами тоже. Наша дружба с Женей становилась более искренней, но мы всё равно чувствовали себя «круче», мы же артистки со стажем, артистки поп-группы! Но заносчивости, не дай Бог высокомерия, не было. И вот однажды Женя признался мне в любви. Это было очень неожиданно! Он говорил убедительно, подчёркивая то, что у него врождённый порок сердца, и что ему жить не долго, и он торопился жить и любить. Не могу сказать точно, были ли у него уже отношения с его будущей женой Леной, но меня он смутил. Я постаралась его поддержать, но взаимностью я не могла ответить. Он был симпатичным парнем, классным товарищем, но я любила другого человека. Придя в гостиницу, я решила о нашем разговоре рассказать очень мне близкой подруге – Гале. В номере мы жили втроём: я, Галя и наша «мама» – барабанщица Ниночка Красильникова, наша Крася. Её не было в номере, и я рассказала Гале, что Женя признался мне в любви, пересказала весь наш разговор. Галинка слушала, улыбаясь, я ещё не понимала чему. Оказывается, Женя сделал Гале точь-в-точь такое же признание, ссылаясь на проблемы со здоровьем. Явно он хотел нас разжалобить! Мы дружно рассмеялись! Но это всё осталось сугубо между нами. Конечно, Жене мы не сказали ни слова. Общение продолжалось без изменений, как будто и ничего не произошло. Помню ещё, что

ребята нас пригласили в гости: мы были у кого-то из них дома вечером, на другой раз мы посетили их ресторан и послушали, как они играют. Они же часто присутствовали на наших репетициях.

Я иногда уезжала по делам в Москву. И вскоре я была вынуждена лечь в больницу. Что и как рассыпалось в Курской филармонии, не знаю. Вместе мы месяц проработали по области, потом я загремела в больницу, остальные разъехались кто куда. Часть девочек вернулись в Хабаровскую «Нежность», кто-то уехал домой. Мы с Галкой оказались в Москве. На два с половиной года мы разъехались в разные коллективы – она ушла в рок-группу «Примадонна», а я успела поработать в ВИА «Красны девицы» от Ростова-на-Дону. Затем встретились снова в Москве, я к тому времени работала в шоу-группе «Одесса-мама».

«И потом – смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чём мне не напоминают. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...»

За это время и Женя сделал карьеру: от бас-гитариста и вокалиста в группе Барри Алибасова «Интеграл» он плавно перешёл в свою сольную тусовку, его «родители» Виктор Дорохин и Любовь Воропаева делали всё, что помогло ему стать супер-исполнителем. И вот мы встречаемся на гастролях в Харькове на стадионе, где проходили наши выступления, с Женей Белоусовым! Теперь мы поменялись местами, и уже он стал «крутым», раскрученным по полной программе. Разговор не получился тогда откровенный, по душам, и как-то без воспоминаний, но поговорили тепло. Затем он спросил, как я отношусь к его деятельности? Я по излишней своей прямоте и нелюбви к попсе сказала: «Ты лучше играл на бас-гитаре!»

«Я ещё не умел любить, – сказал Маленький принц.»

У меня есть песня, которая так и называется «Звёздный мальчик», она каким-то неведомым мне образом связана с Женей.

Зачем я сделала ему больно?! Глупая была, не видела дальше собственного, задранного кверху, носа. Ведь он любил играть и петь совсем другую музыку. В этом-то отношении мы были похожи. Но конкретный вопрос, заданный Женей сразу после его выступления, вызвал и конкретный ответ. Будь я тогда более чувствительной к чужой внутренней жизни, я бы не потеряла после этого хорошего товарища. Но...

«Когда даёшь себя приручить, случается и плакать».

Можно ли эти отношения назвать дружбой? Ведь о многом не смогла вспомнить, многое осталось в подтексте. Я смело называю наши отношения дружбой! Среди друзей возникают и разногласия. Мы были молоды, откровенны, честны и любили одно и то же. И то, что рождается в молодости, иначе, как дружбой и не назовёшь. Мы были вместе, и сердца наши бились созвучно.

«Зорко только сердце, самого главного глазами не увидишь».

P.S. Внезапная смерть Жени меня застала врасплох. Я сама лежала в больнице. Общие наши друзья из группы «Икс-9» пришли навестить меня и рассказали о последних днях Жени. Странная его выдумка о пороке сердца и о том, что ему мало отмерено, я думаю, сыграла страшную шутку. В мистику я не верю, верю в промысел Божий, и что Женя ушёл из жизни по причине своей болезни. Эту выдумку мы знали втроём, а диагноз смертельный был совсем иным. Царство ему Небесное.

«Вода бывает нужна и сердцу».

Воспоминания о Жан-Жаке Вринье...

Многоточие - это слова, уходящие на цыпочках.

В. Спиваков

Дорогой мой друг! Вот Ваши слова на подаренной Вами фотографии: «Милой и мужественной Наташе от старого и верного друга Жан-Жака Вринье». Вы занимаете в моей памяти сердца особое место! Оно до сих пор никем не занято! Почему так? Я не знаю. То ли мы все неповторимы, то ли Вы были в моей жизни один такой необыкновенный. За все пятнадцать лет нашей дружбы я не увидела от Вас никаких огорчений, некрасивых движений души, ни обид, ни других каких-либо неприятностей. Ваша улыбка, манера держаться, благородство души и духа, всё, что может удержаться в памяти, я пытаюсь переложить на бумагу.

О том, что Вы глава московского представительства французского банка СИС я узнаю позднее, а сейчас ...

...Сочи. Май 1991 года. Первый и последний конкурс «Мисс – шоу СССР». Скоро не станет Союза, и начнутся иные времена. Мы были приглашены в качестве гостей с Михаилом Муромовым. Целый самолёт гостей и участников возвращался в Москву. Мы прилетали поздно ночью во Внуково, и я искала, кто бы смог нас троих отвезти в Москву. Вы сидели в среднем ряду аэробуса, место рядом с Вами было свободно. И на моё обращение к салону, полностью знакомых и незнакомых людей: кто из Внукова может довезти до Москвы? – Вы откликнулись сразу же, сказав, что Ваша машина стоит на стоянке в аэропорту, и что Вы можете нам помочь.

Я как раз и подседа на то, свободное место возле Вас и мы разговорились. Говорили о разном: о конкурсе, о том, что Вы были членом жюри, а мы выступали в концертной программе. Вам очень понравилось выступление Муромова, и Вы отметили нашу органичность: Галя слева от Михаила с бас-гитарой, я справа с синтезатором. Не могу вспомнить дословно ваши фразы, точно передающие Ваш восторг от нашего выступления. Вы сделали нам с Галей комплимент, но не красоте, а тому, как мы здорово дополняли Михаила своим профессиональным артистизмом.

Мы договорились об обратной дороге. Вы свободны, так как жена осталась в Сочи. Ваш приход на заключительный банкет в ресторан «Хрустальный» гостиницы «Интурист» трудно забыть. Вы были элегантны, а ярко-красное платье супруги отвлекло внимание даже от её лица и украшений. Ещё я помню Вас, сидящего справа перед авансценой в жюри конкурса «Мисс – шоу 1991 года».

«Бог поставил рядом человека». В.Невинная.

Прилетев, я, Галя и Жора сели в Ваш «Мерседес» и поехали. Ребята вышли на Октябрьской площади, а меня Вы довезли до самого дома, и с этого дня началась наша дружба, дружба между мужчиной и женщиной, которая якобы невозможна. Наши отношения не исключение из правил, у меня много друзей противоположного пола. Я считаю, что дружба, основанная на симпатии, понимании и уважении друг друга всегда возможна, не смотря ни на что или кого...

Все эти долгие и счастливые пятнадцать лет нашего общения трудно вместить в несколько предложений. Но я попробую. Постоянная взаимовыручка без жалоб и сожалений. Как Вы приходили к здоровой Наташе, слушали мои песни, смотрели рисунки (их сожгли после того, как я разбилась в том же 1991 году). Так Вы приходили к больной Наташе – поддерживали, помогали, украшали моё бытие новинками Парижского парфюма и всегда с готовностью дарили своё благородство, улыбку и надежду. Даже тогда, когда Вас самого стала съедать болезнь (блуждающий склероз – страшная болезнь), Вы не забывали обо мне. Мы встречались, пили чай в гостях у тёти Поли. Я показывала Вам свои новые песни, и вы горели желанием тут же всё бросить и поехать к Вашему другу Юрию Николаеву и показать ему мои песни, или показать их Вашему знакомому Илье Резнику. Вы очень хотели, чтобы они зазвучали вне стен моего дома. Но мы никуда не срывались, т. к. за окном всегда был поздний вечер, и мы с Вами были воспитанные люди. Но Ваше эмоциональное душевное расположение ко мне всегда получало взаимный дружеский поклон.

Как Вы смущённо останавливали меня от шага проводить Вас до лифта. Уже потом, когда лифт увозил Вас на первый этаж,

я понимала, что Вы не хотели показывать мне Вашу слабость, Вы хотели меня оградить от переживаний, на Ваш взгляд лишних для меня, Вы оберегали меня – координация и движения ног уже несли отпечаток разрушающей Вас болезни, и Вы не хотели, чтобы я это видела – истинное французское благородство, хотела сказать Мушкетёрство!

Последняя наша встреча состоялась в конце ноября 2005 года. Мы с тётёй Полей, как всегда ждали Вас в гости. Почему-то против обыкновения сидеть на кухне и пить чай мы накрыли большой стол в зале. Вы приехали с коробкой трюфелей, рассказали, как нечаянно разбилась бутылка вина о столб, где была припаркована Ваша машина. Но у нас был уже накрыт стол к чаепитию с вкусным вареньем из крыжовника и райских яблок.

«Не говори с тоской их нет, а с благодарностью были». В. Жуковский.

В этот вечер никто никуда не спешил. Я имею в виду Вас. Обычно Ваши визиты были ограничены во времени. Мы долго сидели и пили чай, разговаривали о многом. Только потом, вспоминая эту встречу, я увидела этот самый длинный наш с Вами Прощальный вечер. Вы, как бы предчувствуя, что она последняя, наша встреча, дарили возможность запомнить на всю мою оставшуюся жизнь этот замечательный ноябрьский вечер нашего общения. Вашу улыбку я не хочу забывать. Ею Вы закрывали переживания о болезни, так внезапно Вас посетившей и давали мне самой пример жизнестойкости и храбрости перед ней! Для Вас болезнь была страшной, ломающей здорового, уверенного в себе человека, чей путь был усеян по большому счету удачами и разного рода успехами. И как трудно было Вам принимать всё то, что она отнимала у Вас. Как трудно было держаться Вам хоть за какую-нибудь надежду. Я не знаю точно, но, по-моему, Вы были католиком, но веры Вам не доставало, т.к. резкая смена привычного образа жизни на инвалидный Вас печалила, огорчала, и чисто по-человечески это было понятно. В сентябре 2006 года мы смогли поговорить по телефону перед Вашим отъездом на Родину. Болезнь проявлялась уже в речи. Но в этот раз Вы были полны надежды, что в Париже Вас подлечат, и всё будет хорошо. На новый год мы поздравили друг друга с наступающим 2007, несмотря на ещё более страшный новый диагноз – рак печени – Вы были оптимистичны и улыбались, как те розы чайного цвета, которые когда-то мне подарили Вы. Да, сейчас я сложила эту нехитрую мозаику воедино. Тот букет подарен был летом 1998 года и почему-то тогда он вызывал у меня улыбку, и, глядя на красивые розы, я видела их ответную улыбку. Возможно, я придумала этот улыбающийся взгляд цветов. Но Ваша замечательная улыбка не придумана мною. Её обаяние и лучистость взгляда Ваших глаз мне не забыть! Цветы улыбались, чтобы я могла лучше и надолго запомнить Вас! Вот такая мозаика.

«Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь, – сказал Лис.

– Самого главного глазами не увидишь, – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить».

22 января 2007 года. Ваш день рождения. Утром я позвонила и услышала Ваш голос на автоответчике, бодрый и приятный. Прослушав и русский и французский вариант, я наговорила свои поздравления, радуясь что слышу Ваш бархатистый баритон. А вечером подумала: «Что я жалею какие-то деньги, ведь в моей жизни начинался такой поворот, мои песни начинали звучать вне моего дома, появился друг, который захотел их записать на CD». Эти новости были бы радостны и для Вас, как Вы этого для меня желали! И я позвонила ещё раз в Париж. Трубку взяла Ваша жена Галина и сообщила, что Вы не дожили четыре дня до дня своего рождения... Свою боль я не перескажу... Потерю не восполню...

«Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...»

Памятью дорожу и благодарю Бога за данный мне подарок – наше общение и нашу дружбу, ведь нет ничего дороже, чем роскошь человеческого общения, как сказал мой любимый Антуан де Сент Экзюпери. Как замечательно, что в Вас объединились для меня и мой любимый с юности писатель, и общая для вас обоих Родина – Франция.

Я бы желала, чтобы Ваше место занял кто-нибудь достойный Вас. Но, видимо, все мы неповторимы. Я Вас люблю, помню и молюсь за упокой Вашей души...

«Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

– Я в ответе за мою розу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить».

Бильярдные шары...

«Константин Никольский, Константин Никольский, Константин Никольский,...» – и так много, много раз я повторяла в уме имя этого музыканта-гитариста, когда возвращалась домой с концерта группы «Цветы». Там был ещё интересный исполнитель – Андрей Сапунов, его фамилию я легко запомнила, он был тёзка моего племянника. А вот имя Константина Никольского я очень хотела запомнить: он произвел на меня, ещё девчонку, такое сильное впечатление, что всю обратную дорогу домой я твердила его имя, повторяя раз сто! Он был высокий, красивый,

замечательный музыкант, покоровивший моё сердце. Ещё запомнилась его песня «Бури и метели землю одолели, птицы белые мои к солнцу улетели...»

Разве тогда я могла представить, что через какие-то десять лет я познакомлюсь с моим увлечением юности – с рок-звездой, автором и исполнителем своих песен в группе «Воскресенье»?! Мы действительно познакомились и немного подружились, к этому времени он уже работал в группе «Галактика» при Калужской филармонии. Потом группа стала называться «Зеркало мира» по одноимённой песне Константина Никольского. Вместе с ними я отправилась в гастрольные поездки в Пермь, Псков, Калининград.

Получилось забавно: в Пермь я летела, чтобы возвратиться в группу «Нежность», но прилетев, отдала аванс – 150руб. – руководителю «Нежности» товарищу Терновому и осталась в группе «Зеркало мира», так как в ней играл на клавишах мой жених Кирилл Есипов, именно в это время и в этом месте пересеклись гастролы этих групп! Для меня знакомство с Костей было действительно знаковым.

Бильярдную пирамиду разбил центральный шар, остальные откатились в разные стороны, а один попал в лузу...

Сколько концертов разных ВИА и групп я пересмотрела в своей юности, но вот имя и встреча, или знак судьбы, соединились только в одном человеке – Константине Никольском. Рассказывать подробности гастролей артистов не совсем удобно, так как я не имею согласия с их стороны на разглашение нашей общей тайны. Но то немногое, что мне кажется позволительным рассказать, я и поведала.

Много лет спустя судьба сведёт меня с другим музыкантом, также организатором известной рок-группы «Воскресенье» – с Алексеем Романовым, с его песнями и его жизнью, и с удивительным музыкантом Андреем Сапуновым, но уже через моего супруга, Ильина Александра – звукорежиссёра многих известных исполнителей.

Очередной удар кием привёл в движение шары на всём сукне бильярдного стола...

Ещё один удар рикошетом – знакомство с Игорем Тальковым на гастролях «Зеркала мира» в Калининграде. В ту пору повелось возить на гастролы «мёртвые души», т.е. по ведомости проводили людей, получали за них суточные, а может и оклады, но они числились только на бумаге. В этой поездке возможно была какая-то проверка или ещё что-то случилось, но «мёртвых душ» нужно было представить в виде конкретных людей. И вот одним из них и был Игорь Тальков.

Удача мне сопутствовала, и игра перешла в мои руки...

Такой интересный и скромный молодой человек. Он ходил вместе с нами (наша тусовка сложилась из Кириллы, Кости, Саши, меня, Володи Чёрного и уже не помню кого). Но помню очень хорошо, как Игорь предлагал мне, Кириллу, Саше почитать его тетрадь со стихами. Моя слепота была понятна – я же находилась рядом и общалась уже с музыкантом, рок-легендой и звездой, (а для меня во многом – с моею девичьей мечтою.) Возможно, ребята и читали, точно не знаю. Знаю, что Кирилл сдружился с Игорем. А моё, как бы заново знакомство состоялось уже года через два в «Олимпийском» на концерте. Наша солистка из группы «Нежность» Надя Рябова пела песню в дуэте с Игорем. Именно на этом выступлении возобновилось наше знакомство. Потом периодически пересекались наши гастролы, случались встречи. Со стороны трудно назвать наши с Игорем отношения дружбой, но именно с его стороны было такое достойное мужское уважение, такое благородство и в словах, и в поведении, что иначе, как дружбой наши взаимоотношения я и не назову. Жаль, что так мало было нам отведено свыше дружить. Ведь дружба проверяется годами.

Летом 1991 года наши выступления опять совпали в «Олимпийском», я в то время работала в группе «Сладкий яд» Михаила Муромова, а у Игоря уже был свой коллектив «Спасательный круг», своя программа из песен на тему политических взглядов Игоря, на тему родины, России и её судьбы. Перед этой, к сожалению, последней нашей встречей, мы параллельно были на гастролях в Сочи. У нас был свободный день, а у Игоря был концерт этим вечером. И мы всем составом пошли на его выступление. Игорь заботливо усадил нас на почётные места в партере. Полтора часа, а может и больше, мы были увлечены тем, что исполнял Игорь. Атмосфера концерта была непривычна для того времени. В основном были песни политического содержания. Было здорово! Остро! Ярко! Выразительно и музыкально! Честные стихи и переживания, яркая самобытность незаурядной личности, звездой даже не хочется называть. На сцене был артист, музыкант и поэт, в полном соответствии с понятием о настоящем человеке, мужчине.

Опять переносюсь в лето 1991 года в Москву на площадку в «Олимпийский». В программе был перерыв, и Игорь пригласил нас с моей подругой, бас-гитаристкой Галей Лезиной, пообедать там же в ресторане. Он сам пришёл с женой Татьяной. Мы замечательно провели время, говорили обо всём. Но для нас очень неожиданным было приглашение на работу к нему в коллектив! Он собирался делать второе отделение – лирику. И предложил нам перейти, сначала влиться в лирику, а потом и в первое отделение! Но самое главное – это была работа живую, без всяких фонограмм! Мы, недолго думая, приняли его приглашение. Но...

Наши маршруты разошлись. Мы думали, что на время, а оказалось, что навсегда. Игорь был убит в сентябре 1991 года. Я разбилась в октябре этого же года. Можно было бы поставить точку, но очень хочется договорить об одном моменте. Ко мне в больницу приходила навестить наша общая с Игорем знакомая – союзный администратор по имени Анна (к сожалению, забыла её фамилию). Она приносила мне известия о ведении уголовного дела в отношении убийства Игоря. И последняя версия, которую она мне рассказала, была с большой долей очевидности ясной для близких и родных людей: Игоря убили, но совсем не те лица, которые официально проходили по делу. И совсем дело не в вспышке каких-то там амбиций с Азизой. Игоря заказали люди из наркомафии. Видимо, он был нелицеприятен и партии. Но Аня сказала просто, что ему, как и другим артистам предложили перевозить наркотики, т.к. багаж звёзд не проверялся так тщательно, и в кофрах для инструментов можно было провезти всё, что хочешь. Но Игорь не согласился. А так, как он узнал об этой системе, и с его честным характером напрашивался бы следующий шаг (возможно, это была бы какая-нибудь очередная песня – как выстрел и по этому безобразию!) Но первым успели выстрелить заказчики.

Почему мне кажется эта версия более верной? Почему-то ни в одном из фильмов о расследовании гибели Игоря Талькова об этом не говорится ни слова. А я об этом рассказала на волне моей памяти об этом замечательном человеке, чья судьба пересеклась с моей.

Шар прокатился и коснулся другого, но цели не достиг...

Вспоминается ещё один интересный случай, связанный с Игорем. В концертном зале «Россия» в городе Москве отмечала свой юбилей известная во всем Советском Союзе Джуна. В концерте принимали участие многие известные артисты, но на застолье в дом юбилярши были приглашены избранные, в том числе и Игорь Тальков, и Михаил Муромов со своими коллективами.

Большая зала, где был накрыт банкетный стол, вмещала человек 15-20. Кто-то ходил и осматривал дом, в том числе и я, ведь имя Джуны было таинственно и привлекало своей необычностью. Там было интересно: картины хозяйки, помню хорошо одну комнату, в которой было очень много икон. За праздничным столом все говорили о виновнице торжества. И надо вам сказать, что и я, набравшись вина и храбрости, встала и произнесла тост то ли за её здоровье, то ли за гостеприимный дом и её хозяйку. Но очень хорошо помню реакцию Джуны. Она спросила у сидящего рядом: «Кто это?» Видимо ответ её удовлетворил. Вскоре многие музыканты перешли в аудио-студию, оставив официозных лиц и юбиляршу за столом. Там мы

продолжали распивать лёгкие и крепкие напитки, кто-то играл на инструментах, а кто-то просто разговаривал. Неожиданно на ровном месте разгорелась перепалка между Андреем Державиным, Михаилом Муромовым и Игорем. Михаил сказал что-то обидное в адрес Андрея и его песен. Слова были обидные, и несогласие с ним выразил Игорь. Слово за словом, жест за жестом, и если бы не брат Игоря, то возникла бы драка. А так всё закончилось мелкой потасовкой. Горячи были оба: один – поддерживая Андрея, другой явно оскорбляя и творчество, и самого автора.

Как бы ни были горячи эти споры, особенно под градусами, но товарищеский, скорее дружеский долг Михаил Игорю отдал. Пишу со слов Михаила: сразу же после известия о смерти Игоря, Муромов всю ночь гнал свой автомобиль в Питер, одним из первых приехал и сопровождал тело товарища в Москву.

Да простят мне мои читатели какие-то неточности. К сожалению, вспоминать и записывать по памяти, нежели сразу же после события, не такая уж лёгкая задача. Что-то получается не ярко и не совсем точно, но за искренность воспоминаний я отвечаю.

Игра в бильярд требует большого ума, внимательности и удачи.

Татьяна ЕФАНОВА

* * *

Ну, а если душа? Если просто – душа?
Как же ей приказать
Не лететь, не мечтать, в унисон не дышать?
Как же ей рассказать,
Что закрытых дверей не сломать, не открыть,
Не открыть никогда.
Так у двери бродить, в одиночестве стыть, –
Это просто беда!

Этот воздух любви, этот свет, эту даль,
Что тебе не понять,
Я в себе сохраню на века, как печаль,
Что уже не отнять.
Позову – тишина. Закричу – ни души.
Закружит голова...
Но на кроснах судьбы нашу нить не спеши
Разорвать! – Я жива.

* * *

Розовый Мартини. Сладко тает лёд.
Взгляд твой мягкий, серый за собой зовёт.
Розовой прохладой на губах моих
Тает разговор наш, сладостен и тих.

Сладкие надежды, терпкие мечты
С розовым Мартини подарил мне ты.
Ветренный напиток – кругом голова...
Тают будто льдинки главные слова.

Завтра я не вспомню, был ты или нет.
Нервно губы дрогнут, уловив ответ.
И заноят больно сто сердечных ран.
Розовый Мартини – просто твой обман.

* * *

Говорят, будто время лечит.
Может так, но не от любви.
Я поверила так беспечно
И глазам, и словам твоим.

А потом пролетела осень,
А потом пролетели дни.
У тебя оказалось просто
Не любовь, а слова одни.

Осень встречи от слёз промокла.
Стал чужим ты, и я не та.
И глядится в балконные стекла
Незнакомкою хмурой Чита.

Не любил... Разве время лечит
От любви или нелюбви?
Не любил. И уже навечно
Эта боль у меня в крови.

* * *

Как крылья рвутся всё выше в небо! –
Умеют птицы. И мне бы, мне бы:
Чтоб горлом воздух свежо и смело,
Чтоб сердце билось, чтоб громче пело.

Не может в клетке душа томиться.
Она крылата, она, что птица.
Свобода неба лишь ей награда.
Лазури света она лишь рада.

Всё выше, выше к любви и солнцу.
И сердце настезь, как то оконце.
Нельзя душе в кандалах и латах –
Душа... С рожденья она крылата.

* * *

Тот поцелуй на ступеньках крыльца, невзначай...
Будто бы испугнутой птицею сердце взлетело!
Будто душа, скинув платие брэнного тела,
К небу взметнулась, земную оставив печаль!

Вкус твоих губ, их тепло... И родное плечо,
Чтобы прижаться к нему и остаться навечно...
Звёздная ночь серых глаз, жаль, была быстротечна,
Но обнимала так страстно и так горячо.

Пальцев горячий танец, дрожание ресниц,
Омуты глаз, и дрожание плеч оголённых...
В этом безумстве любви, на двоих разделённом,
Я – то взлетала в блаженстве, то падала ниц.

Тот поцелуй на ступеньках крыльца... Невзначай?

* * *

Ты спи! Я тихо прошепчу на ушко
О том, что лучший ты, что мне не нужно
Ни встреч других, ни рук чужих, ни взглядов.
Тебе лишь одному сердечко радо.

Любовь пусть будет песней колыбельной.
Весенним днём, или порой метельной
Я наяву, иль нет, но буду рядом.
Тебе лишь одному сердечко радо.

К тебе душа летит счастливой птицей.
И кто же виноват, что ты мне снишься?
Те сны мне в утешение, в награду.
Тебе лишь одному сердечко радо.

* * *

Утро идёт. Рассветом и свежестью
Воздух сыт.
В доме всё дышит снами и нежностью,
Дом ещё спит.
Ангел небесный разбудит нас песнею
И трубой.
Ты улыбнешься светло, по-вешнему –
Я с тобой.
Слышишь, сердце с твоим бьётся рядышком
Гулко, в такт?
Стрелки часов отстукают с нежностью
«Тики-так».

Жанна БАБИНА

ОТЦОВСТВО

*О материнстве написано много,
Об отцовстве – почти ничего...*

*Нерадение о детях есть величайший
из всех грехов, и в нём крайняя
степень нечестия.*

Свт. Феофан Затворник

Лютой стужей был отмечен конец января 1968 года. В те времена на Тамбовщине все сезоны года были более ярко выражены, чем в нынешнем глобально потеплевшем климате.

Нисколько не прибавляя тепла, в безоблачной ярко-синей небесной лазури играло солнце, искрясь в каждом кристаллике пухлого снежного покрова. Деревья, опушённые серебристым инеем, в глубокой задумчивости и покое смиренно ожидали уже недалекой весны.

К ночи мороз ещё крепчал, а к звёздно-расцвеченному небу из печных труб домов по всему городку тянулись столбы пахучего дыма.

В те годы страна ещё не знала проблем с демографией, несмотря на крайний дефицит товаров и услуг. Рождающимся младенцам было безразлично, какая погода стоит на дворе, сколько койкомест в районном роддоме и т.д.

Январь бил все рекорды и по рождаемости.

Под палату приспособили даже большую закрытую веранду, подведя туда отопление. Но, как всегда, в пиковый момент отопительная система вышла из строя.

В помещении поставили электрообогреватели, пациенткам выдали по второму одеялу и рекомендации:

– В течение ремонтных работ без крайней необходимости из постелей не вставать!

Вопреки строгостям режима, общими стараниями «затворниц» была «отогрета» часть оледеневшего оконного полотна. И после «тихого» часа, там, как на экране, поочередно и попеременно, появлялись заиндевшие радостно-взволнованные и озабоченные мужские лица. Из-за плохой слышимости переговоры вести было затруднительно, но каждому хотелось хотя бы взглянуть на свою супругу. А всё остальное можно изложить и в письмеце с передачей.

Только двум женщинам в палате не надо было подходить к окну. Одна из них лежала лицом к стене, безучастная ко всему на свете – у неё родился мёртвый младенец. А у второй – муж работал в другом городе и должен был приехать только к моменту выписки. Никого не ожидая, она с интересом наблюдала за происходящим.

Вот за окном появился старообразный невзрачный мужичок с измождённым худым лицом, редкой бородкой, плохо одетый – в ватной телогрейке и такой же шапке. Широко улыбаясь щербатым ртом, он искал глазами свою подругу.

– Ой, мой дед приехал! – радостно встрепенулась самая старшая в палате женщина и, кутаясь в одеяло, устремилась к окну. В отличие от мужа, она привлекала внимание прежде всего своим пышущим здоровьем видом. Возможно, в последний раз цвела её неяркая краса, приближаясь к 50-летнему рубежу. В таком возрасте по всем законам Природы возможность деторождения, казалось, уже не грозила.

В её деревенской семье было семь детей и внучка. Старшая дочь – замужем, сын служил в армии, а пять младших детей были разного школьного возраста.

Однако в жизни бывают чудеса. Бог послал на старость лет восьмого ребёнка, новые радости и заботы.

Единственное, что её несколько смущало – внучка была немного старше новорожденного сына.

– А может это и к лучшему? Вдвоём с дочерью сподручнее будет управляться с малышами? – рассуждала она.

Врачей же смущали возможные осложнения в таком возрасте, поэтому её поместили в стационар заблаговременно. Все заботы о детях и обширном хозяйстве легли на плечи главы семейства.

«Дед», посмотревшись на супругу, передал ей вместе с гостинцами целое послание. Она, прочитав, повторила его вслух для всех женщин, несомненно гордясь своим «дедом».

Письмо было следующего содержания:

– Любимая жёнушка Маня! Кланяемся тебе и поздравляем с новеньким младенцем твой муж Ваня и детки. Ждём не дождёмся вас домой. Дети готовят малышу подарочки, а имя мы давно уже с тобой согласовали. Дети одобряют.

Мы все очень любим младенчика, а я нонче даже видел его во сне: перецеловал все пальчики на ручках и ножках. Проснувшись, расстроился, что это всего лишь сон. Скорее хочется наяву его посмотреть и поцеловать.

Дорогая Маня! Не сумлевайся за семью и хозяйство. Я всё успеваю делать вовремя. Встаю рано, топлю печь до пробуждения детей, чтобы они вставали в тепле. Стряпаю завтрак и заодно обед. Дою корову. Ночка молока пока даёт маловато, но и детям, и на кашу хватает. Вся скотина накормлена и ухожена. Из-за сильных морозов младшие дети не посещают школу – надесь отменили

занятия. А старших отвожу в школу и обратно на лошади. Вечером ещё раз топлю печь, готовлю ужин и корм для скотины.

В избе тепло, дети здоровы, сыты и опрятны – тебе нечего волноваться. Береги себя и нашего сыночка. Сообщи, что тебе передать и когда выписка. Я приехал в город на лошади, в деревню возвращусь зараз, без задержки.

Целую дитё и тебя, милёнка Маня.
Твой Ваня.

После такого письма всем женщинам показалось, что в палате стало теплее.

Я ВСЯ

«ВСЯ Я»¹ – блеск пения Эллы²,
«ВЕСЬ Я» – Луи³ – трубач, гений,
Джазмен и певица. Сумели
Затронуть сердца, без сомнений.

Кто я и зачем? – пылинка,
Дунул ветер и – прощанье!
Но в чём остановка – заминка,
За что мне чуть-чуть прощенье?

Я вся в незатейливых строчках.
Хотя совершенства и нет в них,
Богатство палитры в оттенках,
Не тёмных, а солнечно-светлых.

Даётся Рукою щедрой –
Премудро во всём Провиденье! –
По силам и творчества мера,
И путь-дорога с рожденья.

Кому-то строчки послужат
На их вопросы – ответом.
Кому-то, возможно, в стужу
Теплее станет на свете...

---

¹ Джазовая композиция (С. Саймон, Дж. Макс)

² Фитцджеральд Элла

³ Армстронг Луи, «Сэчмо»

Татьяна САВКИНА

ВАЛЬС НА ЗАКАТЕ

Вика стояла около машины и смотрела вдаль, на бездну неба, на полосу леса у горизонта. Свечи берёз, объятые пламенем осени, терзали душу – неужели всё закончилось? Сейчас самолёт поднимется в воздух и растает за махиной облаков...

– Почему ты не позвонил, Олежка? Почему?

«Зимний вечер в Сорренто

Нас погодой не балует

Вот и кончилось лето

До свиданья, Италия.

Мы с любовью прощаемся...», – голос Алексея Глызина рвался из динамиков припаркованной машины.

– Мы с любовью... Я с любовью прощаюсь... Нет! – она гнала прочь лавину мыслей, но эта лавина ползла, ширилась, заполняла душу.

В отчаянии ещё и ещё раз, Вика набирала на сотовом телефоне привычную комбинацию цифр. Безрезультатно: пунктиром трассировали длинные гудки, паузы, гудки. – Я не хочу тебя терять! Не хочу!

Полынная горечь тоски заполняла сердце... А машины подъезжали, уезжали, суетились люди, рядом слышалась английская речь, по селектору размеренно-чётко объявляли номера рейсов, время посадки-отлёта, бесконечно распахивались тонированные створки стеклянных дверей здания аэропорта. Время от времени многоголосый шум улицы перекрывлся рёвом работающих турбин.

Глаза разбегались. В муравьином мельтешении толпы Вика искала его крепкую фигуру, но... Мимолётный взгляд на стрелки часов: вот он, лайнер Москва – Петербург, большой птицей плавно набирал высоту. Всё... Жизнь на излом. Дымка слёз застлала мир...

Шаги позади? Шаги, каких вокруг тысячи... «Vogart»? Знакомый парфюм? Показалось. И вдруг прохладные ладони тронули горячую влажность её лица. Лёгкое прикосновение губ к затылку, и... Господи, такой до боли родной голос: – Я люблю тебя, малыш.

Дрожь пальцев... Предательская дрожь... К ногам упали ключи от «Lexus», и слёзы вновь навернулись на глаза.

– Маленький, почему ты плачешь? – Олег целовал голубоватую пульсирующую жилку на виске Вики.

– Прости, не мог тебе позвонить. Как назло всё с самого утра пошло наперекосяк: получил нагоняй от босса, в офисе забыл мобильник, простоял в пробке на Каширском шоссе часа три, ещё и на самолёт опаздал. Ладно, перезвоню отцу утром, скажу, что задержусь на день – два. Только ты не плачь, девочка моя.

– Олежка! Олежка! – Вика прильнула к груди Олега, крепко сжав в кулачке лацкан его кожаной куртки, не до конца ещё веря в реальность происходящего. Его руки охватили тонкий стан девушки, он целовал нежное её лицо, волосы, пахнущие свежестью ветра.

– Викочка, видимо судьбе угодно распорядиться так, а не иначе, и Она совсем не хочет, чтобы я улетал от тебя сегодня, родная.

Среди бурунов свинцовых облаков просвечивала лёгкая зелень неба. В розовой поволоке заката плыл вечер. Из приоткрытого окна стоявшей поодаль серебристой «Волги» лился родник голоса Мирей Матье. Мелодия вальса «Прости мне этот каприз» летела в безмерность пространства.

МЕТРО

Я чувствовала, что где-то в прошлой жизни тебя знала: взгляд, голос, жесты – всё было до боли знакомо. И не знакомо. Чужие и чуждые друг другу сейчас мы выйдем из одного вагона. В многоликой однообразности вечно спешащей толпы, «едва соприкоснувшись рукавами», хлынем вверх по ступеням эскалатора и ... потеряемся в мире навсегда. Навсегда.

А ты, смеясь, вполголоса переговаривался с друзьями, и невдомёк тебе, как от волнения «зашкалило» моё сердце: ты это или я ошиблась? Хотя, что с того – мы «дочитали» наш роман сто, двести, тысячи лет назад.

Голос по радиоселектору – предупреждение об остановке; двери открываются. И всё...

Жаль, что лишь на миг прошлое стало реальностью. У меня звонит телефон. Досадно. Достаяю из сумочки «вопящий» мобильник и, не желая отвечать своему «требовательному» боссу, сбрасываю номер. Поднимаю глаза от размыто гаснущего дисплея и вижу устремлённый на меня пристальный взгляд.

– Простите, Вы – Таня?

И всё же это был ты.

Сергей БАРУТ-ФИШЕР

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

МОНОЛОГ ПЬЯНОГО ТАРАКАНА

– Ну, здорово!.. Эй, ты, в очках!.. Эй, к тебе обращаюсь; здорово, говорю!.. Во, блин, молчит... Брезгует... Эй, брезгливый, плесни пивка-то!.. Чё те стоит?! А?.. Нет, ну до чего ж народ жадный пошёл!.. Глотка пива ему жалко!.. У, жадюга!.. Во, ща бить будет!.. Ха, газетой меня не возьмёшь, вот разве тапком... Я, правда, всё равно смоюсь, но тапком по салату – класс! Ну, и чего ждёшь?.. Давай, размахнись и – жхни!.. Чё, не будешь? Чё, интеллигент?.. Ну, да, в очках... Слышь, ты, интеллигент, пивка-то плескани... Не будь жмотом!.. Э!.. Э!!! Стой! Стой, говорю!.. Бр-р-р... Ты чё, блин?! Совсем одурел?! Так и утонуть можно... А... хр-р-р... э... А пивко-то так себе, слабень-ик-кое. Это... у-у-у... Э-э-э... Ну, и чё молчишь? Поговорим?.. А?.. Не, ну ты меня уважаешь?! Вот и поговорим!.. Откуда-откуда... Научился! Эта, как её... Генная память включи-ик-лась... Во... Ты, эта, чего?.. Ик... Чего регочешь?!? Во, гад, смешно ему, видишь ли... Не, ну чё ты, в натуре... Мне, может, жисть надоела, а ему, вишь ли, хаханьки!.. Ну, чё ты на меня уставился?.. Хотя, смотри... Мне-то что?.. Мне не жалко – смотри! Мы, ик, мы за погляд денег не берём-с... Чего-чего?.. Ну и чё? Ну, выпил, а чё, нельзя? У нас – свободная страна! Чего-чего?.. А тебе-то что? Не на твои же! Тоже мне, блин, этот, как его...нравоуч... нравоучитель нашёлся! Э!.. Ты чё?! Чё ты рук... рук-ками размахался?!? Куды итить?! А... Гонись!.. Во, и энтог гонит... Все только и делую... не, эта, делу... де-ла-ют, что гонют! Свои же кровные родичи – и те гон...ю...ть! Изю всех щелей повыгоняли, сволочи! Я, вишь ли, не такой, как все! Я, вишь ли, по-человечески говорить умею! Они, вишь ли, не умеют, но они – такие, а я, вишь ли, умею, но я, вишь ли, не такой! У... у... у, бездари подплинтусные!.. О ком, о ком!.. Не о тебе!.. Я, может, и не такой, но ведь живой же! Мне, может, тоже этого как его!.. уюту – во! – хотца, и етого... ну... а, во-о... ик – покою! Так не... не дают... Гонють... Чего?... Чего – где?.. Ну, чё ты ко мне пристал: где-где... За стенкой! Там, эта, баба Катя живёт... Кла-ассный самогон гонит!.. Во! Ус даю! Она сёдни добрая, она сёдни всем наливает в долг... И мне! А я чё, рыжий, чё ли?!? Не, я, вот, как раз рыжий. Ну и чё? Рыжий не человек, чё ли?! Э, э, э! Это я не про тебя! Ты ж не рыжий! Ты, вон, эта, - лыйсь!.. Ну, хр... хватит болтать!.. Я, это, спать буду... Чё? Куда итить?.. Ты чё, в натуре!.. Какой салат?! Не, ну ты даёшь! Вам,

людям, в салате спать можно, а мне, значитца, нет!.. Я тоже хочу!.. А ещё я, может, телек хочу смот... Хр-р-р...

АНАТОМИЯ И ХОЗЯЙСТВО

– Здравсь... Я, конечно, извиняюсь, вы тут вот говорили, что человек со своим естеством самый главный во всём хозяйстве... Ага... Я вот тут с вами, значитца, в корне не согласный... Не, не что есть в человеке такого, без чего в хозяйстве не обойтись? Да ничего!.. Нет, вы вот послушайте, послушайте. Мы это, с веру начнём... Не, снизу не надо: там дюже дух нехороший бывает... Значитца, сверху. С этой, с черепной коробки. Коробка – она везде коробка. Она служить для чего? А чтоб в неё чё-нить клали. А в енту коробку чего положить? Да ничего! Она ж не открывается! В её не то чтоб положить, в её даже заглянуть нельзя! Ну, и на кой ляд мне в хозяйстве коробка, в которую ни заглянуть, ни залезть, ни положить ничего нельзя?! Чё вы на меня так оставились? Я вам серьёзно говорю, что ента деталь человека в хозяйстве пользы принесть не может. Ни-ка-кой! Так, дальше идём. Вот пищевой тракт. Дорога, значить. Почитай – шоссейка. Дорога, оно, конечно, в любом хозяйстве необходима. А ента? Узкая, тёмная, вся петлючая и вертючая... Дык, как же по ей ехать? Да чё – ехать! По ей идти-то никак не возможно! А то – ехать! И потом. Каждая дорога кудай-то идеть: на базар там, в магазин... А ента куда идеть? А?.. Во! В нужник! Ну, на кой мне дорога, по которой прямиком в нужник топаешь! Я в его и так, почитай, не по разу в день хожу, а тут ещё по тёмной кривой дорожке! Нет уж, благодарствую, но такая дорожка в хозяйстве никому не нужна!.. А вы не смейтесь, не смейтесь! Вы вот себя представьте, что по ентоу дорожке идёте, и куда приходите?! Вот-вот!.. Ну, дальше пойдём. Вот клетка грудная... Клетка для чего нужна? А чтоб в ёй чё-нить содержать. Ну, там – кроля, аль кенаря. Кроль – енто тебе и шапка, и мясо. Кенарь – оно, слух услаждать... А в енту клетку чё посадишь? Она ж вся дырявая! Её ж чинить да чинить! На её матерьялу столько уйдёт, что проще новую купить! Не-а, и ента деталь в хозяйстве бесполезная! Так, что там у нас ещё? А, лопатки. Лопатки в хозяйстве вещь необходимая: огород, скажем, вскопать, ямку, там, вырыть... Да вить, ентими-то лопатками – поди-ка, вырой чего! Хрен чё выроешь, а накопишь и того меньше! Не, чё ни говори, а в хозяйстве етакие лопатки ни к чему! Не надобны!.. И чё у нас там осталось? Позвоночный столб и таз. Ага. Вещи, в прынципе, очень даже нужные. Но енто – в прынципе! А в натуре? Ну, на кой ляд он мне, столб тоись, нужен? Он же кривой, понимаешь, кри-вой! На его, понимаешь, даже фонарь не повесишь. Ему подпорки нужны! Подпорки, понимаешь? Подпорки, а не ходули! Ну, на кой столбу ходули? Для ча ему? Он стоять должен, а не ходить! А ентот стоять не может, потому как –

кривой! Ага... Ну, и таз наконец. Без тазу в хозяйстве никак не обойтись. Он – вещь повседневная: ну, там – помыться-побриться, бельишко, там, постирать, грибочки-огурчики засолить... Так нет же! И ентого не смоги! Он же – дырявый!.. Не, граждане хорошие, чё ни говорите, а человек в хозяйстве – штука бесполезная. От его анатомии – ни тепло, ни холодно!.. Ну, чё вы смеётесь?!.. Я ж сурьёзно говорю!.. Ну, ладно, ладно... Извиняйте, коли что не так, а нам пора... Так что, прощевайте... Бывайте, значитца, здорovy!..

ЭХ, ДУША-ДУША!..

– Прощеньица, значит, просим... У меня тут вот ещё какой вопросец появилси... Ну, насчёт души... Тут интересная вещичка получается. Кажному человеку дадена такая странная штука, как душа... Мы енто понимаем... Вот только закавыка одна... Как, как?.. Кем, значитца, дадена? Ну, всяко гооврят... Вот, к примеру, говорят, что Господом Богом... А хто его знает, может, и им. Только вот кто его видел?.. Ну, этого Господа? Не, ну как так?.. В школе учили, что его нет... Ага... А тут, говорят, что душа человеку им дадена... Это как так получается? Тот, кого нет, дал человеку то, чего нет... А... Ну, как же, кто у человека енту душу когда видал? Мы ж её видеть не можем, потрогать-пощупать не можем... Может, её и нет вовсе? А что говорят – всё враки?.. Но я не об этом говорю. Пушай она есть. А вопросец вот какой: где она у человека помещается? Мы тут с вами про анатомию говорили... Вот я и подумал – где? В клетке ентной грудной ну никак не может, уж больно она дырявая... А тогда где? В ентной, коробке? Ну, в которую залезть нельзя? В черепной? Так там, говорят, мозги набиты... Для души, вроде как, и места-то нетути! Вот я у вас и спрашиваю – где?.. Чего-чего?.. Ну, енто вы загнули – в сердце! Тама, окромя крови, ничего нет. Енто я точно знаю. Когда поросся или, там, телка забиваешь, из сердца много крови вытекает. Где ж там ещё душе помещаться?! Чего?.. Энто как ето? Прям вот так и невесома, и невидима?! Ну, ни в жисть не поверю... Не, граждане, что ни говори, но её, душу то есть, никто никогда не видел и не чуял... Что?.. Неужто?!. А я вот её, родимую, не чую и не ощущаю!.. Ну, прощевайте!

Лидия ЧЕБОТАРЕВА

КАРУСЕЛЬ

Июнь был жаркий и сухой,
Дождя хотели лес и травы.
Гуляли мы вдвоём с тобой
На берегу у переправы.

Там был цветущий, сочный луг,
Большие белые ромашки...
И я почувствовала вдруг
Тугие мышцы под рубашкой.

Ты подхватил и закружил
Меня над тем зелёным лугом,
Меня к себе приворожил,
Когда летели мы друг с другом.

Летели небо и река,
И травы, и цветы летели...
И за тебя моя рука
Держалась в этой карусели.

Кружилось небо в облаках...
Приотворилась к счастью дверца...
И билось на твоих руках
Мое ликующее сердце!

ПРОСТО ЖИТЬ!

А мне б хотелось просто жить
Душой, движеньем и глазами,
С людьми приветливо дружить
Улыбками и голосами.

А мне б хотелось на простор,
Где замок мой в горах высоко,
А мне б хотелось, как орёл,
Чтоб высоко и одиноко.

НАША ЖИЗНЬ

Твой путь нелёгкий был и долгий, –
Тебя звала твоя судьба,
Твоя далёкая звезда,
Зов разума и чувство долга.

И было не остановить,
Не удержать тебя на месте.
Ты был один. Лишь с Богом вместе
Свой путь ты начинал торить.

И я, оставшись без тебя,
Держалась на волнах жестоких,
Брела по кочкам одиноко,
Всем сердцем нашу жизнь любя.

И ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ДЕКАБРЬ!

Что-то от Великой Пустоты

И это называется декабрь!
Казалось бы, зима. Однако, больше – осень,
И тучи мрачные по небу носят
Дожди. В недоуменье мой корабль,

Которому названье «просто жизнь».
Он хочет нынче плыть по солнечным просторам,
И хочется ему большого моря,
А не каких-то мелких серых луж.

Мне греют сердце разные мечты,
Витанье в облаках – удел мой на сегодня.
Уж на часах минуло время полдня,
И далеко ещё до темноты,

Но что-то от Великой Пустоты
Есть в небе сумрачном, в непуганых дождинках,
В дрожащих на душе моей снежинках...
И мается измученный декабрь.

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

эссе

Вот уже и конец декабря 2015 года, двадцать четвёртое число... Я переписываю начисто своё стихотворение в блокнот. Тихий декабрьский вечер. Хотя, как посмотреть: за окном вот уже несколько дней дождливо и очень ветрено. Соответственно я и назвала своё стихотворение: «И это называется декабрь!»

На мгновение я подняла глаза от страницы и посмотрела в тёмное окно. О, Боже! Казалось бы, ну что там можно увидеть!? На фоне тёмного неба, среди качающихся голых ветвей высокого дерева я увидела чудесное спокойное сияние луны, матовый лунный круг в ореоле. «Ах!» – восхищённо выдохнула я. Что ни говорите, но истинная правда в том, что у природы нет плохой погоды. В промозглом декабрьском непогоде – и такая завораживающая природная красота: лунное сияние, слегка приглушённое, но очень красивое. Как будто луна за полупрозрачной вуалью. Она то пропадала за облаками, то появлялась. И большие ветки, раскачивающиеся от ветра, дополняли колорит. Чудное, чудное мгновение! Вот она, жизнь. Именно из таких мгновений, красот, впечатлений, волнений, восхищений состоит счастье.

Спасибо тебе, Небо! Как много в тебе прекрасного! И ещё там Господь, – это правда. Может быть, потому так велик и прекрасен Космос.

Валентина КАРПОВА

РОМАШКОВАЯ ПОЛЯНА

*Я исполнением желаний,
а не желаньями живу.*

П. Шубин

Её разбудило солнце. Яркое и настырное.

– Вставай! Быстрее к машине, – приказала себе девушка. Во сне Она видела Его. Правда, лица не помнит, но осталось ощущение чего-то лёгкого, чувственного. Как будто их встреча происходит не на земле, а на небесах, где всё воздушно и призрачно.

– Смешно, мистика какая-то, – отметила она про себя.

Тихо, чтобы не разбудить родителей, привела себя в порядок, быстро позавтракала, написала записку родителям. Минуту подумав, что надеть, джинсы или платье, решила:

– Платье и только платье. Сегодня хочу быть женственной.

Торопливо выбежала во двор, который условно можно было так назвать. Это была асфальтированная площадка в форме треугольника, в котором, тесно прижавшись друг к другу, стояли автомобили: белые, чёрные, серые, красные...

И только её – весёлого канареечного цвета. Она из тысячи узнала бы свою «малышку» с огромными немигающими глазами, как у куклы-неваляшки.

– Спасибо, мамочка, спасибо папочка, – торопливо шептала она.

– Это наш подарок «будущему банкиру», – шутили они.

Требовалось большое мастерство, чтобы выехать из этого зажатого треугольника. Хотя долгожданные и желанные права она получила всего две недели назад, с машиной справлялась легко. Её отец – классный водитель, усаживая дочь уже в 10-12 лет в кабину, требовал совершенно серьёзно:

– Рули!

Вот и сейчас она, как будто услышав его приказ, ловко и умело вывела свою «малышку» из «бермудского треугольника».

Миновав город, выехала на хорошо знакомое ещё с детства шоссе. Она помнила, как отец именно по этой дороге отвозил её каждое лето к бабушке в деревню. По пути ей стало как-то грустно. В памяти, непрощенной, очень ярко всплывала картина из детства: ребята галдящей стайкой несутся наперегонки к дороге, по которой мчатся эти загадочные и таинственные существа – машины. Девтора радостно машет им ручонками, но никто и никогда им не ответил.

На глаза навёртывались слёзы – только машины, и ни одной живой души. Она повернула голову направо: привычный пейзаж – деревья, деревья, деревья... Красиво, но скучно. Ей больше нравился зимний лес: снежные, пушистые покрывала на верхушках деревьев и нежный ажур на зелёных ветках елей и сосен. Хотя летом лес, конечно, более загадочный и непредсказуемый. В нём много звуков, запахов, красок и картин, созданных самой природой.

Вот и сейчас, проехав всего лишь несколько километров, она увидела... потрясающе красивую ромашковую поляну, окаймлённую белоствольными берёзками. Проехать мимо такого великолепия было просто невозможно!

Она остановила машину почти нежно, чтобы не нарушить гармонию тишины. Выйдя, спустилась вниз и бросилась в это белое море ромашек, пронизанное жаркими лучами солнца. Её захлестнуло чувство безоблачного, неожиданного счастья.

– Какая благодать! Какое совершенство! – громко крикнула она.

Ей так хотелось поделиться этим восторгом со всем миром. Но её слышали только солнце, небо, деревья и цветы... Немного поостыв, она решила погадать на ромашке. Только задумалась:

– На кого?

В школе ей нравились два-три смазливых, хулиганистых мальчика. Сейчас это смешно, а тогда казалось, что это серьёзно и на всю жизнь. В институте увлеклась двумя модными умниками.

– Жалкие нарциссы или законченные эгоисты, – почему-то вслух произнесла она и дальше продолжала клеймить их про себя. Они не завоевывают женщину! Они никогда не скрестят шпаги из-за неё! И только пользуются доступной и лёгкой добычей, постоянно купаясь во лжи. Ради близкой женщины эти не поступятся своими удобствами и планами, а спокойно бросят её в пути одну.

Прямо по Высоцкому: «и не друг, и не враг, а так...» Всё, это перевернутая страница.

– Дважды на те же грабли не наступлю, – подытожила она. – Погадаю на неизвестного. Но каким он мне видится? Не знаю. Идеальных людей нет, в каждом копят обиды, непонимание, противоречия. Но есть же люди, которые чувствуют одинаково, – с надеждой подумала она.

Лёгкие, белые лепестки медленно падали на землю в такт её словам. – Любит – не любит, к сердцу прижмёт – к чёрту пошлёт...

– Почему же к чёрту пошлёт? К сердцу прижмёт! – услышала она насмешливый и приятный мужской голос.

На мгновение закрыла глаза и живо представила Его. Выше среднего роста, открытое, умное лицо.

– Умру, если позёр или пижон, – улыбнулась она.

Порывисто обернулась.

– Вот он, – подумала она взволнованно и перестала соображать...

Дальше как будто кто-то стал направлять её:

– Действуй!

Она охотно прислушалась и этому руководящему голосу и покорно ему подчинилась.

– Откуда вы взялись? – смело спросила она. Он махнул рукой в сторону шоссе. Она продолжала наступать:

– Проколосось колесо? – Нет. – С вами что-то случилось? – Нет.

– Тогда, что вас привлекло сюда? – Ромашковое поле.

– Бог мой, это ты послал мне его. Благодарю. Мы оба чувствуем одинаково, – подумала она.

Земля стала уходить у неё из-под ног. Всё пришло в движение: плыли облака, деревья, цветы... Горячее, стройное тело девушки в лёгком платье подхватили крепкие мужские руки. Её голова лежала у него на плече. Перед их глазами, как в танце, плыли белоснежные ромашки, пьяняще кружились головы. Прижавшись друг к другу, вместе падали в эту ромашковую пучину. Они были неистовы в страсти и наслаждении.

– Если и есть рай на земле, то он здесь, на ромашковой поляне, – на миг пронеслось у неё в голове.

– Я – Надя, Надежда, – прошептала она слабым голосом.

– Я – Слава, – тихо произнес он.

– Как здорово – Надежда и Слава, – подумала она и улыбнулась про себя. – Сейчас мы скорее, как Адам и Ева в сказочном раю...

Надя и Слава встретились глазами. Не смутились, не испытали неловкости даже наоборот. Молодые, красивые, свободные. Они были благодарны друг другу.

– Это – скоропалительная, бурная любовь? Нет! Это – безумство, сумасшествие, которое, может быть, больше никогда не случится в жизни, – подумал каждый из них. С такими мыслями они некоторое время, молча, стояли на ромашковой поляне.

Надя огляделась вокруг – ромашки, ромашки, ромашки... Ничего не изменилось, они все также приглашают в белоснежный рай.

– Я хочу нарвать цветов, – как-то грустно сказала Надя.

– Я помогу, – услышала она. Через несколько минут у неё в руках был большой букет, который она нежно прижимала к груди, как самый дорогой подарок. Себе Слава не взял ни одной. Наверное, хотел оставить в памяти всю эту ромашковую поляну навсегда, и девушку – романтическую, страстную, в лёгком, воздушном платье.

По пути к машинам выяснилось, что Слава москвич, год назад закончил престижный Физтех.

– Будущий перспективный ученый, – подумала Надя.

На этом шоссе оказался не случайно, навещал одинокую тётю в деревне. Надя из областного центра, недалеко от Москвы, который называют российским Детройтом. Не торопясь, сели по машинам. Он ехал за ней, как будто оберегал её от беды. Перед стрелкой на Москву, помахали друг другу и поехали каждый по своей дороге.

– Навсегда?

– Неужели навсегда?! – эти слова больно отозвались в ней. Надя бросила взгляд на ромашки: пока они живые, дышат теплом и воспоминаниями, но скоро завянут... И вдруг она ощутила такую звенящую пустоту, такое горькое одиночество, что ей захотелось закричать от безысходности:

– Ну, зачем я тебя отпустила?! Мы же чувствуем одинаково, у нас – одно сердце на двоих. Я не могу без тебя!

Ей даже показалось, что она слышит этот дорогой голос. Сделала усилие, чтобы разобрать слова, но в этот момент внезапно из-за поворота выскочил чёрный джип.

– Катафалк, – невольно пробормотала она. Машина, словно играючи, выскочила на встречную полосу.

– Безмозглый дебил и урод в одном лице! – в никуда нервно закричала Надя и поняла, что столкновение неизбежно, но учёба отца не прошла даром.

В последние секунды она успела отвернуть руль вправо. Передние колёса неподвижно замерли в кювете. От резкого удара у неё закружилась голова. Беспорядочно вверх взлетели ромашки и тут же упали. На мгновение ей вспомнились слова из любимой песни матери: «Ромашки спрятались...»

Надя попыталась поднять руку, чтобы, как в детстве, помахать проезжающим машинам, но рука не слушалась. В ушах отчётливо звучали чьи-то взволнованные, громкие голоса:

– Полиция, скорая! На 18 километре авария!

Надя с трудом приоткрыла глаза, у неё снова закружилась голова, и ей показалось, что на той незабываемой поляне танцуют ромашки.

– Они живы, – еле слышно прошептали её губы.

– И ты жива, – услышала она любимый голос.

Лицо Нади осветила счастливая улыбка, теперь в её жизни навсегда останутся Он и целая ромашковая поляна.

Дарья ЧЕРНОУСОВА

АРЛЕКИН

Мои слёзы горьки на вкус,
Но редко стирают мой грим.
На маске – улыбка глупца,
Под нею – морщины и стыд.

Скрывает заплатка рубец
На сердце, когда-то живом,
И бархат перчатки облек
Холодный и бледный кулак.

И смех за мою спиной,
Как лезвие, в душу проник,
И болью отдался в висках.
Колени устали молить

Пощады у грубой толпы.
Я стал лицемерить в ответ
На искренний, наглый цинизм –
Чудовищем тотчас прослыл.

И где-то мой жалкий божок
Былую хранит мою честь,
Мой рвётся на части костюм,
И посох ждёт у дверей...

УГАСАНИЕ

Иссиний закат февраля,
Заглохший на западе, стоял,
Истёк
И небо от города скрыл.
Клубятся миражные тучи,
Земля, этот сливочный остров,
Тьмой-ночью без боя взята.
Один лишь маяк уцелел –
Фонарь заржавелый –
На старом и шатком крыльце...

ХУДОЖЕСТВО

Сентябрь, парчевник и купец,
Иконник от природы,
Раскрасил киноварью ветвь
На маковке у клёна,

Сусальным золотом покрыл
Луга и лес знакомый.
На малахит еловых игл
Заря льёт свет медовый.

А солнце, огненный гранат,
У горизонта тлеет;
Прожилки мрамора, агат –
На облачной аллее.

В КОПЯХ ЗЛАТЫХ...

В копиях золотых не блестели пески, в реке отражаясь,
Пусто, и лишней забыта была на приисках роскошь,
Илом покрылись богато неисчислимые бухты,
Брошенный некогда промысел время и пыль поглотили,
Стали кому-то сокровища ныне и впредь бесполезны, –
Так в моём сердце ненужной спала, похоронена, нежность.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРЕЛЮДИЯ

Небо тает над домами
(Белы стены, точно известь),
Облака ультрамарина
Растеклись над кровлей длинно.
Проплывает на пароме
Сонный город в полудрёме,
И деревья покосились,
Словно согнуты руками.

И неведомая сила
Повторяет их изгибы,
Вяжет, будто спицей, петли,
И дрожат огни на ветре,
Заплутав в ветвях осины
(Давят стены, словно спины).
Над оградой виснут ивы,
Туча звёзды усыпила...

РОСТКИ ПРОШЛОГО

Прошлым крепко схваченная память,
Словно тонкой, прочной, цепкой сетью,
Рыбой бьётся. Мысли лихорадит,
Быль их слепит чёрно-белым светом.

Прежнее бесшумно наступает
Скрытой, непомерной вражьей силой,
Грозно совесть душу упрекает,
В тайну беззастенчиво проникнув.

Скорбью горькой растревожен разум,
Тени поднялись воспоминаний,
Тихие свидетели рассказов,
Временем раскрытых подлым, давним.

Призраки, глухие к состраданию,
Собраны в саду, давно забытом,
Выбились на свет земной ростками,
Ясный день наполнили с избытком.

Как гнилые всходы вырвать с корнем,
Вновь удобрить почву и природным
Воздухом, и солнцем, и покоем
Остров жизни осенить холодный?..

ИЗ ПЯТИГОРСКОГО ДНЕВНИКА

Пусть молния расколёт небосвод,
Частиц смертельных в воздухе полёт
Разит без промаха вершину пятиглавую Бештау,
И блёстки, в темноте растаяв,
Рассыплются по небу звёздной пылью,
Внезапно грянут летним ливнем
И речку тонкую наполнят солью слёз,
Берущую исток на склоне, и откос
Окрасится зарёю утра дивной,
Под клёкот, громкий клич орлиный,
Родится солнце, из-за гор восстав,
И небо южное благословит эти места,
Для сердца милые.
И горный дух, и горные леса.

Мария БОТУК

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

Аня не любила свои дни рождения. Очень часто что-нибудь портило праздник. Три года назад в этот день умерла любимая бабушка, в позапрошлом году – отец ушёл от них с мамой. Да и друзья, если их таковыми можно было назвать, каждый раз придумывали оправдания, чтобы не прийти.

И вот этот день настал снова. Сегодня Ане исполнилось пятнадцать. Утром она проснулась от мамино поцелуя.

– С днём рождения, дочка! Ты у меня уже совсем взрослая, – протянула маленький подарочный пакетик.

– Спасибо!

Протерев глаза, девочка привстала и взяла пакет. Внутри был набор шариковых ручек и шоколадка. Скромный подарок, но ведь маме непросто приходится одной!

Аня села на кровати, потянулась, отгоняя остатки сна.

– В контакт, что ли зайти... – подумала она и взяла телефон.

Ни одного сообщения. Ну и прекрасно! Убрать дату рождения было отличной идеей...

– К тебе сегодня ребята придут?! Я торт испеку, – крикнула из кухни мама.

– Нет, я с ними в парке договорилась встретиться, погулять.

Аня соврала. В этом году она решила никому не напоминать о своём дне рождения. А ещё она была рада тому, что он выпал на выходной. Не придётся идти в школу, где кто-нибудь обязательно вспомнит, и все, как дураки, начнут дёргать за уши.

Девочка оделась и пошла на кухню. Мама уже наливала чай.

– Ну, что ты такая кислая?! Сегодня же твой праздник!

– Да что-то не выпалась..., – опять слукавила дочь.

Позавтракав, Аня сразу же направилась в прихожую. Она натянула сапоги, кое-как обмотала шею шарфом и тут заметила своё отражение в зеркале над тумбочкой.

– Ох, ну физиономия у меня, праздничная!..

Накинув куртку и попрощавшись с мамой, она выскочила на улицу. Для середины октября погода была на удивление тёплой. Через десять минут Аня была уже в парке. Сегодня тут много народа проводило свой выходной. Вот мама ведёт малыша с оранжевым воздушным шариком, а там парень с девушкой стоят в обнимку возле кассы аттракционов. И у всех, как по заказу, на зависть счастливые лица.

Девочка задумчиво направилась в дальний угол парка, где было поменьше людей, и даже нашла свободную лавочку под

большой раскидистой сосной. Она села и, уставившись в одну точку, постаралась ни о чём не думать. Но это ей плохо удавалось.

– Интересно, как там папа живёт с другой женщиной?! И вообще, помнит ли он обо мне?!

На глазах у девочки выступили слёзы. Но тут её невесёлые размышления прервал голос, детский голос.

– Почему ты плачешь?!

Перед Аней стояла малышка лет пяти в ярко-голубой курточке и в забавной белой шапке с кошачьими ушками.

– Сегодня у меня день рождения.

– Но ведь это же самый лучший праздник! Где же твои друзья?!

– Нет у меня друзей!..

– А хочешь, я буду твоим другом?!..

Аня, не зная что ответить, просто молча смотрела на девочку. Та, решительно и крепко взяв её за руку, потянула в сторону ближайших кустов.

– У меня для тебя есть подарок!

– Э-э-э, что?! Какой подарок?!.. И куда ты меня тащишь?!

– Пойдём-пойдём! Не бойся!

– Ну ладно, идём. А что за подарок-то?!

– Увидишь!

Девочка подумала, что ничего страшного тут нет, и пошла за малышкой. Они приблизились к кустам.

– Ну, и что дальше? – вздохнув, спросила Аня.

– Заходи внутрь кустов.

Ребёнок в кошачьей шапочке загадочно улыбнулся. Аня пожалала плечами и полезла в кусты. Ну подумаешь, дитю поиграть захотелось, почему бы и нет. Там, наверное, что-то вроде шалаша или домика. И тут её пронзило: на дворе октябрь, а эти кусты такие густые и зелёные, словно сейчас разгар лета... Больше она ни о чём не успела подумать, потому что в глазах потемнело, голова закружилась и отключилась.

Было непонятно, сколько времени прошло с того момента, но вот Аня очнулась. Она лежала на чём-то мягком, кажется на траве. Сверху нависали пышные и сказочно-изумрудные кроны деревьев, а пение птиц было завораживающим.

– Наверное, я сплю! – вслух подумала девочка.

– И вовсе ты не спишь! – послышался знакомый голосок.

Аня приподнялась на локтях и увидела перед собой... белую кошку в голубом платьице, стоящую на задних лапах. В передних она держала Анину шапку и шарф.

– Вот, ты обронила, когда мы летели сюда. Возьми.

– Спасибо!..

– Нет, я точно сплю! Говорящая кошка, зелёные кусты в октябре... и этот лес!..

– Да говорю я тебе, что не спишь! Ты просто попала ко мне в гости. А ещё тебя ждёт подарок. Не забыла?

Девочка внимательно посмотрела на хвостатую хозяйку и поняла, что та похожа на ту малышку из парка.

– Меня зовут Фелина. Можешь называть меня просто Лина. Это Лес Желаний. Здесь есть озеро, окунувшись в которое, ты сможешь загадать желание, и оно обязательно исполнится. Но только одно, самое заветное!

– Здорово! Но всё это похоже на сон или сказку.

– Да это так. Но, ты же всё-таки пошла за мной! Я знаю, что ты уже не ребёнок, но в глубине души ты веришь и надеешься на чудо. Я ведь давно за тобой наблюдаю, и мне очень захотелось тебе помочь.

– Давно наблюдаешь?! – глаза Ани удивлённо округлились.

– Ну да, помнишь кошку своей соседки тёти Светы? Так это я. Ну и плебейское же имя она мне дала – Мурка!

– И правда, ты на неё похожа...

– Ох, что-то мы совсем заболтались! Нам же пора двигаться к озеру! Оно во-о-он там, за теми большими деревьями.

Девочка и кошка быстро направились в сторону, указанную пушистой лапкой.

– А почему ты решила позвать сюда именно меня? И зачем притворялась маленькой девочкой? – жаждала удовлетворить своё любопытство Аня.

– Ну, мне захотелось немного пожить в мире людей, ведь тут одной не очень-то весело. А ещё я надеялась найти кого-то, кому будет необходимо загадать желание. Я случайно оказалась в твоём дворе и поняла, что ты именно тот человек, которому нужна моя помощь. А девочкой я притворялась для того, чтобы ты за мной пошла. А ещё ты очень добрая. Я никогда не забуду, как ты защитила меня от тех противных мальчишек, которые хотели обклеить меня скотчем. А вот мы и пришли!

Перед ними предстала гладь волшебного озера.

– Мне нужно раздеться и поплавать в нём?

– Нет, заходи в воду прямо так, не раздеваясь. Закрой глаза и нырни, и загадывай желание.

– А я не утону? Если честно, то я плаваю, как топор.

– Не бойся, не утонешь! Ведь это же необычное озеро.

Девочка зашла по пояс в воду и, набрав побольше воздуха в грудь, нырнула.

– Я хочу снова увидеть папу! – мысленно проговорив это, Аня уже хотела вынырнуть, но тут почувствовала, что опускается на дно.

– Всё-таки я тону...

Но вдруг она перестала ощущать вокруг себя воду, ей стало очень тепло и уютно. Аня открыла глаза. Она лежала в своей кровати. Конечно же, это был сон. Никаких сказочных лесов и озёр желаний, а Лина – никакая не Фелина, а просто соседская Мурка...

В комнату вошла мама.

– О, ты уже проснулась? А у меня для тебя подарок. С днём рождения, доченька! Ты у меня совсем взрослая!

Она протянула Ане тот самый пакетик с набором ручек и шоколадкой. Не успела девочка поблагодарить, как вдруг зазвонил домашний телефон.

– Это, наверное, тебе звонит тётя Лена, хочет поздравить. Иди, возьми трубку.

Аня встала и, слегка поёживаясь от холода, подошла к телефону.

– Алё?

– Анечка, здравствуй! С днём рождения тебя! Прости, что не звонил тебе раньше, прости! Я бы очень хотел тебя увидеть! Можно я заеду?! Ведь мама не будет против?!.. Аня?!

Слёзы ручьём хлынули из её глаз.

– Папа! Папочка! П-приезжай конечно!

– Хорошо, Анечка, в шесть – буду!

Мама стояла в дверном проёме кухни, слегка нахмурившись.

– Неужели он всё-таки вспомнил, что у него есть дочь?!

– Ну ладно, раз уж сегодня праздник, так и быть, пусть приезжает.

Ровно в шесть раздался звонок в дверь. На пороге стоял папа с коробкой в руках.

– Поздравляю, дочь! Я купил тебе в подарок планшет. Думаю, он гораздо лучше и удобнее, чем телефон.

– Спасибо, но главное, что ты здесь, папа! – она замерла, крепко прижавшись к нему.

Это был самый лучший и радостный день рождения в её жизни! Даже мама спокойно разговаривала с папой, как когда-то раньше. Но вот, уже был десятый час, ему было пора ехать.

– Можно я провожу тебя до машины? – Анины глаза просто светились от счастья.

– Да, конечно. Я так рад нашей встрече!

В обнимку они вышли из подъезда.

Возвращаясь обратно, она увидела Мурку, сидящую с важным видом на лавочке у подъезда.

– Спасибо тебе, Фелина!

Кошка отвернулась и стала вылизывать свою лапу, но перед этим подмигнула девочке. Аня улыбнулась и вошла в подъезд.

Елена КУШАКОВА

КТО ВОЖАК СТАИ...

Мы назвали её Сима, маленькую кошечку, то ли взрослую, то ли подростка, помесь дворовой с безусловной сиамской кровью.

У неё были голубые глаза, бурая шерстка и очаровательная трогательная мордочка. Какими судьбами она оказалась на нашей лестничной площадке, неведомо: то ли выбросили, то ли потерялась. Отчаянно перепуганная, голодная и замёрзшая, она истошно мяукала.

«Кисанька, ты потерялась?» – наклонилась я к несчастной. Почувствовав человеческое участие, кошка вспрыгнула мне на плечо, приведя меня в неопикуемый восторг.

«Виталь! Смотри, мне кошка на плечо вспрыгнула!» – воскликнула я, заходя с ней в квартиру.

«Господи! Она кошку на себе принесла! Как же теперь её из дома выгонишь? Придётся приютить», – решил муж.

«А как мы её назовём? Давай Сима. У неё явные сиамские корни», – предложила я. На том и порешили.

Обнюхав все закоулки нашей квартиры, Симка начала обустраиваться: выбрала место для сна на диване, для обзора окрестностей – высокий шкаф в мебельной стенке, куда она взлетала, прыгнув предварительно на ковёр на стене, столовую – на кухне.

Но самое любопытное: поселившись у нас, она вообразила себя вожакom стаи, где мы были явно на вторых ролях. Особенно доставалось мужу. За резкие движения руками он получал укусы и царапины. Иногда перепало и мне.

И вот однажды произошёл такой случай...

Сажу я себе на диване, читаю книгу. Подходит ко мне этакая милая киска, и я наклоняюсь погладить её по голове. За эту фамильярность Симка впилась мне зубами в запястье и задними лапами расцарапала руку.

Моему возмущению не было предела: «Я её приютила, можно сказать, спасла от голодной смерти, а она, неблагодарная!»

Несмотря на льющуюся из раны кровь, я схватила домашний тапок с ноги и шлёпнула негодяйку по задку.

Вот этого она не ожидала, и в страхе метнулась на ковёр, а затем на спасительный шкаф. Но меня переполняло негодование. Подставив стул и взгромоздившись на него, я тапком шлёпала кошку. Тут Симка окончательно перепугалась и вжалась в щель между шкафом и стеной. Последний победный шлепок забил её в щель окончательно. Добраться до неё стало невозможно, для этого

надо было бы разобрать всю мебельную стенку. Заглянув сбоку, я увидела такую картину: Симка висела в щели, распятая как белка-летяга. Она пыталась выбраться вверх, но под собственным весом опускалась вниз. Ей было очень страшно, и она отчаянно вопила.

Что нам делать? Как её вызволять? Муж решил выбить стенку в нижней части серванта, чтобы вытащить кошку из плена. Уцепившись за кончик хвоста, он начал тащить её вниз. Обезумевшая от ужаса Симка решила, что ей приходит конец. Из последних сил она рвалась вверх, но неумолимая рука смерти тянула вниз.

«Мяу-у-у-у!» – орала несчастная. Наконец, чуть не оторвав ей хвост, муж вытащил Симку на белый свет.

Вся в пыли, на полусогнутых лапах кошка метнулась за диван. Мы не видели и не слышали её несколько часов. Обдумывая происшествие, Симка переосмыслила своё положение в стае, причём, явно, не в свою пользу.

Когда, наконец, она вышла из-за дивана, мы её не узнали. Как по мановению волшебной палочки Сима превратилась в милейшее, добрейшее и нежнейшее существо. Вожакom стаи она назначила меня. С этой минуты мне позволялось всё: закидывать в рот неудобную таблетку, мыть в ванне, стричь когти и прочие неприятные процедуры.

Теперь, когда её брали на руки или гладили, она пела чудесные песни, тёрлась об ноги, показывая всем членам семьи (и даже маленькой внучке), насколько выше она ставит род человеческий.

А ещё она поразила нас удивительной для кошки способностью: свой кошачий туалет она совершала в унитаз, балансируя на его краешке на четырёх лапах. Единственно, она не умела спускать за собой воду.

С тех пор мы зажили с Симой душа в душу. С ней произошло ещё много смешных и трогательных историй. Но это уже другой рассказ.

Сейчас она совсем старенькая. Шкурка поплёкла, тельце похудело, глаза перестали быть голубыми. Но мы любим и жалеем нашу старушку, что некогда пыталась стать вожаком нашей стаи.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ СИМЫ

*Что-то первая любовь вспоминается,
Даже если со второй начинается
Или с третьей, что была их удачнее,
Только первой всё равно сердце схвачено.*

Весной мы вывезли нашу кошку в деревню. После городской квартиры трава, цветы, бабочки и удивительные запахи вскружили горожанке голову. Захотелось приключений и, конечно, любви, о чём Симка сообщила миру противным курлыканьем.

На призыв не замедлил явиться кавалер – соседский кот Васька преклонных лет, обладатель голубых глаз и аристократических манер.

Взаимное чувство вспыхнуло мгновенно. И не мудрено: барышня была наивна, а поклонник искушён. Влюблённые умилительно мурлыкали и касались друг друга носами. После очаровательного ухаживания Васька на кошачьем языке произнес: «Сударыня, прошу вашей лапы и сердца!», на что влюблённая Сима мурлыканьем ответила утвердительно.

И пара побежала строить семью. Картину внучка описала так: «Бегут, целуются, жениться хотят!».

Однако грядущее семейное счастье было нарушено. Перспектива появления котят нас не устраивала. Сима была поймана и отправлена в сарай со стеклянным окошком. Огорчённый Васька с упрёком оглянулся на вероломную подругу: «Что же ты, мол?», на что Симка грустно сказала: «Мяу! Я – существо подневольное».

Васька был также пойман и выдворен за забор. Однако ночью он проник на усадьбу и принялся тоскливо завывать, расхаживая вдоль дома и вызывая возлюбленную. Она, в свою очередь, добралась до окна и отвечала ему отчаянным мяуканьем. Видя друг друга через стекло сарая, пушистые Ромео и Джульетта сетовали на печальную судьбу несколько ночей.

Потом Васька пропал, и Сима была выпущена на свободу. С энтузиазмом она принялась изучать окрестности усадьбы. И вот в один прекрасный момент мы услышали душераздирающие вопли нашей кошки. Оказывается, группа соседских котов и кошек пришла выяснять имущественные притязания самозванки на их территорию. Конфликт грозил перерасти в избиение.

Кручу мужу: «Наших бьют!». Прибежал Виталий, размахивая дрыном, и кошачья стая бросилась врассыпную. Нахального рыжего кота из соседнего дома муж погнал по дороге, вслед за ним, распушив хвост, помчалась Симка, демонстрируя всему миру свою храбрость и имущественные права.

Добежав до края усадьбы, Симка вернулась на веранду и стала деловито вылизывать встрёпанную шерсть.

Право охоты и прогулок на территории усадьбы было отвоёвано.

СИМКА – ОХОТНИЦА

Весенний ветерок, щебет птиц и волнующие незнакомые запахи увлекли городскую кошку на тропу охоты.

В первый же день по приезду случился курьёз.

На усадьбе был выкопан небольшой пруд диаметром метра два и глубиной метр для сбора талой воды. Около него Сима заметила птичку с красной грудкой. Находясь сама на

противоположном краю, отважная кошка ринулась на добычу... И оказалась ровно посередине пруда. Что делать? Утонет! Я собралась прыгать в ледяную воду и спасти незадачливую охотницу.

Но неведомая сила, как пружинной, выбросила кошку на обочину (видимо, есть кошачьи ангелы-хранители). Мокрая, на полусогнутых лапах Симка бросилась к дому. Пришлось вытирать её полотенцем и сушить на растопленной русской печи.

Но охотничий запал не исчез. На следующий день кошка заметила ящерицу и ловко схватила её за хвост, который та благополучно отбросила и была такова. Изумление, написанное на кошачьей морде, стоило увековечить на фото!

А потом Симка увидела лягушку. Что за зверь? Пахнет как-то неинтересно, но прыгает. Лягушка сделала прыжок, следом прыжок сделала кошка. Так и проскакали вдоль всего участка, пока лягушка не спряталась в густой траве.

Вечером к нам пришёл ёжик. Его закатали в шапку и понесли показывать Симе. Ёж, свернувшись в клубок, топорщил иголки и фыркал. «Пожалуй, это небезопасно!» – решила отважная кошка и ретировалась.

Но настоящая охота началась, когда Сима обнаружила, что на поле водится полно мышей-полёвок. Вот где проявился её настоящий охотничий инстинкт. Она ловила их десятками, отгрызала голову и выкладывала трофеи на пороге дома, отчитываясь о проделанной работе.

А ещё Симка сразилась с лаской, которая поселилась на усадьбе и однажды проникла в дом. Схватка произошла ночью. Кто победил – нам неизвестно, но на горле кошки обнаружилась глубокая рваная рана, от которой навсегда остался шрам.

Сейчас Симе идёт семнадцатый год, она очень больна и скоро нам придётся проститься с любимой кошкой.

Спасибо тебе, наш маленький пушистый дружок, за подаренные тобой минуты тепла и нежности.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА

Галина БАРХАТОВА

ПОМОГИ-И-ИТЕ!!!

Народ, срочно нужна ваша посильная помощь.

Потерялись вдохновение. Оно наглое и быстро летает, может залезть к вам в дом, поэтому, если вы вдруг почувствовали себя окрылёнными и побежали рисовать очередные «Мягкие часы», остановитесь. После работы это вдохновение улетит, распевая плохие песенки, к другим людям, а к вам приплетётся депрессия. Вы же этого не хотите?

Так вот: пожалуйста, пишите какие-нибудь хорошие идеи, если не жалко, в комментариях или в личку. И тогда вдохновение сразу примчится ко мне, как толстые коты бегут к свежеположенной еде (у кого есть коты, поймут). Совладать с этим буйным вдохновением могу только я. Привыкла, что делать. Другое мне уже не нужно.

Итак, вы мою просьбу поняли. Отличительные признаки этого вдохновения:

- оно имеет противный характер подростка;
- рядом с ним всегда находится депрессия;
- очень буйное и наглое. Если можно было бы его нарисовать, то получился бы молодой конь огненной окраски.

Итак, если вы увидите или почувствуете это вдохновение, то бегите к компьютеру и пишите мне в комментариях или личным сообщением что-нибудь интересное и новое, если сами не хотите это воплотить в жизнь.

P.S. Даже если не найдёте беглеца, то всё равно... напишите мне что-нибудь приятное...я буду рада!!!

Нет... лучше не пишите.

ЕЩЁ ОДИН ГОД

Через несколько часов наступит новый 2016 год. Как... странно... сравнивать час и год... иногда за первый может измениться вся жизнь, но часто за второй ничто не изменится...

Старый 2015 год скоро исчезнет. Некоторые будут вспоминать о нём, как о самом прекрасном году в их жизни. Некоторые будут с горечью думать, за что же им выпало такое...

Мне всегда грустно, когда кончается какой-либо этап в жизни. Всё кончилось, всё, что питало душу, исчезло. Ещё одна страница из блокнота вашей жизни перевернулась... Чистый лист

сияет своей белизной, и только от вас зависит, что на нём появится, как оно будет выглядеть... Возможно, это будет тихий, мирный пейзаж, написанный масляными красками? Или появится новый вальс-минутка, что пролетит и закончится также быстро, как закончится для вас этот год? Неизвестно... Но знайте: бабочка трепещет в ваших руках. Не убейте её.

А я хочу поблагодарить 2015 год. Спасибо! За все прекрасные моменты, что мне выпало пережить, за знания, опыт и мудрость, что я сумела поймать, за упущенные надежды, за слёзы... Единственное, что я могла делать, это шептать: «Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее». Спасибо за силы. Я буду помнить тебя, как очень яркий период моей жизни. Мне не забыть тебя. До свидания, старый Новый год!

А ты, наступающий 2016, принимай эстафету и беги к своей финальной точке! Будь стремителен, но не пропусти прекрасных мелочей, что наполняют нашу жизнь! Тебе дано больше времени, чем нескольким предыдущим годам: ты високосный. Удачи! Мы надеемся на победу и бурные аплодисменты!!!

А я могу лишь сказать всем-всем-всем: без света нет тени, а без тени нет света. Помните это.

* * *

Знаете, мне все время одна мысль покоя не даёт.

И всему этому виной моя голова. Кстати, ей огромное спасибо. Без неё я бы уже давно либо сошла с ума, либо вообще умерла. Да, такое бывает, без головы все жизненные процессы в организме останавливаются почему-то, и человек умирает. Правда, странно? Да, хороший вопрос, чёрт возьми. Стоит размышлений, а?

У меня в голове и так каша, а тут ещё эти клещи философские прицепились и кровушку мою дегустируют. Кстати, как их приручить? Лучше пусть в банке копошатся, я понимаю, но они лезть туда не хотят... А эти клещи ещё и заразу переносят. Я не могу понять, какую, но опыты в моей тайной лаборатории уже наталкивают меня на верный след...

Так вот. Люди и нелюди, вы когда-нибудь задумывались о том, что человеческая жизнь, вам данная, есть Великая и Огромная Четь? Только подумайте: сколько разной скотины существует на планете – киты, моллюски, улитки, да хотя бы та же амёба – они вообще понимают, что живут? Что у них есть в голове и отростках, ей подобных? Способны ли они на размышления? Умеют философствовать и, залезая в ванну, «Эврика!!!» вопить (кстати, а что случилось-то? Может, я тоже одноклеточное, если не понимаю, зачем орать на вылившуюся водичку, из-за того, что она... а что она? Нашкодила? И некто приказывает, чтобы водичка, извинительно булькая, обратно на

ложноножках взобралась? Нет, ну правда, мужик на пустом месте соседей оглушал?) Вот именно, что НЕТ! НЕТ!!! и ещё раз НЕТ!

Человек тоже животное. Но! животное особенное. Лишь он может идти против течения и изменять свою судьбу, изменяя при этом и окружающий мир, а вот к лучшему ли, к худшему ли – зачастую не знает и сам человек. Надо бы к лучшему, но получается плохо. И почему-то на этом месте человек останавливается и не идёт дальше. А иногда ему подножку подставляют завистники и просто мелочные и злые люди, рядом идущие, и так тесно, что невольно и внимания не обращаешь... Пожалуйста, поднимайтесь и идите дальше. Лишь вы одни можете поменять свою судьбу. Лишь вы сможете исправить свои ошибки и мерзости чужих.

Мне так часто говорят, что нет больше сил идти, что готовы умереть за спокойствие. Bravo. Тогда вы разобьёте хрустальный шар – подарок Провиденья.

Скажите, вы будете рады, если сломаете дорогую вещь, которую вам кто-то подарил? Я бы паниковала и билась головой об стенку. Помните, что только одному существу на Земле даны новые мысли и нестандартный ход раздумий – человеку. Вы – человек. Всё, что у вас есть – подарок. Бесценный для вас. Не ломайте его и не теряйте. Второй раз, увы, вам одно и то же не подарят. И человеческую жизнь не починишь и не вернёшь. Каждый человек уникален, и не найдётся такого универсального инструмента, что подошёл бы для починки всех поломанных «человеков» и судеб.

Поэтому прошу: идите вперёд. Если ваш подарок уже несколько раз кое-как склеен вами, но всё ещё работает, не выкидывайте его в сторону. На этой планете есть ещё пара людей, которым вы необходимы, как рыбе – вода, скрипачу – смычок, а одинокому – друг. Они вам помогут. Вы ещё в игре.

Друзья, живите!!! Если никому нет до вас дела, ну и что???

Живите для себя!

И ещё: подарок ваш, и только ваш, не тратьте его попусту, используйте время, вам данное. Дарите его людям, которые в нём нуждаются.

Майя БОНДАРЬ

ЗАПОВЕДНОЕ МЕСТО МОЁ

В глуши лесной есть озеро в тумане,
Где нянька-ночь купает облака,
На водопой приходит утром ранним
Моя душа к нему издалека.

Глухой стеной кустарник и деревья –
Никто сюда вовек не попадёт.
У тихих вод озёрных на колени
Моя душа прощённая встаёт.

Хрусталь воды стекает по ладоням,
Ему бы вниз, а он вокруг меня...
Я окроплю озёрною водою
Всё поле брани нынешнего дня.

Я ВАС ПРОШУ

Не пожелайте зла друг другу,
Зачем солёное солить?
Поднимет соль такую вьюгу,
Что всем несладко будет жить.

В солёных бочках сны в рассоле,
Рассольник утром и в обед,
И злом как солью пересолен
Любой вопрос, любой ответ.

Солёным словом ради смеха
Солёной выдавить слезу,
Бросаем соль из окон сверху
На пересолённых внизу.

Чтоб не упали с вами рядом
Кристаллы соли, как фасоль,
Не пожелайте зла, не надо...
Пусть будут в меру хлеб и соль.

В СНЕЖНОЙ ПЕКАРНЕ

У хозяйки-зимы много белой муки,
Почему ж ей никак не испечь пироги?
Озадачена, бедная, этим слегка,
Нет в запасе ни сахара, ни молока.

От такой нищеты навалилась тоска,
Она вышла на трассу «Калуга-Москва»,
Дальнобойщикам зиму ругать не с руки,
«Вот, возьми, дорогая, пеки пироги.

Будь поласковой к нам, не мети, не пуржи,
Если в чём-то нуждаешься, только скажи,
Дед Мороз и Снегурочка скоро придут,
И под ёлками дети подарки найдут».

Ночью в снежной пекарне трудилась зима,
Пирогам сугробы легли на дома,
А когда отряхнулись от белой муки,
Вся Россия пришла на её пироги.

НАСТРОЙКА ИНСТРУМЕНТА

Любой музыкант это знает.
И прежде, чем что-то сыграть,
Он свой инструмент проверяет,
Тот должен красиво звучать.

Я утром, когда просыпаюсь,
От будущих всех неудач –
Своё настроенье стараюсь
Настроить, как скрипку скрипач.

Та струнка, похоже, ослабла,
А эта в натяжке слегка,
Дойдёт до звучащего лада
В Знамени крёстном рука.

Вот мама и папа навстречу,
Домашний оркестр наш готов,
У всех трудный день, но под вечер
Мы снова сыграем Любовь.

Эля КОТЕЛЬНИКОВА

СОМНЕНИЯ

Вот вход... раз он есть – то, возможно, войду,
Но вход станет выходом, если уйду,
А надо ли мне вообще заходить?
Когда мне придётся назад выходить?

А вдруг эта дверь мне нужна позарез?
А вдруг это вход в королевство чудес?
А, может, за нею ступеньки в подвал,
А, может, и хуже – бездонный провал?

Ну хоть бы над входом табличка была,
Она бы светилась и мне помогла,
В Московском метро суетится народ,
Таблички сияют на «выход» и «вход».

А если вот так, повернусь и уйду?
И что-то тогда навсегда не найду,
Входить, не входить – всё никак не решу,
Есть выход иной – я у мамы спрошу.

АЛИСКА

У меня есть младшая сестрёнка,
Мне наверно с нею повезло,
В ней три Ангелочка, два бесёнка
И проказ несметное число.

Эх, Алиска, солнышко в стакане,
Непоседа радостного дня,
Для меня, для ёжика в тумане,
Ты всего лишь копия моя.

Все твои секретки, секреты
Спрячем вместе, только и всего,
Ты, Алиска, соткана из света
Золотого детства моего.

ПЕРЕД СНОМ

Когда на улице становится темно,
И фонари выходят на работу,
Из комнатки смотрю в своё окно,
Жалею всех в ненастную погоду.

Прохожие, попавшие под дождь,
Бездомная собака у подъезда,
Простите дождь, ну что с него возьмёшь,
Желаю всем найти сухое место.

Кленовый листик ветром на окно,
Его ладошкой собственной накрою,
Всё, что увижу в тонкое стекло,
Мне от Творца подарено с Любовью.

У всех озябших в маленьком долгу
Я повинюсь молитвой состраданья,
А на стекле, всё то, что я могу –
Мой контур губ от влажного дыханья.

ВСЁ ВПЕРЕДИ

Хочу объехать мир и убедиться,
Что люди все похожи на меня,
Нас разделяют всякие границы,
Но всем Господь дал место у огня.

Краюшку хлеба, веру и надежду,
Деревья, травы, спелое зерно,
Дал светлый дом и тёплую одежду,
Живите, люди, хватит вам всего.

Я всех людей увижу и услышу,
Хоть я совсем не знаю языков,
Гуляя по весеннему Парижу,
Я всем раздам Калужскую любовь.

Индейцы мне подарят амулеты,
Японцы рисом сладким угостят,
Как хорошо бродить по белу свету,
Пусть все друг друга любят и простят.

Александра ЖАРКИНА

УКРАИНА

Украина, Украина,
Ты – вторая половина
Нашей Церкви навсегда,
Но к тебе пришла беда.

Зажигаем в храме свечи,
Пусть тебе живётся легче,
Ну зачем тебе война?
Где война – там Сатана.

На твоей земле берёзы
На ветру роняют слёзы,
Всё такое ж, как у нас:
Богородица и Спас!

Вот и Пасха от Мессии
Украине и России,
О добре и о любви
Дети молятся твои.

ЧТО ЕЩЁ?

Хорошо, спокойно, мирно...
Что ещё желать, скажи?
Сыплет ягоды рябина
На вторые этажи.

В ноябре светает поздно,
День воскресный, не спеши
Лёгким утренним морозом
На вторые этажи.

Дымкой облачность над домом,
Одеялом для души,
Я встречаю день поклоном
На вторые этажи.

ХОТЯ БЫ ТАК

Хочу сказать вам, взрослые,
Какие вы несносные,
Какие вы унылые,
Какие вы серьёзные.

Как часто с вами холодно
И дома, и по городу,
Смотрю на вас в сомнении –
Вы, правда, были молоды?

Какие вы несчастные,
Какие несуразные,
Нахохлились, насупились
От всякого напрасного.

Напуганы, растеряны,
Загружены, потеряны,
А дети тонко чувствуют
Такие настроения.

Когда любви стесняются –
Болеют все и маются,
Шесть дней побудьте взрослыми...
Воскресный – в детской радости...
Хотя бы так!

Диана НОВИКОВА

НАДЕЖДА

Я хочу вас спросить, что такое – надежда?
Подскажите, ну где же её мне найти?
Пусть приходит она в своих белых одеждах,
Только ты по дороге не сбейся с пути.

По болотам и мхам, по степному простору,
По зелёным угольям дремучих лесов,
Даже если ко мне доберёшься не скоро...
Ты – надежда моя на Весну и Любовь.

Мои двери всегда для надежды открыты,
Ведь счастливее тот, кто храним и любим,
Сквозь туманы, дожди, облаков белых плиты
Ты пробьёшься ко мне по молитвам святым!

МИЛОЕ СЕРДЦЕ

Милое сердце в квартире со мною живёт,
Гладит, стирает и варит фруктовый компот,
Утром поднимется рано: ни свет, ни заря,
Милое сердце – да это же мама моя.

Солнце за окнами, солнце в квартире моей,
Милое сердце, и нет его в мире милей,
Маме моей помогаю, чем только могу,
Быть, как она, я мечтаю, а значит, смогу.

Я постараюсь поменьше тебя огорчать,
Честно тебе на вопросы твои отвечать,
Ведь ты заботишься, хочешь, чтоб дочка твоя
Милое сердце в подарок взяла от тебя.

ПЕРВЫЙ СНЕГ НА РОЖДЕСТВО

В шкафу зимы нарядов хватит,
Кто ж их считал, нарядов сто,
Но есть возлюбленное платье –
Тот первый снег на Рождество.

Оно хранится в целлофане,
Блестит серебряным руном,
Проснётесь вы, а утром ранним
Зима невестой под окном.

На рукавах и на подоле
Мех горноста и лисы,
На Рождество в лесу и поле
Всё изумительной красы.

На крестный ход зажгутся свечи,
Сольются светом в согни рек,
А он идёт, он пуха легче –
На Рождество тот первый снег.

Ангелина АЗАРОВА

ВАСЬКА

Жил-был мой котёнок Васька,
Очень хитрая мордаська.
Воровал сосиски он,
Запивал их молоком.

Разодрал он все подушки,
Разбросал мои игрушки,
И погрыз он провода:
Так играет он всегда.

Так устал шалун за день,
Что бродил он, словно тень.
И свалившись под столом,
Он заснул глубоким сном.

ПАСХА ХРИСТОВА

Пасха, Пасха – день чудесный,
Пасха, Пасха – светлый день,
Он воскрес, и я воскресну,
Свет прогонит злую тень.

Будут вьюги и морозы
За спиною навсегда,
У людей грехи и слёзы
Смоет талая вода.

ЩЕНОК

Жил на улице щенок,
Был он чёрный, белый бок.
Он ко мне ласкался,
Вовсе не кусался.
Я гулять ходила
И его кормила.
А когда пошла домой,
Увязался он за мной.
Мама, папа, помогите,
К нам щенка домой возьмите.

Мария РАТНИКОВА

МОТЫЛЁК

Ночь. Окно.
За ним темно.
Горячие звёзды не греют.
И вовсе они не жалеют
О том. Ничуть.
Дорога и дремлющий путь
Далёк.
В темноте вспорхнул мотылёк.
Пишу в темноте,
Мечтаю о весне,
Скорей, быстрей
Приди,
И больше не уходи
Никогда, никуда.
Я хочу теплоту,
Я хочу темноту
Весной!
Мой друг мотылёк
Летит в потолок.
Лампа качается.
Ночь не кончается.
Но мне всё равно...
Кто-то спешит
Домой...
Тихими шагами
Подходит кот,
Мелкое дыхание
И вот уйдёт.
Мой мотылёк
Будто лёгкая пыль.
Расплавится он
Будто сон...